33 мушкетёра и жемчужина дао

Александр Павлович Клыгин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новое оригинальное произведение Александра Клыгина в жанре литературного ремикса. Здесь сюжеты Дюма соединяются с дзенскими и даосскими притчами, а в качестве остренькой приправы – учение Дона Хуана и Карлоса Кастанеды.

- Александр КЛЫГИН
  - Отавтора
  - Королевскийзавтрак
  - Судьбадаётшанс,нонеденьги
  - RenaissanceBusiness
  - Ясновидецизподворотни
  - Трудностииз-засменыимён
  - Глупостипросветлённыхнезнаютграниц
  - Старые-новыеприключениямарсельскоготакси
  - ***
  - Короткоопрогрессе
  - КакРошфорпомогд’Артаньяну,укравегописьмо
  - Какд’Артаньянискалписьмо,ноненашёл
  - Наконец-тоПариж!
  - Приёмнаясенцеямушкетёров
  - Не-деланиесмерти
  - Пророчествасбываются,илиКакпоявиласьВенераМилосская
  - Какд’Артаньяннечаянновылечил Атоса
  - MadeinChina
  - Опроблемеутилизациииносовыхплатков
  - Дуэль
  - Магическаядуэль
  - Дорогадомой
  - Какд’Артаньянпознакомилсясчайником
  - Королевскаяаудиенция
  - Ещёодинразговоропророчествах
  - Последствиятрансалкогольноймедитации
  - Экскурсиявпрошлое
  - ВстречакардиналасгерцогомБэкингемом
  - ЛегендаоЖемчужинеДаовложномизложениикардинала
  - Какд’Артаньяннашёлспособнеплатитьзаквартиру
  - Порошокгорячихпарней
  - Чтобывает,еслипитьскардиналом
  - Новыеприключениячайника
  - Липовоеалиби
  - Невидимаявойнаутрона

- Подготовкакбалу
- Сумасшедшийбал(часть1)
- Непостельнаясценавсаду
- Сумасшедшийбал(часть2)
- Реалити-шоу-подглядываютвсе!
- Герцогтоженедурак
- Утровкоролевскойспальне
- Из-зачеголюдиразводятся
- Д'Артаньянсновалезетневсвоёдело
- ЛегендаоЖемчужинеДаоизпервоисточника
- ОЖемчужинеиПустомУме
- ТеперьиКартушвлезневсвоёдело
- ДуэльПортоса
- «Дорожныеработы»
- Строимпланынаскаку
- Астральноепутешествие
- Запаснойплан
- Утренниебеседыпросветлённых
- Кардиналбалуетсямагией(покаинквизицияспит)
- ТакукрашаласьБастилия
- ЛовушкадляАтоса
- Опользедубазелёного
- ТемвременемвЛувре
- ИнструкцииАтоса
- Путешествиевтелесновидения
- Барбекюизд'Артаньяна
- ВАнглии
- СумасшедшийдомвБэкингемскомдворце
- Окрасотерекламныхслоганов
- Meningreen&DeepForest
- ПриключениямиледивБэкингемскомдворце
- БуддаРобинГуд
- Инквизицияспала,нопроснулась(чтовесьманекстати)
- Таксикакскоростнойпоезд
- Экстравагантноевозвращение
- Подготовкакновомубалу
- Дворяневсехстран-соединяйтесь!
- Новыйсумасшедшийбал
- Hehappyend
- ИсцелениеПортоса
- ЕщёразпроВенеруМилосскую
- Осексеидругихподавляемыхжеланиях
- СмертьгерцогаБэкингема
- ВоскресениеАрамисаизмёртвых

- ТриумфальноевозвращениеАтосаизподвала
- Хорошееделобракомненазовут
- Прогнилочто-товкардинальскойсекте
- Местьмиледи
- Татуировкиичёрнаямагия
- Ритуал
- Тридцатьтретиймушкетёр

Александр КЛЫГИН

33 Мушкетёра и жемчужина дао

(Ироническо-фантастическая повесть с элементами постмодернизма и учения дзен)

Отавтора

Предлагаемая вашему вниманию повесть ни в коем случае не является наглым плагиатом произведения Александра Дюма. Дело в том, что мне всегда нравилось читать книги Дюма о приключениях мушкетёров, но, посмотрев ряд бездарных экранизаций, я решил, что оригинальный сюжет уже нельзя испортить ничем. Ну, вспомните, например, американскую экранизацию, где Портос оказался пиратом или ещё одну, где кардинала Ришелье играл Жерар Депардье (над этим фильмом я тоже долго смеялся). Но когда я увидел российский мюзикл о мушкетёрах, где Алёна Свиридова играла не то Атоса, не то Арамиса, а кардинала Ришелье – Верка Сердючка, то понял, что Дюма уже устал переворачиваться в гробу и я могу сочинять всё что угодно на мушкетёрский сюжет.

Хотя, надо сказать, в моей повести важную роль играют дополнительные восточные мотивы. Надеюсь, читатель оценит оригинальность данного подхода.

Благодарю за внимание,

А. Клыгин.

Отдельноеtercі за помощь в написании книги: Александру Дюма, Ошо Раджнишу, Лао-цзы, Чжуан-цзы и безымянным даосам, также А.С. Пушкину, Лесли Нильсену,GeorgeMichael,RitchieBlackmore & «Blackmore'sNight», «Scooter», «DeepForest», а такжеSir ЭLDORADO &I-RA.

Спасибо всем.

В книге использованы стихи А.С. Пушкина,sir ЭLDORADO,CandiceNight.

Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в шумном беге -
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря.
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
А. С. Пушкин.

Королевскийзавтрак

Король-Солнце вышел к завтраку после утренней медитации. Этим утром вместе с Королём завтракали три буддийских монаха, семь членов парижской дзенской общины и сенцей королевских мушкетёров, почтенный бодхисаттва Лесли Нильсен.

– Ом мани падме хум! – поприветствовал собравшихся Король.

– Да пребудет с вами сила, Ваше Просветлейшество! – хором ответили собравшиеся.

– Что сегодня на завтрак? – спросил Король у своего личного повара, который стоял в ожидании рядом с накрытым столом.

Помощники повара только что ввезли в комнату столики на колёсиках, уставленные закрытыми блюдами.

– Чай и пирожные, сэр, – ответил повар, пока Король удобно устраивался в позе лотоса на своём обеденном троне с подушкой.

– У нас что, Англия? – спросил Король. – Почему чай? Во Франции полагается пить вино.

– Простите великодушно, Ваше Просветлейшество, но я полагал, что для вина ещё слишком рано, – оправдался повар. – Впрочем, если хотите, я прикажу подать вино.

– Да ладно уж, подавай свой чай, – ответил Король. – Что ж, господа, раз уж мы с вами собрались за завтраком, почему бы нам не поболтать? Как у нас успехи со строительством пагоды в центре Парижа?

– Всё идёт своим чередом, Ваше Просветлейшество, – ответил один из буддийских монахов. – Только инженеры высказывают опасение, что эта постройка может рухнуть в случае урагана.

– За последние триста лет в Париже не было ураганов, – Король небрежно махнул рукой. – Пусть строят и дальше, пагода не упадёт, если я не прикажу.

– Конечно, Ваше Просветлейшество! – сказал буддийский монах. – Однако один из ваших инженеров внёс предложение построить пагоду не из дерева, а из металла, хотя я не представляю, как это можно осуществить.

– Что? – рассмеялся Король. – Пагоду из металла? О-хо-хо, это забавно! Кто же додумался до такого?

– Его зовут Эйфель, – ответил другой буддийский монах. – Он говорит, что если строить по его проекту, то пагода простоит тысячу лет. Шутник, n'est ce pas?

– Да, шутник, – согласился Король. – Вы только представьте, насколько смешна сама идея – пагода из металла! Ха-ха-ха! Да пройдёт ещё лет двести, прежде чем люди смогут построить нечто

подобное. А впрочем, как-нибудь приведите ко мне этого Эйфеля. Спрошу у него, готов ли он ждать столько времени. Если готов, посадим его на эликсир бессмертия.

– На эликсир бессмертия?! – ужаснулся один из буддийских монахов. – Я почти уверен, Ваше Просветлейшество, что ни один смертный добровольно не захочет пить это целых двести лет!

– Мы уважаем право выбора даже у смертных, – улыбнувшись, сказал Король-Солнце. – Если этот человек захочет прославиться на века, мы должны предоставить ему такую возможность.

– Ему придётся долго ждать возвращения в нирвану, – посетовал другой буддийский монах.

– Ваши коллеги из дзенской общины знают, что следует потакать даже самым глупым желаниям человека, если он добровольно готов страдать ради их исполнения, – сказал Король. – Ведь не будет толку от пребывания в нирване человека, не реализовавшего свои желания.

– Конечно, Ваше Просветлейшество, – согласился один из членов дзенской общины. – Всем нам необходимо реализовывать свои желания, однако, насколько я знаю, по-настоящему в этом преуспели только вы.

– Надо использовать возможности, которые дала нам жизнь, – улыбнулся Король-Солнце. – Кстати, чудачества с обливанием прохожих краской на прошлой неделе – это ваша работа?

– Должны же монахи нашего ордена избавляться от привязанностей, – сказал другой член дзенской общины. – Мы потратили много краски, но что есть краска в сравнении с духовным прогрессом, который осуществили наши братья?

– Верно говорите, саньясин Ривьер, – сказал Король-Солнце. – Господа, а довольны ли вы замком, который я выделил для вашего ордена?

– Мы всем довольны, Ваше Просветлейшество, – сказал другой дзенский монах. – Только краска кончилась.

– Я выделю вам средства для новых проделок, – сказал Король. – Дело в том, что про случай с краской мне на днях рассказывал кардинал. Он жаловался, что несколько монахов его ордена, которые, как известно, носят чёрные рясы, были облиты красной краской. У него было такое лицо, что я не смог сдержать хохота, а кардинал к тому же, ещё и разозлился. Мне доставило невероятное удовольствие видеть, как он пытается сдерживать свой гнев. Что ж, мы должны помогать идти по пути просветления даже таким заблудшим душам, как господин кардинал. Наверняка после аудиенции у меня он дал выход своему гневу и избавился от огромного количества негативной энергии. Я только искренне надеюсь, что никто из слуг не попался ему под руку.

Честно говоря, немного жаль кардинала. Он рискует заработать много негативной кармы.

– Сам дурак, – коротко и ясно высказал общее мнение один из дзенских монахов.

– Это точно, – согласился Король. – Выпьем же чаю за человеческую глупость!

Все выпили.

– Друг мой, ещё чаю! – приказал Король своему повару.

– Вы ещё ничего сегодня не сказали о моих пирожных, Ваше Просветлейшество, – заметил повар.

– Ах, да! Твои пирожные превосходны, как всегда, – сказал Король. – Верно, господа?

– Конечно, конечно, пирожные просто прелесть! – хором закивали собравшиеся.

– Да, месье Нильсен, что-то я давно ничего не слышал про ваших мушкетёров, – сказал Король. – Кардинал уже две недели мне на них не жаловался! Что такое? У меня такое ощущение, будто я зря плачу вам жалованье! И кстати, как дела с пополнением рядов мушкетёров? Их всё ещё тридцать два?

– Тридцать два, Ваше Просветлейшество, – удручённо вздохнул бодхисаттва Нильсен.

– Ну, так в чем проблема? – недовольно спросил Король-Солнце. – Где тридцать третий? Что там с претендентами?

– Мы ищем, Ваше Просветлейшество, – ответил бодхисаттва Нильсен. – Всех претендентов мы отправляем либо в особый полк гвардейцев-саньясинов, либо в дзенскую общину. Мы ждём того самого, на которого указало пророчество.

– Ах, как мне надоел этот ваш лорд Дюмон с его пророчествами! – воскликнул Король. – Вечно предсказывает какую-то несуразицу. И что, ни один из претендентов в мушкетёры его не удовлетворяет?

– Лорд Дюмон не знает, как именно должен выглядеть ваш новый мушкетёр, Ваше Просветлейшество, – сказал бодхисаттва Нильсен. – Но он составил точный список действий и подвигов, которые совершит этот тридцать третий мушкетёр.

– И что? – спросил Король.

– Пока что никто не отличился, – со вздохом ответил бодхисаттва Нильсен.

Судьбадаётшанс,нонеденьги

Юный дзен-буддист д'Артаньян медитировал на стоге сена в позе дикой заснеженной вишни. Он намеревался совершить астральное путешествие в никому неизвестный Новый Мир, в земли Заокеанья, но неожиданно напоролся на большую чёрную тень. Д'Артаньян подумал было, что это чёрный призрак, охранявший земли Заокеанья, однако «призрак» вскоре принял обличье человека в чёрном плаще, шляпе и полумаске – типичной одежде королевских мушкетёров.

– Ну, и чего ты тут без дела болтаешься? – спросил дух. – Быстро чеши в Париж. Тебе суждено стать одним из королевских мушкетёров.

– Правда? – радостно воскликнул д'Артаньян. – Ура!!!

– Погоди радоваться. Это сбудется только в том случае, если найдёшь деньги на дорогу, – сказал мушкетёр и растворился в бесконечности.

Д'Артаньян открыл глаза и свалился со стога сена.

Денег на дорогу до Парижа у юного дзен-буддиста д'Артаньяна, само собой, не было. Он был бедным дворянином, жившим неподалёку от курортного городка Марселя. Д'Артаньян владел небольшим земельным наделом, доставшимся по наследству от предков, и парой деревень, от которых был один убыток, особенно с тех пор, как жители этих деревень начали практиковать дзен. Дело в том, что, начав практиковать учение дзен, они практически перестали работать, посвящая всё свободное время активным медитациям. И напрасно д'Артаньян втолковывал им фразу из учебного пособия Ошо Раджниша «Как в короткий срок стать человеком дзен» о том, что просветлённый человек не сидит без дела, а получает удовольствие и гармонию от привычных дел. Крестьяне продолжали снабжать д'Артаньяна и его единственную лошадь продуктами питания, однако об излишках речи не было. В итоге наш герой третий месяц сидел на диете, практически отказавшись от употребления мясных блюд, как и полагается настоящему человеку дзен (об этом в учебнике не было сказано, но д'Артаньян проконсультировался в марсельском отделении дзенской общины и получил добро).

Что ж, поскольку денег на дорогу до Парижа д'Артаньяну взять было негде, он решил поехать хотя бы в Марсель, а уж там подумать, что к чему. Дорога в Париж шла как раз через Марсель, и д'Артаньян так или иначе приближался к заветной цели.

Подъезжая к Марселю, д'Артаньян увидел аквапарк, где резвились немецкие, испанские и итальянские туристы. В порту уже несколько дней стоял английский военный корабль, экипаж которого, воспользовавшись затянувшимся ремонтом, занял все места в дорогой гостинице. Все VIP-отели были забронированы испанцами и португальцами, которые везли из Нового Мира столько же золота, сколько немцы везли пива из своей Германии. Хотя нет, пива у немцев всё-таки было меньше.

На марсельской набережной сидела шеренга уличных художников, предлагавшая туристам за считанные минуты нарисовать их портрет на фоне моря, гор или чего-нибудь более экзотического. Посреди набережной топтался верблюд, а рядом умельцы предлагали желающим запечатлеть их верхом на верблюде. Чуть дальше стояли испанцы с полным набором рабов – арабов, негров и индейцев. Испанские художники предлагали портреты с кем-нибудь из рабов (раб ложился на землю, а клиент вставал на него). Особенно большим спросом пользовались картины с индейцами в перьях, потому что большинство европейцев вообще никогда не видело индейцев.

Д'Артаньян проезжал по одной из улиц Марселя, и тут его лошадь чуть не была сбита штукой, которую марсельцы называли «такси». Д'Артаньян едва успел свернуть в переулок, когда мимо него пронеслось это единственное в Европе средство общественного транспорта. «Такси» принадлежало бывшему кучеру герцога Марсельского, который кормил своих лошадей чем-то таким, что лошади при первом же щелчке кнута с невероятной скоростью срывались с места. От такой быстрой езды у кареты «такси» периодически отваливались колёса, однако кучер покрывал расходы – сначала за счёт герцога Марсельского, а когда герцог выгнал кучера вместе с его транспортом, тот начал возить за большие деньги туристов.

Однако всё это д'Артаньян узнает немного позже, а сейчас он и его лошадь застыли в переулке с открытыми ртами. Такими их увидели дежурные жандармы под предводительством лейтенанта Крюшо, маленького лысого старичка, который постоянно был в дурном настроении, главным образом, из-за проделок «такси». Лейтенант Крюшо, увидев д'Артаньяна, застывшего с открытым ртом, остановил свой взвод и спросил:

– Куда он поехал?

Д'Артаньян, не закрывая рта, показал направление.

– Вперёд, жандармы! – приказал Крюшо, и жандармы

поскакали по следам «такси».

– Ну, ничего! – донеслись до д'Артаньяна слова Крюшо. – Негритянских рабов-нудистов поймали, поймаем и ненормального кучера!

Жандармы ускакали догонять такси, а д'Артаньян отправился в марсельское отделение дзенской общины, надеясь выбить из неё немного денег, благо у дзенских общин всегда находились деньги на всякие глупости.

Ясновидецизподворотни

Дзенская община занимала большой особняк, который вполне мог бы сойти за дворец, если бы кто-нибудь взялся его реставрировать. Однако члены дзенской общины Марселя пока что не выражали желания жить во дворце (занимались отработкой других желаний), поэтому их обитель напоминала дворец «сэконд-хэнд» 20 лет спустя после открытия.

Д'Артаньян, спешившись у ворот особняка, крикнул:

– Эй, есть кто-нибудь?

Никто не ответил. Д'Артаньян подумал, что перед воротами должен был бы быть привратник, однако привратника не обнаружилось – ни перед воротами, ни поблизости.

– Я спрашиваю, есть кто-нибудь? – крикнул д'Артаньян ещё громче. – Где привратник?

Из кустов по ту сторону ограды донёсся храп. Д'Артаньян снял сапог и швырнул его через ограду в кусты.

– Ай! – сказали кусты.

– Открывай дверь, лентяй! – крикнул д'Артаньян. – И верни сапог!

– Поспать не дают! – ответили кусты, после чего на усыпанную гравием дорожку выполз сонный привратник.

Вместо шляпы на голове привратника красовался сапог д'Артаньяна.

– Вам чего надо? – спросил привратник, перейдя в прямостоячее положение.

– Я – саньясин д'Артаньян, и я пришёл в дзенскую общину для того, чтобы мне помогли растолковать сновидение, – ответил д'Артаньян, принимая торжественную позу и забыв о том, что для торжественной позы ему не хватает одного сапога.

– А я как раз главный специалист по технике сновидения, – сказал привратник. – Можете рассказать мне всё, что вы видели.

– Вы разве не привратник? – спросил д'Артаньян.

– Я тут один на две ставки, – ответил привратник.

– Всё равно мне нужно поговорить с руководством общины, так как я намереваюсь попросить у вас денег, – сказал д'Артаньян.

– Денег? – переспросил привратник. – В таком случае, господин д'Артаньян, можете разворачиваться и отправляться обратно в деревню, потому что я-то знаю, что денег вам всё равно не дадут. Ребята выдумали новый слоган – «Экономика должна быть экономной».

– Что это значит? – спросил д'Артаньян.

– Понятия не имею, – ответил привратник. – Только денег вам

не видать.

Д'Артаньян начал терять терпение и выхватил шпагу. Прежде чем привратник успел испугаться, д'Артаньян схватил его левой рукой за шиворот, а правой рукой приставил шпагу к горлу привратника.

– Значит так, слушай меня, ясновидец подворотный! – крикнул д'Артаньян. – Я – будущий королевский мушкетёр, а мушкетёры, как ты знаешь, весьма значимые люди в нашем королевстве. Так что в твоих интересах быть со мной вежливым, иначе я проткну тебя шпагой, не моргнув глазом.

– Хорошо, хорошо, мой господин, приказывайте! – закивал испуганный привратник. – Что я должен делать?

– Ворота открой, – приказал д'Артаньян.

– Ваша взяла, – пробормотал привратник, открывая ворота.

Д'Артаньян забрал свой сапог с головы сновидящего привратника и направился к особняку, ведя лошадь на поводу. Привратник, поворчав, запер ворота и отправился в кусты, совершенствовать практику сновидения.

Трудностиизсменыимён

Самым высоким духовным статусом в марсельской дзенской общине обладал бодхисаттва де Гарньер, взявший себе имя по названию деревни, где он родился. Правда, имя он пару раз корректировал, чтобы соответствовать моде – дзенские монахи не имели большой привязанности к именам, и некоторые члены общины меняли имена по двадцать раз в год.

Так вот, бодхисаттва де Гарньер медитировал в саду булыжников (для настоящего сада камней не нашли подходящих камней) и почти достиг нирваны, когда его окликнул один из членов общины.

– В чём дело? – раздражённо спросил бодхисаттва де Гарньер, вставая на ноги из позы лотоса. – Я же просил не отвлекать меня во время медитации! Что случилось, Ришар?

– Простите великодушно, бодхисаттва, но я со вчерашнего дня уже не Ришар, – сказал не-Ришар.

– А кто же ты теперь? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Теперь меня зовут Бомон, – ответил Бомон.

– Но у нас уже и так три Бомона! – воскликнул бодхисаттва де Гарньер. – Как я вас теперь буду различать? Может, дать вам порядковые номера?

– Два Бомона сегодня с утра переименовались, – ответил новый Бомон.

– В кого? – с ужасом спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Не помню, – ответил новый Бомон.

– Ладно, чёрт с вами, зовитесь, как хотите, вы, типа, имеете на это право, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Так зачем ты вытащил меня из нирваны? Надеюсь, не для того, чтобы сообщить мне обо всех ваших переименованиях?

– Нет, бодхисаттва, там к вам пришёл человек, – ответил Бомон.

– Почему Гастон его не принял? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Какой Гастон? – спросил Бомон.

– Ах да, он тоже недавно переименовался, – вспомнил бодхисаттва де Гарньер. – Как теперь зовут моего заместителя?

– Кажется, Александр, – ответил Бомон.

– Его ещё звали Жаком, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

– На прошлой неделе, – поправил его Бомон. – Это было перед тем, как он переименовался в Франсуа.

– Сам чёрт ногу сломит! – выругался бодхисаттва де

Гарньер. – Так почему Франсуа не принял этого…

– Он Александр, – поправил Бомон.

– Кто? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Ну, этот, который был Гастон, – ответил Бомон.

– Он же вроде бы Жак, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

– Нет, он был Франсуа, – сказал Бомон. – А потом Гастон. А ещё Александр.

– И Жак, – добавил бодхисаттва де Гарньер.

– И Людовик, – добавил Бомон.

Бодхисаттва де Гарньер понял, что надо сказать что-нибудь умное, чтобы сохранить свой статус.

– Как же много нам ещё надо самосовершенствоваться, если мы не можем запомнить даже, кого из нас как зовут, – умиротворяюще вздохнул бодхисаттва де Гарньер. – Отведи меня к тому посетителю, который сумел прорваться через ворота, а потом отправляйся на две недели медитации в башню, брат Бомон.

– Спасибо, бодхисаттва, я давно хотел отдохнуть в башне, – сказал Бомон. – А как вы узнали, что он прорвался через ворота?

– Кто? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Ну кто-то же через них прорвался, – ответил Бомон.

– А, ну так я ж бодхисаттва, – ответил бодхисаттва де Гарньер таким тоном, что эта фраза сняла абсолютно все сомнения как у Бомона, так и у самого де Гарньера.

Глупостипросветлённыхнезнаютграниц

Д’Артаньян уже битый час сидел в приёмной, пока бодхисаттва де Гарньер и саньясин Бомон выясняли, кого как зовут. Однако жаловаться д’Артаньяну было не на что, потому что диванчики в приёмной были весьма мягкими. Мимо д’Артаньяна бегали взад-вперёд дзенские монахи в разноцветных одеяниях. Из их разговоров д’Артаньян понял, что брат Версаче ощутил страшное желание побыть модельером. Его поддержал брат Карден, а саньясин Кристиан Диор, по совместительству садовник, решил помочь им и украсить братьев цветами с собственной клумбы, а заодно и надушить всех цветочным маслом.

От саньясина-садовника не увернулся и д’Артаньян – когда саньясин Диор пробегал мимо диванчиков и заметил д’Артаньяна, на д’Артаньяна было вылито треть флакона розового масла и полфлакона фиалкового. Хотя д’Артаньяну процедура не понравилась, пахнуть он стал гораздо лучше, что отметил сам бодхисаттва де Гарньер, войдя в собственную приёмную.

– А что, неплохо пахнет! – сказал бодхисаттва де Гарньер, принюхавшись. – От кого это?

– От меня, – ответил д’Артаньян. – Один из ваших братьев вылил на меня два флакона цветочного масла.

– Опять саньясин Диор хулиганит, – вздохнул бодхисаттва де Гарньер.

– Вы ещё не видели последнюю моду брата Кардена, – сказал Бомон.

– И не хочу видеть, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Пусть ребятня без меня балуется.

– Вот к вам саньясин д’Артаньян, – сказал Бомон. – У него какое-то сновидение.

– А, д’Артаньян, помню-помню, вы у меня, кажется, брали учебник, талисманы и ещё что-то, кажется, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Пройдёмте в мой кабинет.

Они вошли в кабинет бодхисаттвы де Гарньера. С первого взгляда это было мало похоже на кабинет, по крайней мере, на то, что европейцы привыкли считать кабинетом. На полу в «кабинете» валялось несколько пуфиков и циновок, на стенах висели полки, на которых стояли статуэтки, палочки благовоний, дощечки с изображением десяти быков дзен и фотография Ошо Раджниша, несмотря на то, что на дворе стоял семнадцатый век, и фотографий ещё в природе не было.

– Присаживайтесь, – сказал бодхисаттва де Гарньер,

усаживаясь в позу лотоса на один из пуфиков. – Ну что ж, расскажите мне ваше сновидение.

– Я сразу понял, что это весьма необычное сновидение, – сказал д'Артаньян. – Поэтому и пришёл к вам, чтобы растолковать его. Так вот, я видел во сне человека, одетого в форму королевского мушкетёра, и он сказал мне, чтобы я ехал в Париж и тоже стал королевским мушкетёром. А ещё он сказал, что это сбудется только в том случае, если я найду денег на дорогу. Поэтому я и пришёл к вам, чтобы попросить о небольшой ссуде. Уверяю вас, что когда я стану королевским мушкетёром, я верну вам всё с процентами.

– Я слышал, что Париж уже трещит по швам от желающих стать королевскими мушкетёрами, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер. – Осталось всего одно место, на которое более тысячи претендентов. Почему вы уверены, что это место достанется именно вам?

– А я и не уверен, – ответил д'Артаньян. – Но надо же следовать указаниям, полученным в сновидении.

– Верно, указаниям следовать надо, – согласился бодхисаттва де Гарньер. – Однако у нашей общины сейчас нет средств, чтобы отправить вас в Париж.

– Неужели нельзя ничего придумать? – спросил д'Артаньян.

– Мы уже три раза в этом году собирали налог с кардинальских деревень, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – И планируем содрать с них налоги ещё пару раз до конца года. А устраивать им дополнительные поборы было бы как-то невежливо, по крайней мере, я так думаю. Бедолаги и так сполна платят за своё религиозное упрямство. Правда, нельзя называть их бедолагами, так как страдания составляют для них величайшее наслаждение. Представьте только, они верят, что после смерти они будут в раю, а нас всё в какой-то ад пытаются отправить. Не хотелось бы их разочаровывать. Представляю, какие у них будут лица в Зале Памяти и Комиссии по распределению.

– А мне-то что делать? – спросил д'Артаньян.

Бодхисаттва де Гарньер посмотрел на д'Артаньяна, потом вспомнил парочку пророчеств и ещё раз посмотрел на д'Артаньяна.

«Не, этот не сможет, – подумал бодхисаттва де Гарньер. – С другой стороны дурак сам напросился».

– Знаете, есть одна возможность, – сказал бодхисаттва де Гарньер, вставая с пуфика и доставая из кучи разного хлама плакат.

На плакате было написано:

За поимку бешеного такси
награда – мешок золота!
Лейтенант Крюшо.

– Можете попробовать поймать такси, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Мешка золота вполне хватит на дорогу в Париж и обратно.

Д'Артаньян немного подумал.

– Я смогу поймать такси, – сказал он. – Но только если вы одолжить мне десять золотых монет.

– Зачем? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Я верну их вам с процентами, – ответил д'Артаньян.

– Пришлёте из Парижа? – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер.

– Нет, – ответил д'Артаньян. – Я получаю мешок с золотом и отдаю вам половину. А ещё мне понадобится помощь парочки ваших братьев.

– Зачем? – повторил бодхисаттва де Гарньер.

– Чтобы поймать такси, – ответил д'Артаньян. – Послушайте, вы хотите заработать полмешка золота?

Бодхисаттва де Гарньер прикинул, сколько денег лейтенант Крюшо положит в мешок. Это, конечно, поменьше, чем королевский взнос на развитие общины, но всё же побольше, чем очередной сбор налога с кардинальских деревень. Поэтому бодхисаттва де Гарньер ответил:

– Ладно, я даю вам десять золотых монет и двух братьев. Но я сам буду следить за всеми вашими действиями.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян. – Уже сегодня вечером я стану богатым человеком. Да и вы тоже.

– Надеюсь, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

Старые-новыеприключениямарсельскоготакси

БодхисаттвадеГарньерид'Артаньянвышливпарк,принадлежащийдзен разодетые в разноцветные шелка и другие ткани (братья Версаче и Карден постарались). Кроме того, по парку бегал саньясин Диор и поливал всех цветочным маслом.

– Ну что ж, д'Артаньян, выбирайте, кто вам больше нравится, – сказал бодхисаттва де Гарньер, показывая на разношёрстную толпу братьев.

– Братья, кто желает сегодня устроить классный прикол за городом? – крикнул д'Артаньян.

Мгновенно со всего парка сбежалось человек пятнадцать.

– Однако мне нужны только двое, – сказал д'Артаньян собравшимся.

– Значит, придётся взять человек пять, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер. – Ну что, парни, давайте на камень-ножницы?

Через пять минут остались необходимые пять человек, а остальные разбежались по парку.

– Ну что ж, д'Артаньян, теперь говорите, что надо делать, – сказал бодхисаттва де Гарньер.

– Захватите с собой пилу и парочку топоров, мы поскачем в лес по Парижской дороге, – сказал д'Артаньян. – Надо будет срубить пару деревьев.

– У меня нет желания рубить деревья, – сказал один из братьев. – Я не участвую.

– Отлично, – сказал бодхисаттва де Гарньер и крикнул. – Эй, братья, у кого есть желание порубить деревья?

К ним подбежали ещё три человека.

– Прекрасно, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Ну что ж, поскакали!

– Не забудьте захватить монеты, – сказал д'Артаньян.

– А у вас хорошая память, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

***

Итак, д'Артаньян, бодхисаттва де Гарньер и несколько братьев дзенской общины скакали по Парижской дороге. Д'Артаньян вооружился своей шпагой, у братьев были топоры и

пила, а бодхисаттва де Гарньер просто напялил парадную мантию от Кардена. То есть, раньше это была просто парадная мантия, но недавно над ней основательно поработал брат Карден. Так вот, когда они въехали в лес, д'Артаньян начал присматриваться к деревьям, растущим на обочине дороги. Наконец, он присмотрел два высоких дерева, росших по разным сторонам дороги на некотором расстоянии друг от друга, и крикнул:

– Стой!!!

Кортеж дружно остановился.

– Значит, так. Начинайте рубить вот эти два дерева – скомандовал д'Артаньян. – Причём подрубите их не до конца. Я сейчас вернусь в Марсель и вызову такси. Уважаемый бодхисаттва де Гарньер, десяти золотых монет хватит, чтобы вызвать такси?

– Да должно хватить, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – Только такси ещё поймать надо.

– А где его лучше ловить? – спросил д'Артаньян.

– Попробуйте в порту, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – Только сначала уведите оттуда всех жандармов.

– Сделаю, – сказал д'Артаньян. – Короче говоря, вы пока рубите деревья. Как только увидите, что сюда приближается такси, валите поперёк дороги сначала вон то дерево, а когда такси остановится, свалите и вот это. После этого нам останется только вызвать полицию. Как бы это сделать?

– Телепатически, – ответил один из братьев.

– А ты сможешь? – спросил д'Артаньян.

– Запросто! – ответил брат.

– Хорошо, тогда я поскакал, – сказал д'Артаньян.

– Если вздумаете сбежать с деньгами, община вас найдёт, – сказал бодхисаттва де Гарньер вслед д'Артаньяну. – Телепатически.

– Хорошо зная дзенскую общину, я даже не думал об этом – ответил д'Артаньян.

***

Где-то через час д'Артаньян прискакал в Марсельский порт. Там по-прежнему резвились туристы, а лейтенант Крюшо на лошади рассекал толпу пешеходов, как ледокол рассекает арктические льды. Д'Артаньян пробился сквозь толпу к лейтенанту Крюшо и крикнул:

– Лейтенант! Я только что видел такси, которое направлялось к выезду из города в сторону Парижской дороги.

– В сторону Парижской дороги, говорите? – переспросил Крюшо. – Отлично! Мы сейчас поставим на него засаду. Однако, молодой человек, а что это вы так рвётесь помочь Марсельской полиции?

Д'Артаньян вместо ответа достал из кармана плакат и развернул его. Крюшо узнал собственную подпись на обещании мешка с золотом.

– Молодой человек, я, конечно, ценю вашу помощь, но о мешке золота не может быть и речи. Такси мы поймаем сами! – гордо заявил Крюшо.

– Буду рад любому вознаграждению, лейтенант! – сказал д'Артаньян, после чего Крюшо ускакал к полицейскому участку.

Д'Артаньян осмотрелся и разглядел неподалёку несколько саньясинов из дзенской общины.

– Эй, ребята, – крикнул он. – Хотите получить вознаграждение от бодхисаттвы де Гарньера?

– Хотим! – хором крикнули саньясины.

– Тогда отведите мою лошадь в конюшни дзенской общины, – сказал д'Артаньян, спешиваясь.

– А где гарантии, что бодхисаттва де Гарньер даст нам это самое вознаграждение? – спросил один из саньясниов.

– Даю слово дворянина! – ответил д'Артаньян.

– Спокойно, ребята, – подал голос один саньясин. – Я сегодня видел этого парня у бодхисаттвы. Чувствую, ему верить можно.

– Я рад, что вы рады мне помочь, – сказал д'Артаньян, отдавая лошадь саньясинам и отправляясь на прогулку по набережной.

Ожидания д'Артаньяна оправдались – не прошло и получаса, как на набережной появилось «такси». Кучер с трудом придерживал своих взбесившихся лошадей.

– Наше такси доставит вас в любую точку Марселя за считанные минуты! – кричал кучер, рекламируя своё транспортное средство. – И только у нас самый богатый ассортимент бумажных пакетов! – добавил кучер, поглядев на

вывалившегося из кареты пассажира с бумажным пакетом в руках.

Д'Артаньяну хватило ума обойти карету сзади, чтобы не попасть под копыта лошадям.

– Мне срочно нужно в ближайшую деревню по Парижской дороге, – сказал он, запрыгивая в карету.

– Эй, приятель, не так быстро, – сказал кучер. – У тебя есть чем платить?

– Вот, держи, – сказал д'Артаньян, протягивая кучеру десять золотых монет. – Заплачу ещё столько же на месте.

– Вот это разговор! – улыбнулся кучер. – Н-но, пошли!

Он щёлкнул кнутом, и лошади понеслись, сбив по дороге пару-другую незадачливых туристов.

Обогнав отряд лейтенанта Крюшо и обдав самого Крюшо грязью из лужи, такси пронеслось по Парижской дороге. Обалдевший Крюшо пришпорил лошадь, однако ему было далеко до скакунов, возивших «такси». Д'Артаньян, видя, что они приближаются к месту, попытался обнажить шпагу. Только с пятой попытки у него это получилось – следовало бы учесть ухабистость дороги.

Сидя в позе лотоса, бодхисаттва де Гарньер мирно наблюдал, как его саньясины подрубают деревья. Таким образом, он избавился от ещё одного из своих желаний. Дело в том, что бодхисаттва де Гарньер давно мечтал сидеть в позе лотоса и смотреть, как другие работают вместо него. Однако, медитация бодхисаттвы де Гарньера продолжалась недолго – вдалеке показался быстро приближающийся столб пыли.

– Приготовились! – крикнул бодхисаттва де Гарньер. – Это такси! Рубите первое дерево!

Саньясины начали весело орудовать топорами. Вскоре на дорогу рухнул толстый ствол дерева, который не смогла бы объехать ни одна карета.

– А теперь приготовьтесь валить второе, – крикнул бодхисаттва де Гарньер.

Ещё через пару минут столб пыли материализовался в виде лошадей, кареты и кучера. В карете сидел д'Артаньян, державший в одной руке шпагу, а в другой – бумажный пакет. Увидев поваленное дерево, кучер натянул поводья. Послышалось энергичное:

– Тп-р-р-уу!!!

Д'Артаньяна довольно сильно тряхануло, и он едва-едва успел поднести к лицу бумажный пакет. Такси остановилось.

– Спокойно! – крикнул кучер. – Я тут одно приспособление изобрёл, «задний ход» называется!

– Не выйдет! – сказал д'Артаньян, вышвыривая в окно

бумажный пакет, хватая кучера и приставляя к его горлу шпагу. – Вы арестованы.

Кучер хотел резко дать задний ход, но услышал треск – саньясины наконец-то повалили второе дерево.

– Чёрт побери, вы меня обхитрили! – воскликнул кучер. – Придётся снабдить карету более хитрым приспособлением. Один итальянец, да Винчи, изобрёл штуку, которая называется «катапультой». Надо будет поставить её на моё такси для экстремальных случаев.

– Ну, я уж не знаю, что вы там поставите, однако я знаю, что лейтенант Крюшо будет очень рад с вами побеседовать, – сказал д'Артаньян.

И в самом деле, они услышали сбившийся с ритма перестук копыт уставших полицейских лошадей.

– Браво, месье д'Артаньян! – сказал бодхисаттва де Гарньер, выходя из кустов. – Признаться честно, я не думал, что у вас получится. Так и быть, напишу вам рекомендательное письмо для сенцея королевских мушкетёров Лесли Нильсена. Думаю, ему будет интересно узнать про эту историю.

– Кстати, вот ваши золотые монеты, – сказал д'Артаньян, обшаривая карманы кучера. – Возвращаю их вам, как и обещал.

– Благодарю вас, – сказал бодхисаттва де Гарньер, принимая деньги. – Однако половина золота из мешка всё равно моя. Вы ведь не хотите испортить отношения с дзенскими общинами по всей Франции?

– Конечно, не хочу, – сказал д'Артаньян. – Мы с вами поделим всё по-честному, как и договаривались.

Пока д'Артаньян и бодхисаттва де Гарньер делили шкуру неубитого медведя, показался лейтенант Крюшо вместе со всем своим отрядом. Лейтенант был с головы до ног покрыт грязью. Несмотря на это, можно было заметить, как лейтенант покраснел от ярости.

– Лейтенант Крюшо, я взял на себя смелость поймать ваше такси, – сказал д'Артаньян. – Поэтому, как вы понимаете, мне полагается мешок золота.

– Ничего ты у меня не получишь! – воскликнул разъярённый Крюшо.

– Ну-ну, лейтенант, успокойтесь, – сказал бодхисаттва де Гарньер, подходя к Крюшо. – Вы ведь хорошо помните, что каждый уважающий себя дзен-буддист, а вы, как я помню, тоже состоите в нашей общине!.. Так вот, каждый уважающий себя дзен-буддист должен в первую очередь отвечать за свои слова. Особенно за написанные слова, – бодхисаттва де Гарньер достал из мантии плакат и развернул его. – Даже последователи

господина кардинала знают, что в начале было слово. А за слова отвечать надо, господин лейтенант.

Крюшо, не сразу заметивший бодхисаттву де Гарньера, стал остывать на глазах.

– Конечно, бодхисаттва, – сказал Крюшо. – Простите меня, я был охвачен гневом и сам не понимал, что говорю.

– Это бывает, – улыбнулся бодхисаттва де Гарньер. – Именно поэтому я здесь, дабы помочь вам в трудную минуту принять правильное решение. Вы ведь уже приняли это правильное решение?

– Конечно, – сказал Крюшо. – Как ваше имя, господин? – обратился он к д'Артаньяну.

– Д'Артаньян, саньясин дзенской общины Марселя, дворянин по месту жительства, – представился д'Артаньян.

– Очень приятно познакомиться, – сказал Крюшо. – Так вот, сейчас мы с господином д'Артаньяном поедем в полицейский участок, где я с удовольствием выплачу ему вознаграждение за поимку особо опасного транспортного средства.

– Я поеду с вами, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Проверю, как вы держите слово, лейтенант. Если всё пройдёт гладко, можете быть уверены, что мы обратим особое внимание на финансирование полицейских глупостей.

– Благодарю вас, бодхисаттва! – сказал Крюшо.

Пока полицейские реквизировали «такси», надевали наручники на кучера и накопытники на его лошадей, лейтенант Крюшо, бодхисаттва де Гарньер и д'Артаньян собрались в дорогу и отправились в Марсель. Д'Артаньяну пришлось сидеть на лошади вместе с одним из саньясинов дзенской общины, так как свою лошадь он предусмотрительно отправил в конюшню, ибо в такси с лошадью – не пускают.

Итак, все были довольны. Д'Артаньян получил возможность поехать в Париж на средства в размере «полмешка золота». Бодхисаттва де Гарньер получил другие полмешка золота на развитие дзенской общины Марселя. Лейтенант Крюшо был вынужден отдать мешок золота, чтобы получить часть этого золота от дзенской общины на поощрение глупостей в марсельской полиции. Как видите, от религии круговорот денег в природе не зависит.

А кучер, водивший «такси», был вынужден заплатить солидный штраф, а заодно и поставить на свою карету катапульту – на случай, если д'Артаньяну опять понадобятся деньги. Казалось бы, кучеру вовсе нечему было радоваться, однако, поставив катапульту на свою колымагу, он поспособствал движению мирового прогресса, а это само по себе не так уж и

плохо.

Короткоопрогрессе

На следующее утро д'Артаньян после ночи, проведенной в одной из лучших комнат особняка, занимаемого членами дзенской общины, снова явился в приёмную бодхисаттвы де Гарньера.

Бодхисаттва де Гарньер принял д'Артаньяна, зевая.

– А почему вы ещё здесь? – удивлённо спросил он, сфокусировав взгляд на д'Артаньяне. – Я думал, вы уже во весь опор скачете в Париж, чтобы стать королевским мушкетёром.

– Насколько я помню, вы обещали мне рекомендательное письмо к сенцею королевских мушкетёров, – ответил д'Артаньян. – За ним я и зашёл к вам сегодня.

– Ах, да, письмо, – зевнул бодхисаттва де Гарньер. – Сейчас-сейчас… и куда я подевал свою печатную машинку? – пробормотал он, озираясь по сторонам.

– Вашу… что? – спросил д'Артаньян.

– А, это было сновидение, – вспомнил бодхисаттва де Гарньер. – Значит, опять придётся полагаться на бумагу, перо и чернила.

– А что, в будущем появится способ писать как-то иначе? – удивился д'Артаньян.

– В будущем, дорогой мой д'Артаньян, появится столько нового, что даже вы мне не поверили бы, если бы я вам рассказал, – сообщил бодхисаттва де Гарньер. – Ну, хотя, что я вам рассказывать буду? Вот, станете королевским мушкетёром – сами всё узнаете.

– Правда? – спросил д'Артаньян. – Так значит, вы тоже верите, что я стану королевским мушкетёром?

– Я не верил в это, пока не получил своё золото, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер, начиная писать письмо. – Теперь надо подумать, на что его потратить. Сад камней надо бы обновить – сколько раз я говорил, что пора завозить настоящие камни для сада камней, прямо из Японии! А с местными булыжниками достигнуть полного просветления намного труднее!

– А где эта Япония? – спросил д'Артаньян.

– Далеко, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – На самом краю Земли. А в последнее время вообще слухи ходят, что Земля круглая. Чёрт побери, прогресс скачет с такой скоростью, что скоро мы перестанем за ним поспевать! Тысячу лет Земля была квадратная, потом прямоугольная, а теперь – на тебе – круглая! Эти учёные своими теориями что угодно в гроб загонят!

– Вы пишите-пишите, не отвлекайтесь, – подсказал

д’Артаньян.

– Да я уже закончил, – сказал бодхисаттва де Гарньер, сворачивая письмо и запечатывая его своей фирменной печатью. – Держите это письмо, д’Артаньян, и только попробуйте его не потерять!

– Обещаю, бодхисаттва! – воскликнул д’Артаньян, потом задумался и спросил. – То есть, как это, не потерять? Это что, значит, что я его должен потерять?

– Доберётесь до Парижа – разберётесь на месте, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Помните только одну вещь – если вам и правда суждено стать королевским мушкетёром, вы им станете. Эта система уже двадцать лет не даёт сбоев. Но зато, сами понимаете, если уж не суждено, то… даже я не смогу ничего поделать. Но, по крайней мере, могу пожелать вам удачи в любом деле, за которое бы вы ни взялись по воле судьбы.

– Спасибо вам, бодхисаттва! – сказал д’Артаньян. – Спасибо за всё.

– Ну, идите, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Говорят, по дороге в Париж иногда бывают такие пробки!

– До свидания, бодхисаттва! – сказал д’Артаньян, выходя.

– До свидания, до свидания, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Если ты и правда тот самый тридцать третий мушкетёр, ты ещё перевернёшь мир, – пробормотал он, когда дверь за д’Артаньяном закрылась.

Д’Артаньян поспешил в Париж, а бодхисаттва де Гарньер начал практиковать новый вид медитации, изобретённый им во сне. Саньясины при этом наряжали своего бодхисаттву в шёлк и бархат, заодно обливая цветочным маслом.

КакРошфорпомогд’Артаньяну,украверго

Первые дни, проведённые в дороге, д’Артаньян помнил плохо. Он скакал во весь опор, пока уставшая лошадь не начинала бунтовать. Тогда д’Артаньян вместе с лошадью заваливался в какой-нибудь постоялый двор, где сам он обедал и медитировал, а его лошадь кушала сено и переводила дух. Д’Артаньян так спешил добраться до Парижа, что даже не оставлял себе времени полюбоваться природой и пейзажами своего мира. Однако мир – не такая вещь, которая прощает равнодушное отношение к себе. Так или иначе, а мир находит способ напомнить о себе. Тем или иным способом.

Всё началось солнечным утром в небольшом провинциальном городке. Д’Артаньян стартовал с очередного постоялого двора в шесть утра. Через пару часов лошадь нашего героя, скакавшая уже второй день с редкими передышками, взбунтовалась и снова потребовала отдыха. Поэтому д’Артаньяну пришлось остановиться у первой попавшейся на пути гостиницы.

Однако так уж случилось, что в это же утро у этой же гостиницы остановился не только д’Артаньян. По улице не спеша прогуливался взад-вперёд человек в чёрном плаще и шляпе. И судя по всему, человек этот кого-то поджидал. Читатели, вероятно, уже догадались, что человеком этим был граф Рошфор, советник кардинала по связям с общественностью.

В том веке связи с общественностью проходили не через телерекламу, а через личные контакты. То есть, граф Рошфор разъезжал по Франции, навещал кардинальские деревни, смотрел, как живут голодные кардинальские крестьяне, бряцал шпагой, помахивал пистолетом и изредка спрашивал:

– Ну что, есть тут ещё недовольные? Кто подумывает переметнуться к дзен-буддистам?

Шпага и пистолет как средства для связей с общественностью действовали безотказно: кардинальские крестьяне и думать забывали о том, чтобы сменить религию.

Так вот – граф Рошфор как раз прогуливался у крыльца гостиницы, и тут на него обрушился столб песка и пыли. Рошфор чихнул и начал протирать глаза, а когда протёр, увидел, что источником этого столба пыли является д’Артаньян, резко затормозивший прямо перед носом у Рошфора. Д’Артаньян даже испугался, подумав, что засыпал песком королевского мушкетёра, но, когда пыль улеглась, д’Артаньян увидел у Рошфора на шее амулет с символом кардинальской религии – забитым палками рабом в крестообразном гробу.

– Ох, простите, я вас не заметил, – холодно сказал д'Артаньян, слезая с лошади.

Разъярённый Рошфор окинул д'Артаньяна и его лошадь пронзительным взглядом. Тем не менее, Рошфор не выплеснул свой гнев, ибо кардинальская религия запрещала это делать, в отличие от учения дзен. Вместо этого он криво улыбнулся и спросил:

– Сударь, не скажете ли вы мне, где покупали эту лошадь? Я как раз подыскиваю коня для своего глупого слуги. Ваша лошадь как раз то, что надо!

– Как вы смеете издеваться над моей лошадью, сударь? – спросил д'Артаньян, вступаясь за своего верного непарнокопытного друга. – Если у вас есть претензии ко мне, можете смело высказать их мне в лицо, но не в морду моей лошади.

Рошфор некоторое время переводил сказанное, поглядев сначала на д'Артаньяна, а потом на морду его лошади.

– Ну, а сами-то вы, сударь, с какого разбойника стащили этот наряд? – спросил Рошфор, презрительно осматривая потёртый камзол д'Артаньяна, его запылённые сапоги и замызганный плащ.

– Так вы и меня изволите оскорблять, сударь? – спросил д'Артаньян, хватаясь за шпагу. – В таком случае я вызываю вас на дуэль!

Д'Артаньян обнажил шпагу.

– Дуэли запрещены, – по крайней мере, для тех, кто исповедует религию кардинала, – сказал Рошфор, поворачиваясь к д'Артаньяну спиной. – Мне жаль вас, ибо после смерти вы долго будете жариться в гриль-баре вместо курицы.

– Повернитесь ко мне лицом, сударь, чтобы мне не пришлось проткнуть вас со спины, – потребовал д'Артаньян, постучав Рошфора по плечу клинком.

Между тем, Рошфор только притворялся шлангом. Повернувшись спиной к д'Артаньяну, он вышел в астрал. (Кардинальская религия запрещала убивать лишь на физическом плане, на астральный план этот запрет не распространялся.) Так вот, Рошфор вышел в астрал и увидел, как д'Артаньян похлопывает шпагой по его телу. Рошфор послал телепатический сигнал своему слуге и приготовился прикончить д'Артаньяна астральным ударом. Но д'Артаньян не был таким уж идиотом и заметил, как астральное тело Рошфора отделилось от физического. Дальше события развивались сразу в двух мирах – астральном и материальном.

В физическом мире д'Артаньян по-прежнему стоял за спиной Рошфора, дотронувшись до него клинком своей шпаги. В такой

позе он и застыл, правда, по времени физического мира, застыл он всего лишь на несколько секунд.

В астральном же мире время несколько ускорилось. Выйдя в астрал, д'Артаньян отразил простенький удар Рошфора. Удар этот пришёлся в одну из створок окна на втором этаже гостиницы. Створка благополучно грохнулась на землю. Рошфор, не теряя времени, приготовился к новой астральной атаке, но д'Артаньян достал его быстрее, что было весьма странно, если учесть, что Рошфор был одним из лучших астральных воинов во всей Франции, и превзойти его могли разве что тридцать два королевских мушкетёра, да и то, возможно, не все.

Получив сильный удар астральным тараном в третью чакру, Рошфор согнулся пополам и начал пошатываться. Заряд энергии, который он приготовил на новый удар, ушёл на самовосстановление. Рошфора уже оттягивало назад, в физическое тело, и д'Артаньян приготовился окончательно добить противника, но тут произошла одна вещь, из-за которой д'Артаньяну тоже пришлось срочно возвращаться на физический план.

В обычном, материальном мире эти двое всё ещё стояли на месте. Неизвестно, чем бы закончилась эта так называемая «дуэль», если бы слуга графа Рошфора вовремя не подоспел на помощь своему господину. Поскольку слуга был трусоват, он не бросился на д'Артаньяна, а наоборот, бросился к хозяину гостиницы с криком:

– Помогите! На моего господина напали разбойники!

Хозяин гостиницы мгновенно сделал следующие выводы: если помочь дворянину избавиться от разбойников, дворянин будет очень благодарен, а благодарность дворянина может выразиться не только в словах, но и в чём-то более ощутимом. Поэтому хозяин гостиницы сгрёб в охапку своих слуг и выбежал на улицу. Когда они выбегали из гостиницы, рядом с грохотом приземлилась створка окна.

– Это всё разбойники! – заголосил слуга Рошфора.

Рошфор с д'Артаньяном между тем всё ещё стояли в стоп-кадре. Поглядев на стоп-кадр, хозяин гостиницы сразу сделал вывод, кто из этих двоих есть «разбойники» и бросился на д'Артаньяна. Слуги также не теряли времени даром…

Сражение в астрале между тем шло плоным ходом, и д'Артаньян собрался нанести Рошфору сокрушительный удар, но не сделал этого. Потому что в его физическом теле сработало нечто вроде сигнализации, и д'Артаньяна молниеносно затянуло в это самое физическое тело. А «сигнализация» сработала из-за того, что в д'Артаньяна полетели кастрюли, сковородки и даже

чернильница. Тело ощутило это и призвало на помощь все силы – сработал рефлекс.

Д'Артаньян повернулся лицом к нападавшим и попытался отбить одной шпагой удары трёх палок. Палки-то он успешно отбивал, но хозяин гостиницы был вооружён сковородкой и кочергой. С помощью двух этих приспособлений он переломил шпагу д'Артаньяна и приготовился нанести последний удар. Д'Артаньян всё ещё отбивал удары палок, как вдруг заметил, что отбиваться уже нечем – от шпаги осталась лишь пара обломков. Отметив этот факт, д'Артаньян заодно отметил и ещё кое-что. Во-первых, незнакомец в чёрном плаще, вернувшийся в тело и пришедший в себя после удара по третьей чакре, подошёл к притормозившей карете и начал беседовать с кем-то, кто находился внутри этой кареты. А во-вторых, к лицу д'Артаньяна приближалась сковорода. Д'Артаньян попытался увернуться, попутно вспомнив строчку из какого-то стихотворения: «И проступил в нём лик сковороды». Увернуться д'Артаньян не успел, и «лик сковороды» накрыл его с головой.

Очухался д'Артаньян, уже лёжа на кровати. То есть, судя по ощущениям, это была кровать. Он попробовал открыть глаза и обнаружил, что вся его голова вместе с лицом замотана какой-то тряпкой. Размотав тряпку, д'Артаньян заметил на этой самой тряпке следы крови. Голова трещала, но соображалка ещё работала. Оглядевшись, д'Артаньян увидел, что находится в маленькой комнате. Видимо, это была одна из комнат гостиницы. Сквозь распахнутое окно врывался ветерок и шум улицы.

Д'Артаньян попытался подняться с постели, но ничего не получилось. Тогда он вышел в астрал и подлетел к окну. Внизу всё ещё стояла карета, а незнакомец в чёрном плаще о чём-то беседовал с дамой, сидевшей в карете. Взбаламученные недавней дуэлью астральные потоки ухудшали видимость и слышимость, но даму д'Артаньян разглядел. Почти.

– Эй ты, скотина в чёрном плаще! – крикнул д'Артаньян Рошфору, вылетая из окна и приземляясь рядом с каретой. – Хватит прятаться за спинами слуг! Выясним отношения как дворяне, если ты, конечно, дворянин, а не слуга в карнавальном костюме!

Рошфор всерьёз разозлился на последнее замечание д'Артаньяна и даже приготовился выйти из тела, но его остановила дама, сидящая в карете.

– Не горячитесь, граф, – сказала дама. – Кардинал ведь не ждёт. А с этим шутом вы ещё успеете рассчитаться.

– Вы правы, миледи, – сказал Рошфор. – Я немедленно выезжаю.

Д’Артаньян в астральном теле всё ещё стоял около кареты, но начинал чувствовать, что с разбитой головой он в астрале долго не пробегает. Тем не менее, он хорошо расслышал диалог миледи и Рошфора. Д’Артаньян даже собирался сказать нечто такое, чтобы они оба заткнулись, но тут у нашего героя голова стала буквально раскалываться, и д’Артаньян почувствовал, что его затягивает обратно. Взлетев на высоту второго этажа, он рухнул в своё тело, лежавшее на кровати.

Карета миледи отъехала от гостиницы, а Рошфор крикнул своему слуге:

– Собирайся, бездельник, мы уезжаем!

Рошфор зашёл в гостиницу, раздумывая над тем, почему именно сейчас, когда он выполнял очередное секретное задание кардинала, на его голову свалился мальчишка дзен-буддист, выряженный как клоун. Клоун-то клоун, а по третьей чакре вдарил. Рошфор поднялся на второй этаж гостиницы, намереваясь забрать вещи из своей комнаты. Проходя по коридору, он увидел открытую дверь соседней комнаты и д’Артаньяна, валявшегося на кровати с обломком шпаги в руке.

«Любопытно, – подумал Рошфор, заходя в комнату и закрывая дверь. – Что же ему здесь надо?»

Рошфор начал шарить в вещах д’Артаньяна. Сначала он не находил ничего интересного – нефритовая статуэтка Будды, учебник по выходу в астрал, учебник «Как в короткий срок стать человеком дзен» и другие мелочи. Внимание Рошфора привлёк конверт, в который было запечатано рекомендательное письмо бодхисаттвы де Гарньера, адресованное Лесли Нильсену.

«Ё-моё, – подумал Рошфор. – Если уж за мной гоняются мушкетёры, тогда плохи мои дела».

И всё же Рошфор распечатал письмо, надеясь узнать что-то полезное для себя. Однако ничего полезного он не узнал, ибо бодхисаттва де Гарньер, знакомый с пророчествами лорда Дюмона, написал следующее:

Сенцею королевских мушкетёров
Лесли Нильсену
от бодхисаттвы де Гарньера,
главы Марсельской дзенской общины
Шалтай-болтай сидел на стене,
Шалтай-болтай свалился во сне,
Все тридцать три мушкетёра,
Вся королевская рать
Не смогут Шалтая-болтая собрать.

Привет лорду Дюмону! Если он это читает, значит, у нас очередной промах.

Бодхисаттва де Гарньер.

«Чёрт побери, это, наверное, какой-то шифр, – подумал Рошфор, запихивая письмо в карман и выходя из комнаты д'Артаньяна. – Пора отсюда сматываться. Если Нильсен прислал за мной одного, скоро здесь будут и остальные тридцать. Наверняка этот придурок должен был меня отвлекать. Смываюсь отсюда!»

И Рошфор поспешил уехать. Настолько поспешил, что даже забыл оплатить счёт.

Какд'Артаньянискалписьмо,ноненашёл

Д'Артаньяна откачали на следующий день – хозяину гостиницы не терпелось содрать с кого-нибудь деньги, которые он не взял с Рошфора. А самым близким к Рошфору человеком оказался именно д'Артаньян: за два дня своего пребывания в гостинице Рошфор больше ни с кем не разговаривал и не дрался. Поэтому, когда д'Артаньян проснулся, первым, что он увидел, был счёт, которым хозяин гостиницы размахивал перед носом нашего героя. Увидев сумму в счёте, д'Артаньян снова отключился на пару часов. Его привёл в чувство только запах обеда.

Отобедав, д'Артаньян устроился на кровати в позе лотоса и начал медитировать. Он вспомнил, что во всех дзенских книгах было написано, что все наши враги – это всего лишь отражение нас самих, поэтому вчерашняя стычка с незнакомцем в чёрном плаще – всего лишь ещё один шаг в бесконечной борьбе с самим собой, которая заканчивается либо просветлением, либо смертью. По крайней мере, если верить книгам. Однако д'Артаньян не чувствовал себя настолько плохим существом, чтобы вести борьбу с самим собой, как это делают последователи кардинала. Поэтому он и принял учение дзен, по которому выходило, что человек борется не с самим собой, а с собственным умом, то есть, с неправильным образом реальности, сформированным в голове. Д'Артаньяну казалось, что эта точка зрения намного ближе к правде. А главное – следуя учению дзен, он мог не отказываться от своих желаний и стремлений, а заодно и не платить огромные членские взносы на нужды кардинала и его людей.

Поняв, что он во всём прав, д'Артаньян встал из позы лотоса.

«Однако вспышки ярости надо бы сократить, – подумал д'Артаньян, подходя к окну. – Хотя вчерашний осёл сам виноват – первый начал!»

Хозяин гостиницы в очередной раз предъявил д'Артаньяну счёт Рошфора, в ответ на что д'Артаньян пригрозил хозяину гостиницы, что подаст на него в суд за сломанную шпагу. Они уже почти договорились решить дело миром, и д'Артаньян начал собирать вещи, чтобы съехать, как вдруг заметил, что письмо исчезло! И всё началось заново.

Д'Артаньян бегал по всей гостинице с криками «Где письмо?!» Хозяин гостиницы перепугался не на шутку – мало того, что он вместе со слугами поднял руку на дворянина, да ещё и на дзен-буддиста, так ещё вдобавок у этого самого дворянина был похищен какой-то документ государственной важности, как следовало из слов самого д'Артаньяна. Бедный хозяин гостиницы

с перепугу уж чуть было не отправился в нирвану, однако тут же сообразил, что поможет ему ещё ненадолго задержаться на этой земле.

Итак, хозяин гостиницы подошёл к д'Артаньяну и заявил:

– Я знаю, где ваше письмо, уважаемый господин! Пока вы валялись без сознания, тот самый незнакомец поднимался на второй этаж. Я и подумать не мог, что он заглянет к вам с такими недобрыми намерениями. Однако, дверь вашей комнаты была открыта, и он запросто мог…

– Ах, негодяй! – воскликнул д'Артаньян. – Да ведь в этом письме вся моя жизнь! Что же мне тогда делать?

– Я думаю, нам с вами следует обратиться в полицию и заявить на этого преступника! – воскликнул хозяин гостиницы. – Мало того, что этот самозваный дворянин не заплатил мне по счёту, так он ещё и украл ваше письмо! Уж здесь-то точно имеется состав преступления.

– Вы правы! – сказал д'Артаньян. – Идёмте в полицию.

К вечеру по всем окрестным деревням был развешен на столбах портрет разыскиваемого бандита, прикинувшегося дворянином. В принципе, лицо на портрете больше смахивало на самого д'Артаньяна, нежели на Рошфора. Тем не менее, начальник полиции пообещал д'Артаньяну, что как только они схватят этого бандита вместе с письмом, письмо будет немедленно отослано сенцею королевских мушкетёров. Д'Артаньян, немного успокоенный этим заверением, поспешил покинуть городок, в котором на долю нашего героя выпало столько неприятностей. После двухдневного перерыва путешествие д'Артаньяна продолжилось. Единственным существом, порадовавшимся этой передышке, была лошадь д'Артаньяна, которая за два дня наконец-то сумела отоспаться. Между прочим, лошадь была настоящим мастером сновидения, вот только рассказать об этом никому не могла.

Наконец-тоПариж!

Одним словом, прошло ещё несколько дней. Д'Артаньян в гневе пытался зарубить несколько сельских жителей, но ничего не получилось из-за сломанной шпаги. Кроме того, д'Артаньяну пришлось временно сесть на диету, пока он проезжал через кардинальские деревни, где никакой еды давно не видели даже сами местные жители. Д'Артаньян за пару дней сгрыз свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными. В этом и была суть диеты. Когда д'Артаньян полюбопытствовал, как же все кардинальские крестьяне не умерли от голода, оказалось, что они ели по одному зёрнышку пшеницы в день, всё свое время посвящая медитации. В принципе, это был буддийский способ утолить голод, хотя все буддийские обряды в кардинальских деревнях были запрещены. А что ещё оставалось делать голодным людям!

Итак, д'Артаньян сел на диету в кардинальских деревнях, а слезть с неё сумел только на подступах к Парижу, где начали попадаться хорошие постоялые дворы и таверны с хорошей кухней. Ну, и наконец, после нескольких долгих дней путешествия д'Артаньян въехал в Париж с остатками золота из мешка лейтенанта Крюшо в кармане, без рекомендательного письма и со сломанной шпагой.

Париж не встретил д'Артаньяна ликованием. Вернее сказать, Париж вообще никак не встретил д'Артаньяна, если не считать того, что на одной из улиц на голову нашего героя опорожнили ночной горшок откуда-то сверху (д'Артаньян приехал в Париж утром). Отмывшись в платной бане, д'Артаньян пошёл на рынок и продал лошадь. Он весьма продешевил, так как лошадь была мастером сновидения и стоила в десять раз дороже обычной. Но об этом не знал и новый хозяин лошади, а самой лошади было по фигу, кто её хозяин – для неё это было не больше, чем очередной сон.

Так вот, присовокупив плату за лошадь к своим оскудевшим запасам золотых монет, д'Артаньян начал искать место для жилья. В Париже было несколько пятизвёздочных отелей (в том числе и с видом на королевский дворец), однако всё это великолепие было не по карману нашему герою. Поэтому он переключил своё внимание на двери домов с табличками «Сдаю комнаты». В центре Парижа цены кусались, а жить на окраине д'Артаньян не хотел по причине отсутствия общественного транспорта в городе. (Впрочем, если бы д'Артаньян знал, что такое общественный транспорт в большом городе, он бы

предпочёл переплатить за квартиру в центре.) В конце концов, нашему герою повезло, и он нашёл приемлемый вариант в лице мелкого бизнесмена Бонасье, который сдавал двухкомнатную квартиру на втором этаже. Д'Артаньян вспомнил, как с утра на него опорожнили ночной горшок со второго этажа и, надеясь отомстить, вселился в эту комнату. Ему повезло и не повезло одновременно – в доме месье Бонасье пару лет назад установили некое подобие канализации.

Сняв квартиру, д'Артаньян отправился на соседнюю улицу, где он ещё накануне заметил ларёк с вывеской «Ремонт обуви и шпаг». В ларьке сидел кавказец, который, поглядев на остатки шпаги д'Артаньяна, потребовал приличную сумму для её восстановления. Д'Артаньян, конечно, поторговался, но всё-таки рассудил, что лучше без денег со шпагой, чем с деньгами без шпаги. Кавказец получил своё, а золотой запас д'Артаньяна приблизился к нулю. И это несмотря на продажу сновидящей лошади.

Приёмнаясенцеямушкетёров

Читатель помнит, что в книге Дюма по прибытии в Париж д'Артаньян отправился наниматься в мушкетёры. Что ж, не будем отступать от сюжета.

Особняк сенцея королевских мушкетёров Лесли Нильсена находился в самом центре Парижа, недалеко от королевского дворца на тот случай, если Его Просветлейшеству вдруг срочно понадобятся мушкетёры. Д'Артаньян долго поднимался по белоснежной мраморной лестнице. Вход охраняла парочка мушкетёров, как две капли воды похожих на звёзд французского кинематографа. Это были Фанфан-Тюльпан и бывший разбойник Картуш. Оба недавно достигли просветления и были зачислены в мушкетёры. Однако д'Артаньян понял, что оба новоявленных мушкетёра особой радости от своего положения не испытывали.

– И какого чёрта Нильсен поручил нам этот фейс-контроль? – возмущался Фанфан-Тюльпан. – Я привык махать клинком, а не пялиться на пьяные рожи. Стой, проходи, стой, проходи!

– А я скучаю по своему лесу, – вздохнул Картуш, внешне подобный знаменитому Бельмондо в молодости. – А знаешь, до того, как стать мушкетёром, я ведь чуть было не создал международную сеть разбойников. Мы с Робин Гудом переписывались, планы строили. А потом его назначили лесником, а меня – мушкетёром. Нет, всё-таки, наши короли – не такие дураки, как считает народ.

– Это верно, – кивнул Фанфан-Тюльпан. – А как же вы с Робин Гудом переписывались? Через почтовых голубей?

– Ну, он-то мне сообщения присылал на стреле, – ответил Картуш. – Знаешь, так привязывал к стреле бумажку и палил из лука. И что интересно, ни разу не промахивался. Почти всегда попадал в одно и то же дерево. Частенько на стреле помимо бумажки оказывалась и дикая утка – ну, мало ли чего по дороге попадётся. А однажды он своей стрелой с сообщением вообще предателя замочил.

– Круто! – кивнул Фанфан-Тюльпан. – А ты ему как отвечал?

Картуш открыл было рот, но как раз в этот момент к двери приблизился д'Артаньян. Оба мушкетёра, стоявшие на фейс-контроле, обратили на него внимание как на типа весьма подозрительного (по причине нехватки денег д'Артаньян не брился, не ел и сильно похудел).

– Стой! – обратился Картуш к д'Артаньяну. – Кто такой? Зачем пришёл?

– Саньясин д'Артаньян из Марселя, – гордо ответил

д’Артаньян. – Прибыл сюда в надежде стать королевским мушкетёром!

Оба мушкетёра усмехнулись.

– Ещё один, – сказал Фанфан-Тюльпан. – Скоро этими кандидатами в мушкетёры можно будет мостовые устилать.

– Сударь, вы что, хотите таким образом спровоцировать меня на дуэль? – вспыхнул д’Артаньян.

– Спокойно, чувак, забей, расслабься, выдохни, проходи, – выдал набор слов Картуш. – Просто у нас этих кандидатов и в самом деле хоть пруд пруди. Только не один ещё не подошёл под пророчество лорда Дюмона. Сомневаюсь, что ты подойдёшь.

– Почему? – спросил д’Артаньян. – А вас обоих как в мушкетёры приняли?

– Я сумел телепортироваться в королевский дворец, точно в покои принцессы, – ответил Фанфан-Тюльпан. – Меня хотели повесить, но не получилось. Тогда меня и зачислили в мушкетёры.

– Вау! – воскликнул д’Артаньян.

– А я хотел создать мафию на три века раньше, чем полагается, – ответил Картуш. – Поэтому и оказался здесь.

– Тоже вау! – кивнул д’Артаньян.

– Чувак, проходи, не задерживай очередь, – сказал д’Артаньяну Фанфан-Тюльпан. – Кто там следующий, тоже проходите.

– Так вот, а я отправлял Робин Гуду сообщения… – продолжал Картуш, но д’Артаньян уже не расслышал этот рассказ про новый способ связи, изобретённый разбойниками.

Наш герой вошёл в приёмную, где увидел толпу парижан, ломившихся на приём к сенцею королевских мушкетёров. Естественно, Лесли Нильсен ограничил вход в свой кабинет, поставив парочку охранников у двери и обзаведясь собственной службой бюрократов. Один из этих бюрократов подскочил к д’Артаньяну с пачкой анкет в руке.

– Заполните анкету, пожалуйста! – улыбнулся бюрократ.

– Зачем? – не понял д’Артаньян.

– Укажите там ваше имя и цель вашего визита, – ответил бюрократ. – Месье Нильсен вас вызовет.

– Ну ладно, – сказал д’Артаньян и взял в руки анкету.

В графе «Цель визита» он совершенно честно написал: «Какой-то астральный призрак велел мне стать мушкетёром».

Бюрократ, забрав анкету у д’Артаньяна и прочитав её, выразил на своём служебном фейсе некоторое удивление, но всё равно положил анкету в стопку и отнёс в кабинет Лесли Нильсена.

Д’Артаньян остался ждать в приёмной. Это была роскошная комната, битком набитая посетителями. На диванчике у двери сидели двое мушкетёров. Они занимали самое привилегированное положение, – остальные посетители стояли. Один из мушкетёров внешне напоминал японского Хотея, второй же смахивал на эльфа из «Властелина Колец» в исполнении Орландо Блума. Сходство усиливалось за счёт того, что Орландо Блум, кажется, тоже буддист.

Мушкетёр, внешне напоминавший Хотея, поглаживал рукой свою расшитую золотом перевязь, на которой висела шпага весьма внушительного размера.

– А я тебе говорю, что я эту перевязь купил! – сказал мушкетёр. – И никакая герцогиня мне её не дарила! Хотя, признаться честно, за мои-то любовные подвиги десяток этих герцогинь мог бы подарить мне пол-Франции! Так-то, дорогой мой Арамис!

– Право же, Портос, не разыгрывайте меня! – воскликнул Арамис. – Конечно, наши герцогини любят полных мужчин, но чтобы пол-Франции! Сомневаюсь. Хотя на такую перевязь вашей любовной активности вполне бы хватило.

– Вы слишком низко меня оцениваете, Арамис, – сказал Портос. – У вас-то роман с этой…

– Тихо! – предупредил Арамис.

– С этой… этой… – запнулся Портос. – Ну, с той самой, а я ж молчу!

– Портос, я тоже буду молчать, когда узнаю, кто подарил вам перевязь, – сказал Арамис.

– Всё-то вам надо знать, – вздохнул Портос. – Впрочем, хватит говорить обо мне. Что слышно о других мушкетёрах и их бабах?

Арамис собирался что-то сказать, но в этот момент из двери высунулся секретарь Лесли Нильсена и канцелярским голоском проскрипел:

– Месье д’Артаньян, заходите!

Не-деланиесмерти

Д'Артаньян, сожалея, что не услышал сплетен о бабах, зашёл в кабинет. Лесли Нильсен сидел за столом в чёрном кимоно. Д'Артаньян не успел рассмотреть все детали его облика, так как Нильсен встал, вежливо сказал: «Обождите минутку», подошёл к двери, сам выглянул в приёмную и проорал:

– Атос! Портос! Арамис! Живо ко мне! Все трое, чтоб вас!

Д'Артаньян от неожиданности вжался в стену, чувствуя, что ещё немного магических практик – и он сможет пройти сквозь стену спиной вперёд.

Лесли Нильсен вернулся за стол, а в кабинет вошли два мушкетёра из приёмной.

– Господа, я возмущён вашим поведением! – воскликнул Лесли Нильсен. – Эй, вы, закройте дверь! – крикнул он д'Артаньяну. – Да, вы, вы, чего встали?

Д'Артаньян, слегка растерявшись, всё же закрыл дверь как можно плотнее, чтобы в приемной не могли слышать, как сенцей орёт на своих мушкетёров.

– Отлично, господа, теперь я могу пророраться, – с наслаждением вздохнул Лесли Нильсен и заорал. – Почему последние две недели у вас не было ни одной стычки с людьми кардинала? Король вами весьма недоволен. Знаете, что он сегодня сказал мне за завтраком? Он сказал, что у него такое впечатление, будто он зря платит вам зарплату. А вы знаете, что если Король недоволен вами, то он недоволен и мной. А если Король прекратит платить зарплату вам, то прекратит платить и мне. И тогда нам всем с вами придётся наниматься на службу кардинала, чтобы улаживать его связи с общественностью. Чёрт побери! Я не хочу быть PR-шестёркой, господа! И мне кажется, что вы тоже не хотите этого.

– Не хотим, сенцей! – хором сказали оба мушкетёра.

– Так что ж вы сидите сложа руки? – спросил Лесли Нильсен. – Последний раз вы трое отличились три недели назад, когда закидали Рошфора тухлыми яйцами перед балом-маскарадом. Поздравляю-поздравляю, он выглядел в точности как цыплёнок Король тогда долго смеялся, но с тех пор вы вообще никак не отличились!

– Мы занимались самосовершенствованием, – ответил Портос. – Так что я не думаю, что мы тратили время даром.

– И в чём же вы себя усовершенствовали? – спросил Лесли Нильсен. – Вы, Арамис, написали ещё десяток своих бездарных лирических поэм и мюзиклов? Сколько раз вам говорить, что эту

чушь про горбуна и цыганку народ смотреть не будет. А эта песня, которую вы написали вместе с тем англичанином… забыл, как она называлась?

– «Бэлль», сенцей, – подсказал Арамис.

– Да, точно, «Бэлль». От этих завываний у моей собаки разболелись зубы, и пришлось вести её к ветеринару-телепату, который полчаса её допрашивал, два дня лечил и содрал с меня кучу денег, потому что, как он сказал, «нельзя так издеваться над животным!» – воскликнул Лесли Нильсен. – Я надеюсь, Арамис, вы за последнее время ничего больше такого не сочинили?

– Никак нет, сенцей, – сказал Арамис.

– Хоть это радует, – облегчённо вздохнул Лесли Нильсен. – А вы, Портос, опять состязались в обжорстве с полком кавалеристов?

– И я победил, сенцей! – гордо заявил Портос.

– Оно и видно, – усмехнулся Лесли Нильсен. – И затем вы опять соблазняли старых герцогинь? Сколько же раз вам пришлось выпрыгивать из окна при появлении их мужей на этой неделе?

– Трижды, сэр, – виновато ответил Портос.

– Задница побаливает? – спросил Лесли Нильсен.

– Угу, – кивнул Портос.

– Неделя отпуска, – пробормотал Лесли Нильсен. – Впрочем, какая неделя, что я несу! Отправляйтесь сегодня в караул, будете всю ночь стоять, чтоб задница не болела. А вы, Атос? Кстати, где Атос?

– Он всё ещё практикует не-делание смерти, сенцей, – ответил Арамис.

– Я здесь, сенцей, – донёсся слабый голос, и из-за портьеры вышел человек, в котором торчали три шпаги.

У д'Артаньяна невольно вырвался вздох восхищения. Он и представить себе не мог, что и в самом деле существуют люди, способные практиковать не-делание смерти – одну из сложнейших практик, о которой лишь вскользь упоминалось в учебнике Дон Жуана под редакцией Кастанеды. Суть этого не-делания состояла в том, что если человек путём множества сложных практик, связанных с регулярным приёмом галлюциногенов и выполнением чисто физических и энергетических упражнений (тоже, довольно сложных, кстати) сдвигал свою точку сборки в такую зону, где отсутствует намерение смерти, его тело (как физическое так и энергетическое) становилось практически неуязвимым для любого негативного воздействия. Д'Артаньян всегда считал, что вещи, подобные не-деланию смерти, являются чем-то вроде

теорий, замешанных на хитрых построениях вышей магии, ибо высшая магия построена на таких принципах, что всё в ней становится относительным – жизнь и смерть, конечность и бесконечность, наш мир и другие миры – всё это сосуществует и какими-то странными путями переходит друг в друга. На основании этих принципов полубезумные маги создавали какие-то хитроумные теории, по которым получалось, что смерти нет, что с помощью реинкарнации в новое тело переходит не личность, а только энергетические остатки памяти, а также, что каждый день каждый человек творит собственный мир по собственной воле. Конечно, это всё звучало красиво и в чём-то даже было похоже на правду, но д'Артаньян и понятия не имел, что какие-то практики, пусть даже самые сложные, могут позволить человеку спокойно расхаживать по улице с тремя шпагами в теле.

– Атос! – дружно воскликнули все присутствующие.

– Да, это я, сенцей, – тихо ответил Атос. – Вы меня звали, вот я и пришёл.

На лице Атоса было несколько отстранённое выражение, словно бы он не видел ничего перед собой и не понимал, где находится. Лесли Нильсен вскочил из-за стола и подошёл к Атосу.

– Как вы, друг мой? – спросил Лесли Нильсен. – Давно вы ходите со всем этим металлоломом в теле?

– Первую шпагу в меня воткнули гвардейцы кардинала три недели назад, – ответил Атос. – Когда я шёл по улице со шпагой в груди, меня увидели кардинальские инквизиторы и воткнули в меня вторую шпагу. Где в меня воткнули третью, не помню.

– И как же вы себя чувствуете? – спросил Лесли Нильсен.

– Несколько некомфортно, пожалуй, – ответил Атос. – И что-то аппетита нет. Три дня уже ничего не ем, даже китайского риса.

– Что ж вы раньше-то не пришли?! – воскликнул Лесли Нильсен.

– Однажды мне уже удалось приручить смерть, – ответил Атос. – Хотел попробовать ещё раз. Знаете, почти удалось, если бы не эта третья шпага. Она меня щекочет и не даёт сконцентрироваться.

– Сейчас мы вам поможем, – сказал Лесли Нильсен и повернулся к д'Артаньяну. – Позовите шамана или друида, или обоих, они вечно в приёмной обретаются, просят какие-то ингредиенты типа мандрагоры и прочие гадости. Ну, что ты встал, парень, зови обоих!

Д'Артаньян открыл дверь, высунулся в приёмную и крикнул:

– Друида и шамана сюда! В человеке три шпаги!

Толпа зашумела, тем не менее, к двери протолкались двое – седой старичок в белой мантии и с длинной бородой, а также индеец в кожаных лохмотьях, увешенный разнокалиберными амулетами. Эти двое вошли в кабинет, а когда следом за ними в кабинет попыталась хлынуть и остальная толпа, д'Артаньян с огромным трудом запихал любопытствующих обратно в приёмную и захлопнул дверь.

– Ага, вас-то двоих мне и надо! – воскликнул Лесли Нильсен, увидев друида и шамана. – Вот, один из моих мушкетёров практиковал не-делание смерти и допрактиковался.

Друид подошёл к Атосу и начал внимательно изучать что-то. Видимо, прикидывал, под какими углами в тело вошли шпаги. Подсчитав углы, друид изрёк:

– После такого люди не живут!

– Меня пять раз вешали, – тихо сказал Атос. – Девять раз расстреливали и раз пятнадцать протыкали насквозь шпагой.

– Тогда, наверное, можно что-то сделать, – пожал плечами друид. – Только я раньше с такими не сталкивался. Если бы ранения не были сквозными…

– Погодите, я посмотрю, – сказал шаман и осмотрел Атоса. – Ерунда, мы дома в империи Инков довольно часто практиковали нечто подобное – слава богам, испанцев вокруг было вдоволь. У нас ребята-индейцы и с десятком шпаг в спине бегали. А про пули я уже вообще молчу.

– А что ж вы в Париж переехали? – спросил Арамис. – Раз у вас такая богатая практика на родине?

– Так нагваль пирамиду телепортировал, – ответил шаман. – Три деревни без работы остались. Так и пришлось… приспосабливаться.

– Это всё безумно интересно, – сказал Лесли Нильсен. – И всё-таки, что нам делать?

– Сначала вынуть шпаги, – ответил шаман.

– Вы уверены? – спросил Портос.

– Конечно, в таком состоянии ему будет безразлично, есть ли шпаги в теле или нет, – ответил шаман. – Потом придётся зашивать отверстия, а для этого мне нужно серебро. И на последней стадии мне понадобится золото, чтобы влить в него жизненную силу.

– Друид, вы с этим согласны? – спросил Лесли Нильсен.

– У нас немножко другие обряды, но в целом, суть верна, – кивнул друид.

– Это хорошо, значит, будете работать вместе, мне этот человек нужен живым и как можно скорее, – сказал Лесли Нильсен.

– Сделаем, – сказал шаман. – Итак, какая шпага была воткнута последней?

– Не помню, – ответил Атос. – Но помню первую и вторую.

– Какая же была первая? – спросил шаман.

– Вон та, дешёвенькая, что с отстойным рисунком на эфесе, – ответил Атос. – Вторая побогаче будет, с позолотой на рукоятке. Не пожалели, иезуиты проклятые. Она ещё, небось, и серебряная.

– Да нет, обыкновенная, – заключил шаман. – Ну, значит, последней была воткнута та, что с чёрной ручкой. Кто-нибудь, держите пациента, я буду вытаскивать.

Портос и Арамис схватили Атоса за плечи, и шаман начал вытаскивать из него шпагу под бдительным наблюдением друида, Лесли Нильсена и д'Артаньяна. Так, одну за другой, шаман вытащил из Атоса все три шпаги и аккуратно сложил их на полу. Д'Артаньян заметил показавшийся ему странным факт – крови на шпагах не было.

– Теперь мне нужно серебро, – объявил шаман. – Любое – ложки, вилки, шпаги, серебряные монеты, что угодно. Необходимо закрыть серебряным предметом каждую дырку с двух сторон, чтобы энергия вновь начала циркулировать в повреждённых местах.

– Эй, слуги, где вы все, тащите всё серебро, что есть в доме! – крикнул Лесли Нильсен. – Хоть посуду, хоть украшения, хоть что угодно!

Через десять минут ко всем отверстиям, оставленным шпагами в теле Атоса, были приложены серебряные предметы. Портос, Арамис и Лесли Нильсен поддерживали ложки, вилки и монеты точно у отверстий, пока шаман читал заклинание.

– Можете отпускать, – сказал шаман, закончив с заклинаниями. – Теперь не отвалятся.

Действительно, серебряные предметы будто бы прилипли к телу Атоса и не желали подчиняться закону гравитации.

– Вот так, отлично! – шаман облегчённо вздохнул. – Теперь мне нужны носилки и комната, куда можно отнести пациента. И ещё мне понадобится золото – столько, сколько сможете найти. Лучше в слитках.

– Конечно, королевская казна рядом, щас сбегаем, – сказали Портос и Арамис.

– Носилки сначала принесите! – одёрнул их Лесли Нильсен.

Вскоре Атоса унесли, и д'Артаньян так и не узнал, в чём же заключалось лечение золотом, и как Портос с Арамисом добыли золотые слитки.

Пророчествасбываются,илиКакпоявилас

– Теперь я займусь вашим вопросом, молодой человек, – сказал Лесли Нильсен, поворачиваясь лицом к д'Артаньяну. – Конечно, вам могло показаться странным, что человек носил в своём теле три шпаги и остался жив, но поверьте мне, люди в астральных телах носят и не такое! И как-то выживают при этом. Н-да… Чёрт побери, столько проблем, столько проблем… Вот на этих болванов сегодня наорал, из Атоса шпаги вытащили, теперь ещё надо где-то найти тридцать третьего мушкетёра…

– Прошу прощения, сенцей, но как раз с этой проблемой я могу вам помочь, – сказал д'Артаньян.

Лесли Нильсен взглянул на него с удивлением.

– Вы, молодой человек? – спросил он. – И как же вы можете помочь мне решить проблему, которую пока что не в состоянии решить все лучшие люди Франции? А, понятно, можете не продолжать, молодой человек, я вас понял. Вы решили попробовать поступить в мушкетёры. К несчастью, у нас всего лишь одно вакантное место, поэтому требования очень высокие.

Лесли Нильсен уселся за стол и достал папку, в которой лежал список пророчеств лорда Дюмона по поводу появления тридцать третьего мушкетёра.

– Я понимаю, но я ведь явился сюда не просто так, – сказал д'Артаньян.

– Все так говорят, – пробормотал Лесли Нильсен.

– Но мне велел ехать в Париж чёрный призрак в форме мушкетёра! – воскликнул д'Артаньян. – Это было во время астрального путешествия.

– И маска на нём была? – спросил Лесли Нильсен.

– Была, – кивнул д'Артаньян.

– И плащ? – спросил Лесли Нильсен.

– И плащ, – кивнул д'Артаньян.

– И серебряная брошка на левом плече? – спросил Лесли Нильсен.

– Нет, ничего такого не было, – твёрдо сказал д'Артаньян.

Лесли Нильсен опустил взгляд на листок с пророчествами. Первым пунктом значилось следующее: «Сошлётся на сэра Эльдорадо». В принципе, на сэра Эльдорадо мог сослаться кто угодно, ибо сэр Эльдорадо не уставал терроризировать молодёжь астральными видениями. Хотя, в основном, он являлся в астрале привлекательным девушкам – таким образом сэр Эльдорадо астрально бегал за бабами.

Подумав обо всём этом, Лесли Нильсен почесал в затылке.

Сэр Эльдорадо, конечно, мог и пошутить. И вообще, это мог быть не сэр Эльдорадо. Хотя, с другой стороны, больше некому. Лесли Нильсен взглянул на следующий пункт и спросил у д'Артаньяна:

– А нет ли у вас с собой какой-нибудь… э-э… более материальной рекомендации?

– Так и знал, что вы спросите, – вздохнул д'Артаньян, цокнув языков. – Понимаете, у меня было письмо от бодхисаттвы де Гарньера, но дело в том, что… Короче, в дороге его у меня украли.

– Правда? – спросил Лесли Нильсен. – Неужели?

– Да, но если бы вы одолжили мне немного денег, я мог бы по-быстрому сгонять обратно в Марсель, и бодхисаттва де Гарньер написал бы мне новое письмо, – сказал д'Артаньян. – Или вы могли бы вызвать его по телепатической связи, он бы рассказал вам, что я был у него.

– Как же могло случиться, что ваше письмо украли? – спросил Лесли Нильсен.

– Это сделал один из людей кардинала, я узнал знак у него на цепочке – забитого палками раба, – сказал д'Артаньян и поведал Лесли Нильсену историю во всех подробностях.

Естественно, Лесли Нильсен узнал в описании Рошфора. Он ещё раз заглянул в список пророчеств, где под пунктом номер два было ясно написано: «Посеет рекомендательное письмо от дзенской общины». С возрастающим ужасом Лесли Нильсен обратил взор на пункт номер три: «Разобьёт твою статую Афродиты».

Первые два пункта сходились, и Лесли Нильсен начал всерьёз опасаться за свою статую, несмотря на то, что полгода назад спрятал её в шкаф, – отчасти, чтобы усложнить испытание тридцать третьему мушкетёру, а главным образом, чтобы спасти статую от этого варвара.

– Что ж, молодой человек, – пробормотал Лесли Нильсен, не сводя глаз со шкафа, в котором стояла Афродита, и с ужасом вспоминая, что забыл утром запереть шкаф на ключ. – Мы займёмся выяснением всех обстоятельств вашего дела. Если вам суждено быть мушкетёром, вы им будете, но если нет… Ну, вы же понимаете, что у нас бюрократия и всё такое прочее. Нам надо всё тщательно проверить, установить все соответствия и закономерности. С такими вещами, как тридцать третий мушкетёр, не шутят – это ведь как сто пятидесятый рыцарь круглого стола. Пока что я могу предложить вам назначение в полк сновидящих гвардейцев. Или вы больше специализируетесь по сталкингу?

– Я обучался и сталкингу, и сновидению, – ответил

д'Артаньян, подходя к окну и сжимая кулак, словно бы собираясь треснуть по стеклу.

– Тогда запишем вас в особый полк практикующих магов, – Лесли Нильсен начал было облегчённо вздыхать, заметив, что д'Артаньян собирается разбить окно, а не Афродиту. – Туда попасть тоже весьма непросто, этого добиваются дворяне со всей страны. Вам даже выдадут форму – не мушкетёрскую, конечно, но тоже весьма престижную. Сейчас я вручу вам грамоту, с которой вам следует зайти в…

Лесли Нильсен не успел договорить, как д'Артаньян, смотревший в окно, неожиданно изменился в лице и выхватил шпагу с криком:

– Это он! Письмо у него! Ну, уж нет, на этот раз ты от меня не уйдёшь, негодяй!

Продолжая что-то кричать, д'Артаньян рванулся к двери, Лесли Нильсен, вскрикнув, вскочил было из-за стола, но было уже поздно – д'Артаньян ошибся дверью, рванул дверь на себя и стремительно прыгнул в шкаф, где стояла статуя Афродиты.

Послышался звон, треск, хруст, стук и звук удара. Д'Артаньян, пошатываясь, вышел из шкафа, потряс головой, стряхивая с волос осколки Афродиты, пробормотал «Прошу прощения, дико извиняюсь», потом, сориентировавшись в пространстве, рванул на себя дверь, выходившую в приёмную, и вылетел из кабинета.

Лесли Нильсен со стоном упал в кресло, не отрывая глаз от разбитой Афродиты, в которую д'Артаньян влетел и придавил статую к стене, в результате чего она превратилась в кучу осколков. Пару минут Лесли Нильсен сидел, сжав кулаки, глядя на свою Афродиту и произнося нечленораздельные жалобно-яростные звуки. Наконец, он вышел из ступора и крикнул:

– Жак! Ко мне!

В кабинет вошёл слуга, поглядел на Лесли Нильсена, на Афродиту, потом снова на Лесли Нильсена.

– Какие будут приказания, сэр? – спросил Жак.

– Дюмона ко мне! – простонал Лесли Нильсен. – Он у меня лично будет Афродиту склеивать! Пусть клей захватит. Да, и ещё… – Лесли Нильсен снова поглядел в листок с пророчествами, лежавший на столе. – Атос там на лестнице валяется, прикажите друиду с шаманом, чтобы привели его в чувство.

– Откуда вы знаете? – спросил Жак.

– Я ж ясновидящий сенцей королевских мушкетёров! – воскликнул Лесли Нильсен. – Быстро выполнять!

– Есть, сэр! – сказал Жак и убежал.

Лесли Нильсен продолжал сидеть, глядя на останки

Афродиты. Наконец он произнёс:

– Да, зря Арамис вчера насморк подхватил.

Какд'Артаньяннечаянновылечил Атоса

Вернёмся всё же к д'Артаньяну, который не видел и не слышал всего того, что произошло в кабинете после его стремительного отбытия. Д'Артаньян буквально пролетел сквозь приёмную, выскочил на улицу, пролетев мимо Картуша с Фанфан-Тюльпаном, которые мирно беседовали, поискал взглядом Рошфора и, не найдя, стремительно понёсся по лестнице вниз. К несчастью, по лестнице в этот момент спускался Атос, которого д'Артаньян со спины не узнал. Атос только что вышел на улицу после процедуры лечения золотом. Во время этой процедуры друид и шаман дружно отметили, что хотя Атос и пошёл на поправку, к нему ещё не вернулась заинтересованность в жизни.

Так вот, незаинтересованный в жизни Атос спускался по лестнице как раз в тот момент, когда по той же самой лестнице бежал вниз д'Артаньян. Д'Артаньян вертел головой, высматривая Рошфора, и совершенно не замечал, что у него под ногами. Так он и налетел со всей дури на Атоса.

Благородный Атос, совершенно не ожидавший удара в спину, потерял равновесие, упал. Д'Артаньян, споткнувшись, упал на него, и оба они покатились вниз по лестнице. Когда лестница кончилась, д'Артаньян крикнул: «Прошу прощения!», хотел было встать и побежать дальше, но его схватила за шиворот железная рука. Обернувшись, д'Артаньян узнал Атоса, который держал его. Судя по тому непечатному монологу, который Атос произносил где-то с минуту, к нему полностью вернулась заинтересованность в жизни и, будь здесь друид с шаманом, они бы с удовольствием отметили этот факт. Д'Артаньян, только что узнавший Атоса, принялся извиняться.

– Вы надеетесь обойтись извинениями, сударь? – спросил Атос. – Да вы меня чуть не убили!

– Послушайте, сударь, я очень сожалею, что так вышло, но дело в том, что сейчас я гонюсь за одним человеком, и как вы понимаете, я очень спешу, – ответил д'Артаньян. – Так что, если вам угодно, я готов принести вам все возможные извинения, но несколько позже.

– Одними извинениями вы не обойдётесь, юноша! – воскликнул Атос. – Жду вас сегодня в полдень на пустыре около королевского дворца на окраине, там, где руины старой крепости. Надеюсь, вы найдёте место?

– Обязательно, – кивнул д'Артаньян. – Я найду место и буду там, если, конечно, вы отпустите меня сейчас, чтоб я мог

продолжать погоню!

– С удовольствием, – сказал Атос, отпуская д'Артаньяна. – Только не сшибите по дороге ещё кого-нибудь.

Но д'Артаньян его уже не слышал – он гнался за Рошфором по парижским улицам. Атос же, почувствовав слабость, вынужден был присесть на ступеньку лестницы.

Друид и шаман, посланные по приказу Лесли Нильсена, быстро нашли Атоса. Прислонясь спиной к парапету, тот матерился как извозчик. Друид и шаман отметили, что жизненные силы возвращаются к мушкетёру, побывавшему по ту сторону смерти. Это был явный прогресс и поспособствовал ему не кто иной, как д'Артаньян!

MadeinChina

Невольный целитель д'Артаньян бежал по узкой улочке и заметил, что впереди путь ему преградил Портос, который с трудом помещался в узком проходе между домами. Портос беседовал с кем-то из сновидящих гвардейцев. Подувал лёгкий ветерок, и Портос кутался в плащ, так что никто не мог толком разглядеть его прекрасную, расшитую золотом перевязь. А по улочке уже бежал д'Артаньян с обнажённой шпагой в руке.

На крик д'Артаньяна «Берегись!» Портос слегка повернул голову в сторону крика и увидел, что на него несётся сам чёрт со шпагой в руке. Не успел Портос вытащить свою шпагу, как этот самый чёрт попытался проскользнуть между спиной Портоса и стеной, но запутался в плаще и разрезал плащ своей шпагой. Портос дёрнул плащ на себя, но заметил, что от плаща мало что осталось. Д'Артаньян, запутавшись в остатках плаща Потртоса и споткнувшись, упал на землю и принялся энергично выпутываться из куска чёрной ткани. В этот же момент гвардейцы заметили, что перевязь Портоса была расшита золотом лишь спереди, а сзади на ней красовалась вышитая жёлтыми нитками крупная надпись «Made in China». Гвардейцы дружно подняли Портоса на смех.

– Вот теперь-то мы тебе верим, Портос, – рассмеялся один из гвардейцев. – Верим, что ты купил эту перевязь на свои деньги. Такие перевязи пачками продаются на китайском рынке и покупают их лишь бедные провинциальные дворянчики. Уж лучше бы тебе её подарили какая-нибудь герцогиня, тогда это была бы перевязь, а не фальшивка.

Буркнув что-то грозное в адрес гвардейцев, Портос повернулся к д'Артаньяну, решив сорвать на нём гнев. Д'Артаньян как раз успел выпутаться из плаща и хохотал громче всех, увидев на перевязи Портоса надпись «Made in China». У самого д'Артаньяна таких перевязей было две дюжины, он их покупал ещё в Марселе на все случаи жизни.

– Что вы так ржёте, сударь?! – воскликнул Портос, вытаскивая шпагу. – Какого чёрта вы носитесь по улицам, как бешеный?

– Я гонюсь за одним человеком, – сказал д'Артаньян, встав и согнувшись от хохота.

– Вы что, глаза забываете, когда за кем-то гонитесь?! – воскликнул Портос.

– Что вы, сударь! – со смехом воскликнул д'Артаньян. – Мои глаза при мне и всё ещё отличают реальное от мнимого!

– Я прикончу вас прямо сейчас! – яростно крикнул Портос и рубанул со всей силы.

К счастью, д'Артаньян увернулся, а шпага Портоса осталась торчать в стене.

– Я думаю, что прямо сейчас это сделать будет затруднительно, – усмехнулся д'Артаньян. – Возможно, позже? Когда вам угодно?

– Сегодня я буду ждать вас в час дня около руин старой крепости, – крикнул Портос. – Надеюсь, дорогу найдёте.

– Около руин старой крепости в час? – переспросил д'Артаньян. – С превеликим удовольствием, сударь, а сейчас, с вашего позволения, я продолжу свою погоню!

И д'Артаньян убежал, оставив Портоса избавляться от хвастовства и чувства собственной важности.

Между тем, д'Артаньян обежал уже весь центр Парижа, а Рошфора нигде не было – он просто телепортировался, когда почувствовал телепатический вызов из кардинальского дворца. Д'Артаньян ещё немного побродил по улицам со шпагой в руке, но понял, что лучше всё же вложить её в ножны. Переводя дыхание, он подумал, который час и хватит ли у него времени, чтобы зайти домой. Оглядевшись по сторонам, д'Артаньян заметил невдалеке китайский рынок. Часов у нашего героя не было, а здесь их можно было приобрести по дешёвке. Как правило, время они показывали неверно, зато смотрелись стильно.

Походив по рынку, поглядев на цены и мысленно пересчитав свои сбережения, д'Артаньян решил просто спросить у китайца, торговавшего часами, который сейчас час. Находчивый китаец тут же ответил:

– С вас два экю, господин!

– За что? – удивился д'Артаньян.

– За информацию, – ответил китаец. – У нас же информационное общество на дворе, господин! Даже мы, скромные китайские эмигранты, поспеваем за прогрессом.

– Чёрт бы побрал этот прогресс, – пробормотал д'Артаньян и полез в карман за монетами. Достав пару монет, он спросил у китайца. – Послушай, любезный, а за эти две монеты не мог бы ты подсказать мне дорогу к развалинам старой крепости?

– И время вам подсказать? – спросил китаец.

– И время, – кивнул д'Артаньян.

– Четыре экю, – сказал китаец.

Д'Артаньян, выругавшись и покрыв матом всю китайскую эмиграцию, заплатил за информацию четыре экю.

– Сейчас половина двенадцатого, вам по той вон улице направо, – сказал китаец, получив монеты. – Не желаете узнать ещё что-нибудь? Прогноз погоды, курс евро? Может быть, хотите

приобрести французско-китайский разговорник?

– Некогда, – ответил д'Артаньян. – У меня сегодня встреча. Даже две.

Опроблемеутилизациииносовыхплатков

Направляясь к развалинам старой крепости, д'Артаньян думал о том, что пора бы прекратить бегать по Парижу и назначать дуэли.

«Ё-моё, если меня сегодня убьют, я вряд ли смогу стать мушкетёром, – подумал д'Артаньян, топая по мостовой. – Перед Атосом я, конечно, извинюсь, и если учесть его состояние, возможно, он не захочет драться и у нас будет возможность уладить дело миром. А насчёт Портоса… Да, до обеда я вряд ли доживу. Ну что ж, по крайней мере, сэкономлю на фастфуде».

Топая по мостовой, д'Артаньян увидел впереди Арамиса, который о чём-то беседовал с каким-то дворянином.

«Надо бы сегодня совершить хоть одно доброе дело, – подумал д'Артаньян, подходя к ним. – О, а вот как раз и подходящий случай!»

Дело в том, что под ногами у Арамиса валялся носовой платок, который мушкетёр, кажется, обронил. Д'Артаньян подошёл к Арамису и его собеседнику и обратился к ним со словами:

– Простите, что перебиваю, господа, но, похоже, один из вас обронил платок. Позвольте оказать вам услугу.

С этими словами д'Артаньян поднял платок, хотя Арамис предварительно на него наступил, чуть не отдавив д'Артаньяну палец.

– Возьмите, пожалуйста, – сказал д'Артаньян, подавая платок Арамису.

– Боюсь, вы ошиблись, сударь, это не мой платок, и мне он совершенно не нужен, – сказал Арамис. – Можете вернуть его на место.

– Да нет же, возьмите! – сказал д'Артаньян, настойчиво засовывая платок в карман Арамиса.

Арамис подпрыгнул от неожиданности, вытащил платок из кармана и бросил его на землю, после чего принялся оттирать карман перчаткой с криком:

– Да вы с ума сошли! Этот платок валялся на земле, я наступал на него сапогом, да и потом, я в него только что высморкался! А камзол к моей парадной форме шил сам брат Сен-Лоран из дзенской общины! Вы с ума сошли портить такую дорогую вещь как карман моего камзола! Чёрт побери! Любой, кто посадит пятно на мой камзол, будет смывать его кровью!

– Чёрт побери, опять! – воскликнул д'Артаньян. – Прошу вас, простите меня, я и понятия не имел! У меня есть знакомый в

химчистке, он всё отстирает так, что даже следов не останется!

– Ну, уж нет, молодой человек! – сказал Арамис. – Дело не только в том, что вы испачкали мой костюм. Сегодня вы случайно услышали, как наш сенцей изволит орать на нас, а это не полагается слышать посторонним. В два часа пополудни у руин старой крепости я с удовольствием проткну вас моей новой парадной шпагой.

– В два часа у руин старой крепости? – спросил д'Артаньян. – Отлично, чёрт побери, просто отлично, господин Арамис. Буду ждать, если доживу. Прощайте.

И д'Артаньян с Арамисом разошлись в разные стороны. Арамис пошёл искать Портоса, а д'Артаньян поплёлся к руинам старой крепости, раздумывая над тем, что пока ещё мало кому удавалось три раза умереть за один день.

«Возможно, Атос сумеет быстренько научить меня секретам не-делания смерти? – подумал д'Артаньян, подходя к руинам. – Мне бы это очень пригодилось, потому что если сегодня к обеду я останусь в живых, то во мне будет торчать шпага-другая».

Дуэль

К руинам старой крепости д'Артаньян подходил не с самыми весёлыми мыслями. Светило солнце, по небу изредка проплывали облачка, подувал лёгкий ветерок. Д'Артаньян издалека увидел Атоса, сидящего на камне и любовавшегося солнечными бликами на клинке своей шпаги.

– Простите, если я опоздал, сударь, – сказал д'Артаньян. – Просто у меня нет часов, и мне пришлось спрашивать время на китайском рынке. Этот проклятый китаёза содрал с меня четыре экю!

– Так много? – удивился Атос.

– Так я у него ещё и дорогу спросил, – вздохнул д'Артаньян. – Теперь больше не буду заходить на китайский рынок.

– Что ж, вы почти не опоздали, молодой человек, – сказал Атос. – Тем более что мои секунданты тоже задерживаются. Понятия не имею, где их носит, но я думаю, у них есть веские причины для опоздания.

Как раз в этот момент из-за поворота дороги показались две фигуры, в одной из которой можно было с лёгкостью узнать Портоса, а, приглядевшись, во второй фигуре – Арамиса.

– А, вот и они! – довольно произнёс Атос. – Что ж, теперь ничто нам не помешает.

Портос и Арамис, подойдя к Атосу и д'Артаньяну, изумлённо вылупились на последнего.

– Атос, неужели ты дерёшься с этим господином? – изумлённо воскликнул Портос, надевший вместо плаща новую накидку.

– А что, нельзя? – спросил в свою очередь Атос.

– Но ведь я дерусь с ним именно здесь! – воскликнул Портос.

– Да, но в час дня, – заметил д'Артаньян.

– И я, между прочим, тоже дерусь здесь с этим господином, – вставил Арамис.

– Но только в два часа, – заметил д'Артаньян.

– Интересно, – Атос почесал в затылке. – Молодой человек, а где же ваши секунданты?

– А у меня их нет, – ответил д'Артаньян. – Я только вчера прибыл в Париж.

– Нормально, – пробормотал Атос. – Арамис, почему ты дерёшься с этим господином?

– Он испачкал мой парадный камзол, – ответил Арамис. – А ты, Атос?

– Он столкнул меня с лестницы, – ответил Атос. – Портос, что

у тебя?

– А я просто дерусь! – воскликнул Портос.

– Господину Портосу я порвал плащ, – ответил д'Артаньян.

– И это тоже, – кивнул Портос.

– Всё ясно, – сказал Атос. – Позвольте полюбопытствовать, молодой человек, а зачем вы вообще прибыли в Париж?

– Мне было предсказано, что я стану тридцать третьим мушкетёром, – ответил д'Артаньян.

Атос, Портос и Арамис охнули.

– Вы это серьёзно? – спросил Арамис.

– Совершенно серьёзно, господа, – ответил д'Артаньян. – И прежде чем мы начнём, мне хотелось бы принести вам всем извинения.

– Если вы хотите отделаться словесными… – начал было Портос, но д'Артаньян прервал его.

– Ни в коем случае, господа, у меня и в мыслях не было отказываться от дуэли, – сказал д'Артаньян. – Просто я почти уверен, что господин Атос справится со мной минут за пять, и несмотря на это, я хочу принести вам, господин Атос, глубочайшие извинения за то, что я толкнул вас. Право же, это было очень неразумно с моей стороны. Теперь вы, господин Портос. Если я каким-то чудом вообще останусь жив и буду иметь честь скрестить с вами шпаги, я думаю, вы тоже справитесь со мной довольно быстро, однако до вас очередь может и не дойти, если я буду убит господином Атосом, а этот факт почти не вызывает у меня сомнения. Тем не менее, я приношу вам свои глубочайшие извинения по поводу происшедшего инцидента. Вам же, господин Арамис, я могу сказать лишь то, что наверняка не доживу до поединка с вами, и с моей стороны было очень глупо пачкать ваш камзол и соглашаться на дуэль с вами, зная, что никак не смогу принять в ней участие. И позвольте принести вам извинения за порчу камзола. У меня совсем мало денег в кошельке, но после моей смерти можете забрать мой кошелёк и потратить все мои скудные сбережения на химчистку вашего камзола. Таково моё завещание. Блин, у меня ведь ещё имение осталось… Его тоже надо кому-то завещать, а времени об этом подумать нет… Ну да ладно, дальние родственники сами разберутся. Ну что ж, господа, начнём?

Д'Артаньян выхватил шпагу из ножен и сделал шаг вперёд. Мушкетёры зааплодировали.

– Браво! – сказал Атос. – Я восхищаюсь вами, молодой человек! Вы встречаете смерть как настоящий человек дзен! Поздравляю! Если бы нам всем повезло встретить смерть так же беззаботно, как встречаете её вы! Мне даже почти что жаль вас

убивать.

– Я принимаю ваши извинения по поводу моего плаща, – сказал Портос. – И всё же, если вы доживёте, я буду рад скрестить с вами шпаги.

– А я должен сказать, что я не такой мелочный, как вы думаете, – сказал Арамис. – Я принимаю ваши извинения, но мне вовсе не нужен ваш скудный запас мелочи. Что я вам, банкир-скряга? Я дворянин и хорошо понимаю, что с монетой у нашего сословия обычно плоховато. А камзол я уж как-нибудь вычищу и без вашей помощи. Ну что ж, если с формальностями покончено, давайте и в самом деле начнём, господа. Я прошу вас поторопиться, так как у меня сегодня вечером важное свидание с одной высокопоставленной особой.

– Погодите, но если этот молодой человек и в самом деле – будущий тридцать третий мушкетёр, то это ставит перед нами проблему, – заметил Атос. – Представляете, что сделает сенцей с тем, кто убьёт тридцать третьего мушкетёра? Мне бы не хотелось проверять это на себе.

– Да ладно, Атос, у нас кандидатов в тридцать третьего мушкетёра – пол-Франции! – воскликнул Портос. – Если жалеть каждого пройдоху, который…

– Погодите, молодой человек, кто вам предсказал, что вы станете тридцать третьим мушкетёром? – спросил Атос. – Цыганка?

– Нет, это было во время астрального путешествия, – ответил д'Артаньян. – Чёрный призрак в мушкетёрской форме…

Закончить д'Артаньян не успел – из-за поворота дороги показался отряд молящихся гвардейцев кардинала. Все они были одеты в чёрные рясы и распевали что-то мрачное.

– Глядите-ка, друзья, гвардейцы кардинала! – воскликнул Портос. – Это наш шанс отличиться в глазах сенцея!

– Но их пятнадцать человек, а нас трое, – возразил Арамис.

– Зато это была бы настоящая глупость, если бы мы ввязались в бой, – заметил Атос.

– Действительно, настоящая глупость, – кивнул Арамис. – Ты не помнишь, чем сейчас награждают за настоящие глупости?

– Не помню, – ответил Атос. – Но, уверен, что награждают за них щедро.

Между тем поющие гвардейцы кардинала подошли к мушкетёрам, и один из гвардейцев, видимо, главный, вышел чуть вперёд и начал бубнить:

– Доброе утро, господа мушкетёры, помилуй вас бог, безбожников, ибо будете вы жариться в преисподней, если не попросите прощения у всех бедных и угнетённых, не отдадите добровольно всё имущество господину кардиналу и не вступите в наши ряды. И всё же мы рады вас видеть! Но не для такого ли безбожного дела, как дуэль, вы собрались в этом уединённом месте? Как хорошо, что господь направил нас на эту тихую тропинку, ибо только мы сможем предотвратить ваше грехопадение и спасти ваши души от пламени ада и Гиены Огненной! Покайтесь же, неверные, неразумные рабы господа нашего, бросьте эти шпаги, отдайте добровольно всё ваше имущество господину кардиналу, вступите в наши ряды и обретите душевный покой…

– А если бы мы и собирались драться, вам-то что за дело? – спросил Портос. – Отойдите в сторонку и не мешайте, господа, а если вам противно на это смотреть, отвернитесь.

– Как верные рабы господа и слуги господина кардинала, мы не можем позволить твориться злу в мире и так или иначе, а нам придётся вас остановить, – сказал гвардеец кардинала, доставая шпагу. – Мы не можем позволить вам совершить такой тяжкий грех, как убийство, и мы будем вынуждены отправить вас на небеса, если вы не отступитесь и не отдадите добровольно всё ваше имущество господину кардиналу. Мы убьём вас, но будем денно и нощно, без перерыва, молиться за ваши души, дабы не попали они к Гиене Огненной, что живёт в тёмном царстве Саддама Бен-Ладена. Мы будем молиться, чтобы ваши грешные

души попали в светлое царство Блина Клинтона, и тогда, возможно, после тысячелетий, проведённых в сибирском чистилище, вы сможете, наконец, пробиться к светлому пути Арнольда Шварценеггера…

– И всё-таки, это глупость, – обратился Атос к Портосу. – Нас трое, а их пятнадцать. Не факт, что мы уцелеем, а опять бегать по Парижу с тремя шпагами в теле мне как-то не очень-то хочется.

– Но не можем же мы отступить! – воскликнул Портос.

– Верно, не можем, – сказал Арамис. – Тогда совершим эту глупость, господа. И не дай бог, если эти козлы станут за нас молиться. Так они могут любого придурка из нирваны вытащить!

– Это точно, – сказал Атос. – Тем более надо сражаться, авось, нашим братьям в нирване станет полегче, когда на этом свете поубавится число плакальщиков.

– Простите, господа, вы говорили, что вас трое, а мне кажется, что нас четверо, – сказал д'Артаньян. – Мы с ними справимся.

– Не лезьте в эти дела, молодой человек, пока душа ваша чиста и незапятнанна грехом, если не считать, конечно, что все мы грешны с момента рождения и даже до момента рождения, ибо непогрешим лишь Романский Поп и, конечно же, господин кардинал, которому вы отдадите всё своё имущество, дабы не жариться в царстве Саддама Бен-Ладена, ангела тьмы… – завёл свою бесконечную пластинку гвардеец кардинала.

– Вы же не мушкетёр, – обратился Арамис к д'Артаньяну, не обращая внимания на бормочущих мантры гвардейцев. – Вы ещё можете спокойно уйти, отказавшись от дуэли.

– Я мушкетёр, – ответил д'Артаньян. – Пусть я не ношу мушкетёрский плащ, но я буду его носить. А если не буду, то с радостью умру за возможность стать мушкетёром!

– Это поразительная глупость, я сразу понял, что вы наш человек! – с удовольствием воскликнул Атос, пожимая руку д'Артаньяну. – Могу я узнать ваше имя, о, храбрый кандидат в мушкетёры?

– Меня зовут д'Артаньян, сударь, – ответил д'Артаньян.

– Очень приятно, господин д'Артаньян, – сказал Атос.

– Мне тоже, – сказал Портос, пожимая руку д'Артаньяну.

– И мне, – сказал Арамис, тоже пожав д'Артаньяну руку.

– Ну что, господа, зададим жару этим раздолбаям в мантиях? – спросил Атос.

– Да!!! – хором ответили Портос, Арамис и д'Артаньян, вставая в боевые стойки.

– Тогда вперёд, – сказал Атос.

– Вперёд!!! – крикнули четверо мушкетёров и атаковали

пятнадцатерых гвардейцев.

Гвардейцы одним движением выхватили шпаги из ножен, и завязалась драка.

По самым простым подсчётам, которые попытался осуществить д'Артаньян, с детства не друживший с математикой, на каждого мушкетёра приходилось в среднем по четыре противника. До сих пор д'Артаньяну не приходилось сражаться со столькими противниками одновременно, просто потому, что в обеих его деревнях было только два человека, владеющих шпагой, причём одним из этих двоих был сам д'Артаньян. Однако наш герой был полон решимости научиться правилам боя с четырьмя противниками прямо по ходу боя. Отбив удары четырёх шпаг, он принялся наносить ответные удары, царапнул одного из гвардейцев, столкнул друг с другом двух других, увернулся от выпада четвёртого и снова начал отвечать на удары. Краем глаза наш герой подмечал, как же сражаются мушкетёры. А сражались они весьма занимательно.

Арамис сотворил трёх астральных двойников, и все двойники довольно успешно отбивали атаки гвардейцев. Портос прибегнул к телепортации и телепортировался с такой частотой, что в один момент даже столкнулся с самим собой. Таким образом он основательно запутал гвардейцев и успел проткнуть двоих. Теперь гвардейцев осталось тринадцать, это несколько уравнивало шансы.

Атос расправлялся со своими противниками весьма экзотическим способом, который в учебниках назывался «Взгляд Бельфегора». Отбив четыре выпада, проведя четыре атаки и расцарапав каждому из противников лицо, Атос на секунду остановился и заглянул в глаза того гвардейца, который оказался рядом. Обычно такое действие требовало времени, а времени-то как раз не было, поэтому Атос сыграл на эмоциональном состоянии гвардейца, то бишь, на его страхе. Заглянув в глаза противника, а глаза, как известно, зеркало души, Атос вытащил из самых глубин его души самый жуткий страх. Атос не знал, что увидел гвардеец, но только гвардеец этот в то же мгновение проткнул себя собственной же шпагой.

Атос отразил атаку новых гвардейцев. Всего противников осталось двенадцать, шансы всё более уравнивались. Астральные двойники Арамиса весьма успешно отвлекали посланников кардинала, так что сам Арамис успел серьёзно ранить по очереди троих. Хотя он никого не убил, ещё трое гвардейцев выбыли из игры. Осталось девять противников – в среднем, чуть меньше трёх на одного. Весы склонялись в сторону мушкетёров.

Против Д'Артаньяна сражались трое, но ему было сложнее,

чем другим, так как среди этих троих был предводитель отряда гвардейцев. Д'Артаньян вспоминал учебник Кастанеды по манипулированию точкой сборки. Самой простой процедурой был сдвиг вниз, однако д'Артаньян побаивался, что если он вдруг превратится в древнее чудище, это может обернуться плохими последствиями не только для гвардейцев, но и для мушкетёров. Поэтому д'Артаньян воспроизвел выстреливание тела сновидения.

«Так, – подумал д'Артаньян. – Сейчас надо срочно заснуть и при этом не пропустить ни одного удара. Как там учил Дон Жуан – сконцентрироваться на третьей чакре…»

Д'Артаньян, продолжая наносить и отбивать удары, кое-как станцевал танец Силы. Станцевал он не идеально, но всё равно сработало. Резкий порыв ветра заставил гвардейцев сбавить темп, и вдруг посреди поляны появился второй д'Артаньян – только голый и с жёлтыми глазами. Гвардейцы, даже не обратив внимания на глаза, вскрикнули от ужаса и, забыв о драке, закричали:

– Месье, как вам не стыдно! Немедленно прикройтесь!

Предводитель гвардейцев даже попытался снять плащ, чтобы прикрыть другого, но в этот момент д'Артаньян перешёл из своего тела сновидения в физическое тело, обошёл гвардейцев сзади и хорошенько врезал каждому из них по затылку эфесом шпаги. Затем он снова вернулся в тело сновидения и подумал о том, что хорошо было бы подумать, как вернуть всё на круги своя.

«Проснуться надо! – вспомнил д'Артаньян. – Ну что ж, попробуем!»

Снова перейдя в физическое тело, д'Артаньян подумал о том, чего бы такого сделать, чтобы проснуться. Сначала он ущипнул себя за ухо, а когда понял, что это не помогло, легонько кольнул себя кончиком шпаги в бедро. Не рассчитав силы (спал, как-никак), д'Артаньян кольнул себя довольно-таки сильно и заорал от боли. Очнулся он уже сидя на земле. Другой исчез.

Атос, Портос и Арамис добивали оставшихся шестерых гвардейцев. Атос показал одному из своих противников образ Саддама Бен-Ладена, вызванный из подсознания самого же противника. Несчастный гвардеец со страху обмочился и упал в обморок. Второй противник Атоса, увидев, что случилось с первым, драпанул с поля битвы во все лопатки. Портос, продолжая телепортироваться, исцарапал своих двух гвардейцев до такой степени, что они начали напоминать тыквы для Хэллоуина. Естественно, оба сбежали. Портос по инерции продолжал телепортироваться с невероятной скоростью, но всё же остановился, налетев на дерево.

Арамису надоело строить астральных двойников, поэтому он выпустил луч из третьего глаза, направив его сначала в третий глаз первого противника, а потом – в третий глаз второго. Подавив их волю и завладев вниманием, Арамис показал гвардейцам астральную собачку. Не очень большую – метров пять в высоту, метров десять в длину, с острыми-острыми зубками. Собачка была весьма дружелюбной, и только-только она собралась дружески обнюхать гвардейцев, как оба они драпанули, обогнав по пути своего товарища, убегавшего от Атоса. Арамис свернул проекции своих астральных двойников, свернул и собачку, которая весьма и весьма обиделась на такое обращение. Поняв, что с отрядом гвардейцев покончено, мушкетёры стали подводить итоги битвы.

Энное количество гвардейцев по-прежнему валялось на земле с повреждениями разной степени. Д'Артаньян сидел на траве и перевязывал своё бедро остатками последнего носового платка. Портос, сидя под деревом, потирал свежеприобретённую шишку на лбу. Атос с Арамисом не получили ни царапины, но весьма и весьма выдохлись. У Атоса, к тому же, разболелись старые раны. Все девяносто шесть.

– Что с вами, молодой человек? – спросил Арамис у д'Артаньяна. – Неужели один из этих вас достал?

– Да нет, это я кольнул себя в бедро, чтобы проснуться, – ответил д'Артаньян. – Я в тело сновидения входил.

– Да-да, месье д'Артаньян, я видел, как вы здорово прищучили этих гадов! – воскликнул Атос. – Когда они увидели другого, да ещё голого, они так обалдели! Мне было так смешно, что я чуть пару выпадов не пропустил. Признаюсь честно, молодой человек, даже я не сделал бы лучше.

– А я, кажется, перестарался, – вздохнул Портос, вставая. – Надо будет попросить сенцея ещё раз показать мне правильную скорость телепортации при сражении с большим числом противников.

– Ну что, господа, как же наша дуэль? – спросил д'Артаньян.

– Я не буду с вами драться, – Атос махнул рукой. – Вы ведь помогли нам. Кроме того, наше с вами путешествие вниз головой по лестнице поспособствовало моему выздоровлению. Полагаю, я должен вас поблагодарить.

– Не стоит, – махнул рукой д'Артаньян.

– Я тоже не буду с вами драться, – сказал Портос. – В конце концов, моя прогулка по городу с надписью «Made in China» на спине очень даже помогла мне избавиться от чувства собственной важности.

– Так это была китайская перевязь! – рассмеялся Арамис. –

Теперь охотно верю, что ты купил её на свои деньги.

– Забудем об этом, – прорычал Портос. – Надо мной и так смеялось полгорода. Мне это очень помогло, но всё же не будем это вспоминать.

– Хорошо, не будем, – согласился Арамис. – Господин д'Артаньян, я тоже отказываюсь от дуэли с вами. Просто потому, что вы – хороший парень! А камзол мне как-нибудь отстирают.

– Слушайте-ка, давайте свалим отсюда, пока господа гвардейцы не вернулись с подмогой, – предложил Портос. – А то ведь часть этих лежачих болванов тоже скоро очухается. Мне как-то не хочется ещё раз с ними драться.

– Точно, господа! – сказал Атос. – Давайте отправимся прямо к сенцею Нильсену и сами расскажем ему обо всём, что сегодня случилось.

– Да, я ведь у него забыл грамоту взять. Ну, чтобы меня в полк какой-то приняли, – спохватился д'Артаньян. – Я, как увидел из окна этого ворюгу, который спёр у меня письмо, так сразу и кинулся его догонять. Даже, кажется, разбил что-то в кабинете месье Нильсена.

– Забудьте об этом. Месье Нильсен будет так доволен нашей сегодняшней глупостью, что наверняка простит вам всё, что бы вы у него не разбили, – сказал Арамис. – Если вы, конечно, не расколотили его любимую Афродиту. Впрочем, это маловероятно – сенцей ещё полгода назад запрятал её в шкаф и уверял нас, что разбить её сможет только тридцать третий мушкетёр.

– Ой! – воскликнул д'Артаньян.

– Что, бедро болит? – спросил Портос.

– Да нет, с бедром-то всё как раз в порядке, – ответил д'Артаньян. – Только, по-моему, как раз Афродиту я и расколотил, когда шкаф с входной дверью перепутал.

Три мушкетёра дружно заржали. Д'Артаньяну поначалу было не до смеха – он прикидывал, что с ним сделает Лесли Нильсен за потерю рекомендательного письма и разбитую Афродиту. Но, в конце концов, внутренний дзен-буддист в д'Артаньяне победил, и он тоже расхохотался.

В таком, прямо скажем, приподнятом настроении наши три с половиной мушкетёра завалились в кабинет Лесли Нильсена, который всё ещё оплакивал свою Афродиту. Правда, её уже склеивал лорд Дюмон. Клеил он китайским супер-клеем, купленным на рынке – лорд Дюмон перепутал качественный японский клей, сделанный из чистых слёз, пролитых японскими девственницами на восточном склоне западного пика горы Фудзияма, с китайским супер-клеем, который производили, разбавляя японский супер-клей всем, что под руку подвернётся.

Дорогадомой

Мушкетёры рассказывали Лесли Нильсену о своих приключениях до поздней ночи, и это несколько помогло ему выйти из ступора, в котором наш сенцей пребывал после потери Афродиты. К тому же, Лесли Нильсен настолько увлёкся рассказом мушкетёров, что приказал подать обед прямо в кабинет, что оказалось весьма кстати и помогло мушкетёрам утолить голод.

Уже ближе к ночи, когда д'Артаньян изрядно выпил и стал расписывать совершенные за день подвиги – особенно поимку такси и потерю письма, на стене кабинета Лесли Нильсена зазвенел колокольчик.

– Тихо! – негромко скомандовал Лесли Нильсен, и все затихли, – даже пьяный д'Артаньян.

– Что это? – спросил д'Артаньян, икнув.

– Король вызывает на телепатическую связь! – прошептал Лесли Нильсен. – Господа, я попрошу вас удалиться. Жак, принеси зеркало, потуши жёлтые свечи, зажги парочку красных.

– А вы расскажете Королю о наших подвигах? – спросил д'Артаньян.

– Обязательно, – ответил Лесли Нильсен. – Кстати, д'Артаньян, вот ваша грамота, заберите её. Сегодня я расскажу про вас Королю. Вы придёте ко мне завтра, и мы все вместе подумаем, что теперь с вами делать.

– Спасибо, сенцей! – воскликнул пьяный д'Артаньян. – Можно, я вас поцелую?

– Пошли, д'Артаньян, тебе уже хватит, – сказал Портос, вытаскивая д'Артаньяна из-за стола. – Атос, проследи за ним, ты же никогда не пьянеешь.

– Никогда, – грустно вздохнул Атос. – Давай сюда д'Артаньяна. Пошли, бухарский эмир.

– Кто я? – спросил д'Артаньян.

– Утром проспишься и узнаешь, – сказал Атос. – Пошли-пошли.

Мушкетёры удалились, а Лесли Нильсен, заперев кабинет, уселся перед зеркалом, поставив рядом две красные свечи, и приготовился ответить на телепатический вызов просветлённого Короля-Солнце.

***

Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян между тем вывалились из особняка Лесли Нильсена на крыльцо, и д'Артаньян снова прокатился по лестнице, – правда, на этот раз без Атоса.

– Как же мы его домой-то доставим? – спросил Портос. – Даже если д'Артаньян вдруг случайно вспомнит, где он живёт, мы его вряд ли дотащим на место без приключений.

– Сейчас попробую вызвать карету, – сказал Атос. Он сформировал намерение и выбросил его во Вселенную.

На площадь въехала карета и остановилась перед четырьмя пьяными мушкетёрами.

– Кучер, подвезёшь? – спросил Атос.

– Подвезу, – ответил кучер. – Я как раз отработал смену у своего графа и решил немножко подработать на частном извозе. Не волнуйтесь, господа, всех вас развезу.

– Нас же и так развезло! – воскликнул д'Артаньян. – Куда уж дальше-то?

– Хорошо, – сказал Атос. – Ну, я-то домой и пешком дойду. Живу я в двух шагах отсюда, да и потом, я никогда не пьянею. Господа, вам куда-нибудь надо?

– Я не поеду, – сказал Арамис. – Я сегодня собирался по бабам походить.

– Я с тобой, – сказал Портос. – Ладно, Атос, сажай этого клоуна в карету.

Три мушкетёра запихали д'Артаньяна в карету. Тот пытался сопротивляться и распевал что-то, отдалённо похожее на мантру «Ом мани падме хум», стилизованную под народные песенки.

Погрузив пьяного д'Артаньяна в карету, мушкетёры разошлись в разные стороны. Кучер, тряся д'Артаньяна за плечо, спросил:

– Куда ехать, господин?

Д'Артаньян, не соображая спьяну, где он находится, вспомнил одну из своих прошлых жизней и на рефлексе ответил:

– Третья улица Строителей, дом двадцать пять, квартира двенадцать, четвёртый этаж!

Вспомнил он это, видимо, по той причине, что и в той жизни вместе с ним пили три мушкетёра, только запихали они его тогда не в карету, а в самолёт.

– Чего-то я не знаю такого адреса, – почесал в затылке кучер. – Четвёртый этаж? А что, неплохая идея, надо будет потолковать со знакомым архитектором… Да, любезный… а ехать-то куда?

Д'Артаньян, снова икнув, мысленно вернулся в Париж и даже почти сообразил, чего от него хотят.

– В дом Бонасье! – приказал д'Артаньян, начисто позабыв

точный адрес.

– Так бы сразу и говорили, что вы – новый квартирант Бонасье, – вздохнул кучер, берясь за поводья. – А то всё какой-то четвёртый этаж, четвёртый этаж… Нету в Париже нигде столько этажей.

Поездка в карете, должно быть, была весьма приятной, – её можно было бы сравнить с поездкой в лимузине. Но д'Артаньян в силу выше обозначенных обстоятельств совершенно не замечал царящей вокруг роскоши.

Вскоре карета довезла его до пункта назначения. Кучер спрыгнул на землю и с криком: «Приехали, месье!» открыл дверцу кареты. Д'Артаньян, который спал, опершись на эту дверцу, вывалился из кареты на мостовую.

– Да, месье, изрядно вас развезло, – пробормотал кучер. – С вас два золотых, месье!

– А? – спросил д'Артаньян, не поднимаясь с мостовой.

– Два золотых с вас, говорю! – повторил кучер, наклонившись. – За проезд!

– А-г-га! – икнул д'Артаньян, нашарил на поясе кошелёк и протянул кучеру.

Кучер высыпал на ладонь содержимое кошелька.

– Ох уж мне эти бедные дворяне, – пробормотал он, пересчитывая мелочь. – Хорошо, хоть на проезд оставил. А кошелёк-то у него большой! Небось всё целиком пропил, судя по внешнему виду. Ладно, не оставлять же его на дороге валяться.

Пересыпав мелочь в свой кошелёк и вернув пустой кошелёк д'Артаньяну, кучер постучал в дверь дома Бонасье.

– Кто там? – донёсся из-за двери женский голос.

– Это кучер, – ответил кучер. – Квартиранта вашего привёз.

– А что ж он сам не постучит? – спросил голос.

– Да он не может, – вздохнул кучер. – Их светлость притомились слегка.

– Минутку, сейчас открою, – сказал голос, после чего дверь открылась, и из неё выглянула жена месье Бонасье со свечой в руке.

– А где ж ваш муж? – спросил кучер. – Спит, что ли?

– Как бы не так, – ответила мадам Бонасье. – Опять у контрабандистов, сделку какую-то проворачивает. Вы, если ночью его встретите, скажите, чтоб домой шёл, а то всё об одних деньгах думает, о жене подумать некогда. Что это у вас тут валяется?

– Да это постоялец ваш новый, – ответил кучер. – Куда его затащить?

– У него комната на втором этаже, – ответила мадам Бонасье. – Берите его, я дорогу покажу.

– Сейчас, лошадей только на сигнализацию поставлю, – сказал кучер, ставя капкан рядом с поводьями. – Вот так, отлично. Доставим сейчас вашего голубчика.

С этими словами кучер подхватил д'Артаньяна и дотащил его до комнаты на втором этаже, где свалил свою ношу на кровать.

– Спасибо вам большое, месье, – сказала мадам Бонасье. – Вам, наверное, чаевые полагаются за донос клиента до постели?

– Благодарю вас, мадам, всё оплачено! – сказал кучер. – Я поеду, пока клиенты не разбежались.

– Ну, хоть кусок пирога возьмите, – предложила мадам Бонасье, доставая из буфета выпечку. – Сегодня в соседнем трактире испекли, особая начинка – кусочки жареной утки пополам со свежими яблоками, вкуснятина! Свежий ещё, а до утра засохнуть может.

– Спасибо большое, мадам, это ж лучший пирог во всём Париже! – сказал кучер, взяв кусок пирога. – Я человек честный, сверх меры с клиентов не беру, но от пирога не откажусь. Знаете, когда ночью разъезжаю по вызовам, всегда так есть хочется. А разъезжаю долго – пока всех пьяниц из трактиров по домам развезу… В общем, когда до трёх ночи, а когда и до четырёх утра… Спасибо вам, мадам!

С этими словами кучер вышел на улицу, осторожно отключил сигнализацию, взобрался на свою карету и поехал к ближайшему трактиру, из которого доносились пьяные вопли.

Какд'Артаньянпознакомилсясчайником

Д'Артаньян, лёжа на кровати, почувствовал, как кто-то ласково гладит его по щеке. От удовольствия он что-то простонал и открыл глаза. Перед собой он увидел мадам Констанс Бонасье со свечой в руке, которая осматривала своего молодого постояльца, пытаясь понять, то ли он просто пьяный, то ли он ещё вдобавок ранен и надо послать за доктором. На бедре у д'Артаньяна обнаружилась рана, но слуга Лесли Нильсена ещё вечером очень грамотно перевязал эту пустяковую царапину, так что беспокоиться не следовало.

– И пил, и дрался, – вздохнула мадам Бонасье, гладя д'Артаньяна по щеке. – И зачем всё это надо такому симпатичному молодому человеку? Допился ведь до скотского состояния! Что ты хоть пил-то, чувак?

В этот момент д'Артаньян приоткрыл глаза и увидел лицо мадам Бонасье. Он испытал примерно то же чувство, что и Джон Дебри, впервые увидевший мисс Джулианну Вракер. Сходство между этими двумя придурками ещё более усиливалось оттого, что Джон Дебри, впервые увидев мисс Вракер, был до такой же степени пьян, как и д'Артаньян, впервые увидевший мадам Бонасье. А разница была в том, что Джон Дебри принял мисс Вракер за рекламу бутика, а д'Артаньян принял мадам Бонасье за ангела. Ну, это уж, как известно – каждый фантазирует в меру своих способностей. И в меру выпитого!

– Вы ангел? – спросил д'Артаньян, увидев мадам Бонасье. – Я что, уже в Валхалле?

– Никакой я не ангел, – рассмеялась мадам Бонасье, покраснев от неожиданного комплимента. – И в Валхалле ты будешь ещё очень и очень нескоро.

Д'Артаньян хотел ещё что-то сказать, но вырубился. Так он проспал почти до утра, а проснулся наш герой от мучившей его жажды.

Жажда мучила д'Артаньяна так сильно, что он даже нашёл в себе силы подняться с кровати. На ногах стоялось не очень хорошо. Выглянув в окно, д'Артаньян понял, что приближается утро. Внизу по улице шёл одинокий путник, и д'Артаньян поспешил использовать по назначению свой ночной горшок, дабы отомстить Вселенной за некоторые обстоятельства, сопровождавшие его приезд в Париж. Одинокий путник внизу разразился матерной тирадой, а д'Артаньян поспешил закрыть окно. Теперь надо было придумать, как утолить жажду. Естественно, в комнате д'Артаньяна не было никаких напитков,

поэтому он спустился на первый этаж и принялся шарить в буфете. На шум из своей комнаты выбежала мадам Бонасье.

– Не шумите так, мой муж только что вернулся и сейчас спит! – шепнула она д'Артаньяну. – Ну, что вам ещё надо?

– В горле пересохло! – прошептал в ответ д'Артаньян. – Трубы горят! У вас водичка есть? А то я, кажется, сейчас икать начну. Точно, уже ик-каю, – добавил д'Артаньян, икнув.

– Вот, возьмите чайник, – сказала мадам Бонасье, подавая ему чайник.

– Что это? – спросил д'Артаньян.

– А? Да, это новое изобретение какого-то немца. Вош его зовут, кажется, – ответила мадам Бонасье.

– Это «Вош»? – спросил д'Артаньян, поглядев на чайник.

– Да нет, Вош – это фамилия изобретателя, а штуковина эта называется чайник, – объяснила мадам Бонасье. – Швед один, Электролюкс обещал вдобавок к чайнику ещё газовую плиту изобрести. Понятия не имею, зачем эта штуковина нужна, но говорят, полезная. Да что вы делаете, не так! Из носика пейте, из носика!

– Что этот Вош, геем, что ли, был? – пробормотал д'Артаньян, разобравшись, где у чайника носик.

– Что вы за пошлости говорите? – спросила мадам Бонасье. – Вечно вас, мужиков, на извращения тянет. Проклятье на этого маркиза де Сада…

Мадам Бонасье ещё долго что-то говорила. Д'Артаньян не отвечал, потому что пил. Когда чайник опустел, д'Артаньян оторвался от его носика и облегчённо вздохнул.

– Поразительно, что вы целых пять минут меня не перебивали! – шепнула ему мадам Бонасье. – Обычно мужики и слова не дадут вставить!

– Благодарю вас за чайник, мадам, – сказал д'Артаньян и… тут в нём весьма некстати проснулся основной инстинкт. – Скажите, а почему такая красивая девушка, как вы, вышла замуж за такого урода как этот… – д'Артаньян кивнул в сторону спальни месье Бонасье и начал тискать полуодетую хозяйку.

– Сам ты… – одёрнула его мадам Бонасье, выворачиваясь из объятий д'Артаньяна. – Нет, ну, ты, конечно, не урод, но замашки-то свои брось! Я ведь тоже могу за себя постоять, – кочергой, например, – мадам Бонасье схватилась за кочергу. – Да и молодой ты слишком, глупый. Зачем вот сегодня напился? Иди проспись сначала, а уж потом приставай. Знаю я вас, молодых: у нас в прошлом году два студента жили – так их каждый вечер домой… приносили. Вот так же, как тебя вчера принесли. Спокойной ночи, парень! В спальню пойду, пока муж не проснулся.

– Ну, скажите хоть, как вас зовут! – попросил д'Артаньян. – Иначе я не засну.

– Констанс, – ответила мадам Бонасье. – Констанс Бонасье. А вы?

– А я д'Артаньян, – ответил д'Артаньян. – Жак д'Артаньян. Приятно познакомиться!

– Спокойной ночи, – сказала мадам Бонасье и исчезла за дверью.

А д'Артаньян волей-неволей потопал к себе наверх. Снились ему очень эротические сны.

Через пару часов непривычный к порнухе д'Артаньян проснулся. Проснувшись, он даже вспомнил, что ему надо с утра пораньше прийти к Лесли Нильсену. Желание стать мушкетёром было сильнее основного инстинкта, поэтому д'Артаньян кое-как оделся, напялил шляпу, пожалев, что ещё не изобрели солнечные очки, и отправился в особняк Лесли Нильсена пешком, потому что… деньги кончились. Кроме всего прочего д'Артаньяну хотелось есть, причём сильно. Он понадеялся, что если ему удастся заболтать Лесли Нильсена до обеда, почтенный сенцей пригласит его к столу. Однако, на голодный желудок болтать долго было трудно.

Королевскаяаудиенция

По знакомой ему мраморной лестнице д'Артаньян поднимался не без опасений – лестница перед глазами слегка покачивалась. Тем не менее, он удачно добрался до самого верха, не оступившись. По пути д'Артаньяна посетил глюк о том, что вся человеческая жизнь – нечто вроде этой лестницы, по которой можно подняться на самый верх, а можно и запросто скатиться вниз. Если делать всё правильно – с чувством, с толком, с расстановкой, то до верха можно добраться без особых проблем. А если оступиться, тогда… Тогда человека ждёт увлекательное путешествие вверх тормашками. Или, может, правильнее сказать, «вниз тормашками»? Для этого надо сначала выяснить, где у человека тормашки. Об этом д'Артаньян подумал уже на самом верху. А потом он подумал, что раз уж благополучно добрался до самого верха лестницы, то незачем думать о том, что оставил позади, тем более, о всяких там тормашках.

Вход в особняк Лесли Нильсена сегодня охраняли другие мушкетёры – не Картуш с Фанфан-Тюльпаном. Тем не менее, они радостно поприветствовали д'Артаньяна, поскольку были наслышаны о его вчерашних подвигах. В том числе и о том, сколько он выпил вина.

– Доброе утро, господа, – произнёс д'Артаньян. – Меня ждёт месье Нильсен.

– Это точно, ждёт, – ответил один из мушкетёров. – И не только он.

– А ещё кто? – удивился д'Артаньян.

– Там узнаете, – ответил второй мушкетёр. – Лучше идите, сенцей ждать не любит.

– Да я уж и так тороплюсь изо всех сил, – сказал д'Артаньян и поспешил войти в кабинет.

В кабинете уже собрались Лесли Нильсен, Атос, Портос и Арамис. Все были с похмелья, кроме Атоса, который никогда не пьянел.

– Доброе утро, сенцей, доброе утро, господа! – поприветствовал их д'Артаньян. – Какие новости?

– Великолепные! – ответил Лесли Нильсен, – Присаживайтесь, д'Артаньян, только я вас умоляю, не садитесь на Афродиту! Да-да, вот туда, в кресло. Так вот, господа мушкетёры, вчера Его Просветлейшество, просветлённый Король-Солнце, изволил спросить меня о ваших подвигах, ибо господин кардинал уже успел нажаловаться ему на проделки мушкетёров. Я подробнейшим образом рассказал, как было дело, и выставил вас

в самом наилучшем свете. Ведь, как вы сами рассказывали, гвардейцы напали на вас первыми.

– Именно так, сенцей, именно так, – подтвердил Атос, самый трезво мыслящий из присутствующих.

– Так вот, после беседы со мной Его Просветлейшество пожелал получить информацию из первых рук, – продолжил Лесли Нильсен. – И попросил меня привести к нему вас, всех четверых, сегодня после завтрака.

– После завтрака? – обрадовался д'Артаньян. – А когда завтрак? Понимаете, сенцей, я просто сегодня ещё не успел позавтракать…

– Д'Артаньян, как вы можете думать о еде, когда вас желает видеть Король? – спросил Арамис.

– Ну, мне-то Король никогда о еде думать не мешал! – поддержал д'Артаньяна Портос.

– Ты – другое дело, Портос, – заметил Арамис. – Я думаю, от мыслей о еде тебя могут отвлечь только мысли о женщинах.

– Не всегда, – сказал Портос. – Я предпочитаю думать о еде и женщинах одновременно. Это самые приятные мысли из всех, что меня посещают.

– Да, и когда же завтрак? – спросил д'Артаньян.

– Его Просветлейшество закончит завтрак через полчаса, – ответил Лесли Нильсен. – Мы с вами как раз успеем дойти до дворца, если выйдем прямо сейчас. И не волнуйтесь, д'Артаньян, встреча с просветлённым Королём важнее еды.

– Я-то понимаю, – сказал д'Артаньян. – Вот если бы это ещё понял мой желудок…

– Контроль над своим телом – важная практика для дзен-буддиста, – сказал Лесли Нильсен, вставая из-за стола. – К несчастью, в этой практике мои мушкетёры не слишком сильны. Впрочем, и перебарщивать с контролем над телом тоже не надо. Вот, съешьте по дороге, – и сенцей протянул д'Артаньяну яблоко.

– Спасибо, – сказал д'Артаньян, с удовольствием впившись зубами в яблоко.

– Ну что ж, господа, не будем терять времени, – сказал Лесли Нильсен. – Пойдёмте во дворец.

– Поспешим, – сказал Атос. – Лучше будет, если Его Просветлейшество заставит нас ждать, нежели мы заставим ждать Его Просветлейшество.

– Хорошо сказано, Атос, вам следовало бы стать оратором! – воскликнул Лесли Нильсен. – Однако истинный человек дзен понимает, что наилучший вариант – это не ждать вообще, а делать всё вовремя. Так придём же вовремя, господа!

– Отличная мысль! – сказал д'Артаньян, дожевывая яблочный

огрызок.

***

Пять человек вышли из особняка Лесли Нильсена и направились к королевскому дворцу по утренним парижским улицам. Все, кроме д'Артаньяна, были одеты в мушкетёрскую форму – чёрные шляпы, накидки и полумаски. Маску надел даже Лесли Нильсен, чтобы его случайно кто-нибудь не узнал.

По правилам, установленным Королём и сэром Эльдорадо, каждый мушкетёр сначала должен был получить маску, чтобы забыть своё лицо, а затем должен был придумать себе прозвище и отзываться только на него, чтобы полностью забыть своё имя. Некоторые из мушкетёров забывали своё имя ещё до прихода в мушкетёры, например, Картуш и Фанфан-Тюльпан. Некоторые брали себе прозвище, уже вступив в мушкетёрский полк, как, например, Атос, Портос и Арамис. С Лесли Нильсеном был особый случай, ибо он вспомнил имя своей подлинной сущности, но, по правилам, никому его не сказал, и взял себе одно из имён своих двойников в параллельных мирах.

Короче говоря, вся эта компания подошла к королевскому дворцу, и естественно, на воротах их остановили стражники.

– Доброе утро, господа мушкетёры, – сказал стражник. – По какому делу вы сюда явились?

– Доброе утро! Я Лесли Нильсен, сенцей королевских мушкетёров, – сказал Лесли Нильсен, доставая из кармана орден и показывая его стражнику. – Его Просветлейшество велел мне привести этих четверых месье к нему после завтрака.

– Здравствуйте, месье Нильсен. Извините, не признал вас в форме, – сказал стражник, открывая ворота. – Конечно, для вас дворец открыт в любое время суток.

– Это приятно, – пробормотал Лесли Нильсен. – Обязательно надо будет как-нибудь этим воспользоваться.

Все пятеро прошли через ворота и направились во дворец, где их также беспрепятственно пропустили. Слуга провёл мушкетёров в одну из гостиных, где Король собирался принять их.

Лесли Нильсен и мушкетёры даже не успели усесться на диванчики, как в гостиную вошёл Король, и им пришлось срочно вставать. Ну что ж, по крайней мере, они пришли как раз вовремя. Король был одет в парадный костюм модели «чудо в перьях» и во время разговора постоянно перекидывал из руки в руку изящную трость с позолоченной ручкой.

– А, месье Нильсен, рад вас видеть! – воскликнул Король,

подходя к Лесли Нильсену. – Знаете, я был так счастлив, когда кардинал жаловался мне на ваших мушкетёров! Наконец-то они себя проявили, а то я уже не мог смотреть на довольную кардинальскую физиономию, который всё время заливает мне про какую-то веротерпимость. Мы и так проявляем терпимость, позволив ему привлечь на свою сторону чуть ли не половину государства. К счастью, далеко не самую лучшую половину. Лучшая половина – она всегда здесь, со мной! А эти господа – это и есть те самые храбрые мушкетёры, которые вчетвером разделались с двумя десятками гвардейцев кардинала? Поздравляю, господа, поздравляю! Вы знаете, когда кардинал мне на вас жаловался, я так смеялся, что пришлось притвориться, будто я плачу – этому трюку я научился у Кастанеды. Ну что ж, господа, расскажите же мне, что произошло! Меня сильно интересуют подробности.

– Да что там рассказывать, Ваше Просветлейшество, – произнёс Атос с поклоном. – Мы собирались устроить пикник на свежем воздухе, как вдруг появились эти шуты в рясах и заявили, что убьют нас, дабы спасти наши души. Само собой, нам пришлось защищаться.

– И вы так успешно защищались, что перебили намертво половину их отряда? – с насмешкой спросил Король.

– Как известно Вашему величеству, лучшая защита – нападение, – сказал Арамис, тоже поклонившись. – Поэтому нам пришлось нападать, чтобы защититься.

– Верно, верно, – с усмешкой подхватил Король. – Лучшая защита – нападение, следовательно, лучшее нападение – защита. И всё в мире относительно, всё переходит одно в другое, и нет двух вещей, между которыми было бы хоть какое-то отличие… Помните, господа, загадку про ворону и письменный стол?

– Конечно, Ваше Величество, – сказал д'Артаньян, поклонившись до земли. – Между любыми двумя вещами во Вселенной нет абсолютно никакой разницы, следовательно, нет никакой разницы между пуганой вороной и письменным столом.

– Что-то я вас раньше не видел, молодой человек, – сказал Король. – Хотя, возможно, я вас не узнал из-за того, что ваше лицо почти соприкасается с паркетом?

Д'Артаньян, не поняв шутки, поклонился ещё ниже. Король рассмеялся, а с ним рассмеялись и все остальные.

– Да перестаньте же вы кланяться! – воскликнул Король. – Что я, поднимать вас буду? Встаньте, молодой человек, встаньте. Действительно, лицо ваше мне не знакомо. Нильсен, кто этот человек?

– Это господин д'Артаньян, дворянин из Марселя, – ответил

Лесли Нильсен. – Прибыл в Париж, дабы поступить на королевскую службу. Владеет сталкингом и сновидением. Я решил отправить его в особый полк практикующих магов.

– Действительно, господин д'Артаньян, там вам самое место, – сказал Король. – Помню-помню, кардинал и про вас что-то говорил. Вы ведь тот самый молодой человек, который заморочил предводителя отряда гвардейцев, вызвав другого?

– Было дело, Ваше Просветлейшество, – кивнул д'Артаньян. – Я знал, что не смогу справиться в одиночку с тремя гвардейцами, поэтому решил, что было бы неплохо их отвлечь.

– И вы прекрасно с ними справились! – заключил Король. – Что ж, господа, позвольте мне поздравить и поблагодарить вас за вчерашнюю победу над гвардейцами. Всё же надо иногда ставить кардинала и его людей на место. Мы, конечно, не варвары и уважаем свободу воли и свободу выбора каждого человека, даже тех, кто ошибочно вступил на путь кардинала. Но мы должны постоянно показывать, что мы сильнее и лучше, что мы более развиты духовно и более продвинуты в практических вопросах, верно, господа? Одним словом, мы должны выдерживать конкуренцию, не так ли?

– И питаться мы должны лучше! – вставил д'Артаньян.

– Полностью согласен! – согласился Портос.

– Я понимаю вас, господа, вас следует наградить, и я об этом уже позаботился, – сказал Король, доставая из кармана мешок с золотом. – Здесь сорок пистолей, господа. Пусть это будет вашей наградой. И прошу вас – используйте эти деньги, чтобы и дальше совершать глупости вроде вчерашней. Нет, я не имею в виду, что вы должны перебить всех гвардейцев кардинала, хотя… мысль, в принципе, неплохая. Одним словом, веселитесь господа, и не забудьте выпить за меня!

С этими словами Король вручил мешок Атосу, который, в свою очередь, сказал:

– Обязательно, Ваше Просветлейшество!

– Я думаю, господа мушкетёры хотят отдохнуть после вчерашней стычки, – вмешался Лесли Нильсен. – Да и мне хотелось бы сказать вам несколько слов наедине, Ваше Просветлейшество. Господа мушкетёры, не могли бы вы подождать меня на улице, если, конечно, Ваше Просветлейшество не нуждается в услугах этих господ?

– Можете идти, господа мушкетёры, и вы, господин д'Артаньян, – сказал Король. – Ну, и о чём вы хотели со мной поговорить, Нильсен? Что-нибудь случилось за последнее время?

– О, да, Ваше Величество, – сказал Лесли Нильсен. – Может быть, мы с вами присядем, ибо новости у меня столь важные, что

я не решился говорить об этом даже по телепатической связи, хоть она и сверхнадёжна. Всё же, мало ли что.

– Давайте присядем, Нильсен, – сказал Король, подходя к двум креслам, стоявшим возле открытого окна, выходившего в сад. – Вот здесь, у окна. Можете не беспокоиться, мои окна не имеют привычки подслушивать.

Ещёодинразговоропророчествах

Усевшись в кресла, Король и Лесли Нильсен устремили свои взоры в распахнутое окно. Чудесный королевский сад дышал миром и спокойствием. Был месяц май. Зелёная трава и листья деревьев излучали приятный изумрудный свет. Отовсюду доносилось пение птиц.

– Красота! – с удовольствием протянул Король. – Знаете, Нильсен, каждый раз, когда гуляю в этом саду или просто смотрю на него с балкона, чувствую такое умиротворение. Прекрасно, не правда ли?

– Великолепный сад, Ваше Просветлейшество, – согласился Лесли Нильсен. – Я чувствую себя здесь как в нирване.

– Это верно, – кивнул Король. – Так что же вы хотели мне сказать? Говорите же.

– Речь пойдёт о господине д'Артаньяне, которого вы изволили видеть сегодня, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен.

– И что с этим д'Артаньяном? – спросил Король.

– Дело в том, что он утверждает, будто ему было видение с участием сэра Эльдорадо, – ответил Лесли Нильсен. – Также д'Артаньян утверждает, будто в видении сэр Эльдорадо сказал ему, что он, д'Артаньян, и есть тот самый тридцать третий мушкетёр, которого мы все уже долгое время ищем.

Король некоторое время молчал, переваривая информацию. На лице Короля-Солнце застыло сначала удивлённое выражение, которое постепенно сменилось озадаченным.

– А есть какие-нибудь подтверждения? – спросил Король. – Что говорит лорд Дюмон?

– Как всегда, ничего вразумительного, – ответил Лесли Нильсен. – Но, как вы знаете, Дюмон составил пророчество о том, как проявит себя тридцать третий мушкетёр.

– И что? – спросил Король.

– Этот самый д'Артаньян разбил мою Афродиту, – ответил Лесли Нильсен, скорчив жалобную физиономию. – Кой чёрт угораздил Дюмона написать это пророчество?

– Ну, не волнуйся, Афродиту твою как-нибудь отреставрируем, – усмехнулся Король.

– Не стоит беспокойства, Ваше Просветлейшество! Дюмон её уже склеивает китайским супер-клеем, – сказал Лесли Нильсен.

– Ну, хорошо. Афродиту твою д'Артаньян разбил, но это ещё может ничего не значить, раз она у тебя в кабинете стояла, – сказал Король.

– Я её полгода назад в шкаф перепрятал, Ваше

Просветлейшество, – заметил Лесли Нильсен.

– И что, всё равно разбил? – спросил Король.

– Разбил, – простонал Лесли Нильсен с жалобной физиономией.

– Понятно, – протянул Король. – А что там дальше по этому списку пророчеств, а то я… что-то, признаться, запамятовал.

– Вот! Список у меня с собой, можете почитать, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен, доставая из кармана сложенный лист бумаги.

– Давайте посмотрим, – пробормотал Король, взяв в руки листок и развернув его. – Так, сошлётся на сэра Эльдорадо, потеряет письмо, разобьёт Афродиту, поможет Атосу вернуться к жизни, избавит Портоса от чувства собственной важности и испачкает камзол Арамиса носовым платком… И что, пока всё сходится?

– Пока да, – ответил Лесли Нильсен.

– А дальше что?

Заглянув в список, Король возмутился:

– Получит от Короля сорок пистолей и все пропьёт? Как это…

– Но Вы же сами только что… – ответил Лесли Нильсен.

– А? Ну, да. Ладно, если уж и это совпало, тогда следует всерьёз задуматься, -согласился Король. – Слушайте, Нильсен, мы ведь с вами предполагали, что вернуть Атоса к жизни и избавить Портоса от чувства собственной важности сможет только какой-то гигант, воин из воинов, по одному виду которого станет ясно, что вот это и есть тридцать третий мушкетёр! И даже не просто тридцать третий, а ещё и тридцать четвёртый и даже тридцать пятый – ну, как три в одном… И тут вдруг появляется этот придурок, почти мальчишка, который… в общем-то… ну, вы понимаете!

– Понимаю, Ваше Просветлейшество, – кивнул Лесли Нильсен. – Вы хотите сказать, что по первому впечатлению трудно заподозрить, что вот этот человек и будет тем самым легендарным тридцать третьим мушкетёром. Всё правильно – я и сам сначала так подумал. Но всё же он выполнил все пункты пророчества, – по крайней мере, те, которые Вы только что огласили. И, позвольте сказать, Ваше Просветлейшество, что если д'Артаньян и в самом деле тот, кого мы ищем, и если он в столь юном возрасте выполнит все эти бредовые пророчества Дюмона, то со временем он без сомненья станет величайшим воином, – таким, каким и должен быть тридцать третий мушкетёр.

– Хм-м, а в этом что-то есть, Нильсен. Пожалуй, вы правы! – согласился Король. – Часть пророчеств д'Артаньян уже выполнил. Посмотрим, что же там дальше по списку…

Какое-то время Король читал список пророчеств, затом резко, с каменным лицом вернул список Нильсену.

– Не может быть, – пробормотал Король. – Помню, когда Дюмон всё это написал, моим первым желанием было его повесить. И теперь я ещё лучше понимаю, почему у меня возникло такое желание.

– Все это будет связано с определёнными трудностями, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен. – Но раз процесс уже начался, мы вряд ли сможем его остановить. И потом, вся надежда на тридцать третьего мушкетёра – если он и втравит нас в это дело, то только он сможет нас оттуда вытащить и вернуть всё на круги своя. Вы ведь со мной согласны, Ваше Просветлейшество?

– Трудно не согласиться, – ответил Король. – Но если что-то вдруг сорвётся… Тогда я точно повешу Дюмона! И д'Артаньяна заодно!

– Как бы то ни было, а нам с вами остаётся только ждать, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен. – И поскольку у меня нет других новостей, я прошу у вас право удалиться.

– Вы имеете право удалиться, – рассмеялся Король. – Что ж, Нильсен, будем ждать. Будем ждать и веселиться. Отправляйтесь к вашим мушкетёрам и скажите, чтоб они ни о чём не тревожились.

– А что делать с д'Артаньяном? – спросил Лесли Нильсен.

– Вы, кажется, определили его в особый полк практикующих магов? – спросил Король. – Вот там-то ему самое место.

– До свидания, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен, вставая. – Надеюсь, мы скоро увидимся.

– Обязательно увидимся, Нильсен, обязательно, – ответил Король. – Ну что ж, меня, наверное, заждались буддийские монахи. Пойду и с ними поговорю.

***

Три мушкетёра и д'Артаньян ждали Лесли Нильсена на улице, перед входом во дворец. Д'Артаньян не сводил глаз с мешка с золотом, который Атос равнодушно перекидывал из руки в руку. Портос с удовольствием прислушивался к звону монет, Арамис же любовался своим новым носовым платком.

Лесли Нильсен вышел из дворца и увидел ожидающих его мушкетёров.

– Ну что, ждёте? – спросил он с усмешкой. – Можете идти тратить деньги, господа. Только не проиграйте всё в карты.

– Не волнуйтесь, сенцей, мы будем беречь золото от Портоса, – сказал Атос.

– Ты что, намекаешь, что мне нельзя доверять деньги? – спросил Портос.

– Нет, я намекаю, что тебе не везёт в карты, – ответил Атос.

– Ну, господа, куда же мы направимся, когда перед нами открыты все двери Парижа? – спросил Арамис.

– Завтракать! – воскликнул д'Артаньян. – Куда угодно, только завтракать! И поскорее, господа, поскорее!

Следующие два месяца прошли как в тумане.

Последствиятрансалкогольноймедитаци

Д'Артаньян очнулся в своей кровати. Ему понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, что это за место и почему он находится именно здесь, а не где-либо ещё. Наконец, он сообразил, что валяется на кровати у себя дома. С трудом подняв голову, д'Артаньян увидел незнакомца, сидящего у окна. Одет он был как слуга.

– Доброе утро, али вечер, – проговорил д'Артаньян, с трудом ворочая языком. – А вы кто?

– Не, ну, вы допились, хозяин! Извиняюсь, конечно, за столь прямое обращение, – ответил незнакомец. – Вы что ж, меня совсем не узнаёте?

– А что, должен? – спросил д'Артаньян. – Сказать по правде, совершенно не узнаю. Вы кто?

– Планше я, хозяин. Слуга ваш, – ответил Планше. – Вы что, совсем ничего не помните?

– Не-а, – ответил д'Артаньян. – А у меня что, есть слуга?

– Так я уж два месяца у вас, хозяин, – ответил Планше.

– Сколько? – ужаснулся д'Артаньян. – Два месяца? Что ж я делал всё это время?

– В основном, вы пили, хозяин, – ответил Планше. – Не один, конечно, а с господами Атосом, Портосом и Арамисом. Их-то вы хоть помните?

– Их – помню, – ответил д'Артаньян. – Мы пошли пить, когда награду от Короля получили.

– Так это два месяца тому назад было, – сказал Планше.

– Правда? – спросил д'Артаньян, вставая. – Кажется, я начинаю понимать, в чём дело. И мы что, каждый день пили?

– Практически да, – ответил Планше.

– А что мы пили? – спросил д'Артаньян.

Планше молча обвёл рукой комнату. Д'Артаньян осмотрелся и увидел, что на полу в стратегическом порядке выстроены шеренги пустых бутылок. У стены стояли запылённые бутылки из-под дорогого выдержанного вина, чуть поближе стояли бутылки из-под десертных вин, ещё ближе – бутылки из-под ликеров и кислого вина, а совсем рядом с кроватью стояло такое, о чём д'Артаньян решил даже не вспоминать, чтобы ненароком не стошнило.

– А когда это я нанял слугу? – спросил д'Артаньян.

– Да вы меня, в общем-то, и не нанимали, – ответил Планше. – Просто я как-то раз торчал на мосту, делать было нечего, вот я и плевал в воду. Понимаете ли, господин, мне

нравится смотреть, как от плевка круги по воде расходятся, в этом есть что-то такое… умиротворяющее, я бы сказал. Не знаю точно, как это объяснить, но когда я смотрю на эти круги, я как будто всё-всё понимаю. А сейчас вот рассказать пытаюсь и не могу.

– Это ясно. Ты лучше расскажи о том, как ты ко мне попал, – попросил д'Артаньян. – Кажется, я твою физиономию вспоминать начинаю.

– Так вот, короче говоря, стою я на мосту, плюю в воду, смотрю на круги, а тут как раз вы мимо идёте, – продолжал Планше. – Ну не только вы, господин, а вся ваша компания – господа Атос, Портос, Арамис, их слуги, ещё другие господа, которых я, извиняюсь, не запомнил. И вот подходит ко мне господин Портос и спрашивает, чем я тут занимаюсь. Ну, он уже сильно навеселе был тогда, я и решил повеселить его ещё больше и рассказал, что наблюдаю за кругами на воде. Господин Портос попросил продемонстрировать, как я это делаю, я и продемонстрировал – подумал, вдруг он по доброте душевной мне денег немного даст? Ну, денег он не дал, а сказал мне, что я сам, того не осознавая, практикую очень сложный вид медитации. Господин Портос и название этой медитации тогда сказал, да я, дурак, не запомнил.

– А дальше-то что было? – спросил д'Артаньян.

– А дальше господин Портос сказал, что предлагает мне, как особо просветлённому слуге, постоянную работу, – ответил Планше. – И предложил мне работать на вас. Вы тогда пообещали, что будете мне платить и кормить меня будете, вот я и согласился.

– И я тебя кормил? – спросил д'Артаньян.

– Да, и очень хорошо кормили, хозяин, – ответил Планше. – Правда, сейчас у вас золото в мешке уже к концу подходит, поэтому, я думаю, вы и протрезвели.

– Да, протрезвел, – тяжело вздохнул д'Артаньян. – Ну, то есть, почти протрезвел. Слушай-ка, Планше, у нас водичка есть?

– У нас нет. Внизу, у месье Бонасье есть, наверное, – ответил Планше.

– Да, помню-помню, у него ещё такая штуковина была, чайник называется, – кивнул д'Артаньян.

– Да, вы тоже заметили! – воскликнул Планше. – Прикольная штука такая с носиком! Из неё так воду наливать удобно, – не то что из обычного кувшина! Побольше бы нам таких чайников, мы бы тогда…

– Сгоняй за водой, Планше, только не тренди над ухом! Башка болит! – попросил д'Артаньян. – Помню-помню я эту

штуковину с носиком. Пить хочу со страшной силой.

– Не извольте беспокоиться, хозяин, в один момент, – сказал Планше, взял со стола стакан и вышел.

Д'Артаньян подошёл к окну и выглянул на улицу.

– Не фига себе – лето уже! – пробормотал он. – Что-то не верится, что мы два месяца бухали. Хотя, вообще-то всё сходится. Интересно, может, меня уже и в мушкетёры успели принять?

Д'Артаньян осмотрел комнату и увидел свою форму члена особого полка практикующих магов. На столе д'Артаньян заметил письмо, распечатал его и прочитал:

> Как члену особого полка практикующих магов, разрешаю вам практиковать трансалкогольную медитацию. По окончании практики доложите о результатах.
>
> Лесли Нильсен, сенцей.

Далее в письме стояла дата, и д'Артаньян подумал о том, что неплохо бы узнать, какое сегодня число. К счастью, в этот момент вернулся Планше со стаканом воды, и д'Артаньян некоторое время не мог думать о числах, да и вообще ни о чём, кроме воды. Планше между тем продолжал тараторить:

– Вы знаете, хозяин наш, месье Бонасье, очень обрадовался, когда узнал, что вы в себя пришли. Сказал, что поговорить с вами хочет о чём-то.

Д'Артаньян допил воду и глубоко вздохнул.

– А число сегодня какое? – спросил он.

Планше не успел ответить, так как раздался стук в дверь.

Экскурсиявпрошлое

Для того, чтобы понять, кто стучал в дверь и почему, неплохо было бы оглянуться назад и посмотреть, какие события происходили в Париже за несколько дней до того, – в то самое время, когда д'Артаньян и его друзья занимались своими трансалкогольными медитациями.

А в Париж инкогнито из Англии приехал лорд Бэкингем – старый знакомый французской Королевы Анны. Ну, может, не такой уж и старый, зато очень хорошо знакомый. Лорд Бэкингем когда-то пытался предложить будущей Королеве Анне руку и сердце, но его опередил французский Король-Солнце – не без помощи своих мушкетёров. Мы сейчас не будем вспоминать о том, как Король делал предложение Королеве, ввалившись к ней в спальню с чёрного хода (о существовании которого не знала даже сама Королева, а мушкетёры как-то узнали). Не будем мы вспоминать и о том, как стараниями мушкетёров отвалилось колесо от кареты герцога Бэкингема, спешившего к Анне Австрийской, причём в тот самый момент, когда Король-Солнце, ввалившись в спальню, делал ей предложение. Не будем упоминать и о том, что Лесли Нильсен в одиночку предотвратил похищение Анны Австрийской гвардейцами кардинала, которые планировали схватить её в тот самый момент, когда Король-Солнце делал ей предложение, ввалившись в спальню с чёрного хода. И не будем вспоминать, как Лесли Нильсен узнал о том, что кардинал готовит похищение и как славный сенцей королевских мушкетёров в одиночку перебил отряд из пятидесяти гвардейцев, не получив почти ни одной царапины, если не считать фингала под глазом. Обо всём этом мы вспоминать не будем хотя бы потому, что это не имело никакого отношения ни к д'Артаньяну, ни к герцогу Бэкингему, о котором, собственно, и пойдёт речь в дальнейшем.

Так вот, герцог прибыл в Париж инкогнито и остановился у своих дальних знакомых на окраине. Ему отвели отдельную комнату в старом-престаром домишке, но герцог был чрезвычайно недоволен убогой обстановкой. Что ж, за конспирацию приходилось платить соответственно. Так вот, прибыв в Париж, герцог начал делать всё возможное, чтобы увидеться с Королевой Анной. Для этого он задействовал все свои связи и вышел на контакт с Королевой через одну из её гувернанток. К несчастью для д'Артаньяна, этой гувернанткой оказалась мадам Констанс Бонасье.

В один прекрасный вечер герцог скучал в своей убогой

комнатушке, ожидая, когда Констанс Бонасье доставит ему носовой платок Королевы. Внезапно раздался стук в дверь, причём именно такой, какого ожидал герцог – два раза подряд и один раз после паузы.

– О, наконец-то! – воскликнул герцог, вскакивая с дивана. – Джек, поди, открой дверь! – приказал он слуге.

Слуга герцога повернул ключ в замке, и дверь тут же слетела с петель под натиском двух десятков гвардейцев кардинала. Герцог, не ожидавший нападения, в первую секунду растерялся, но быстро схватился за шпагу. И тут в комнату вместе с гвардейцами ворвался Рошфор. Рошфор стремительно атаковал герцога Бэкингема лучом из третьего глаза (как мы помним, если направить этот луч в третий глаз противника, можно подавить его волю). Герцог отбил первую атаку и выпустил в Рошфора десяток огненных астральных стрел, но Рошфор заслонился кем-то из гвардейцев. Гвардеец, в которого попали стрелы, упал замертво, а Рошфор тем временем набросил на герцога астральную удавку. Герцог не был готов к нападению, поэтому не успел отреагировать. Рошфор же заранее подготовился к темпу, в котором будет происходить схватка и старался свалить герцога первым же ударом, а если не получится, то победить его за счёт скорости атак. И этот манёвр удался – герцог Бэкингем пропустил простейшую астральную удавку. Герцог на секунду замешкался, разрывая удавку огнём, и в этот момент Рошфор повторил удар из третьего глаза. Герцог не успел уклониться, и его сознание поглотила чернота.

Через пару минут гвардейцы кардинала погрузили в карету герцога Бэкингема и мадам Бонасье, которую перехватили еще на улице. Оба заложника были без сознания, так как испытали на себе подавляющий волю астральный удар Рошфора.

ВстречакардиналасгерцогомБэкингемом

Герцог Бэкингем пришёл в себя и обнаружил, что лежит на диване в шикарной комнате. Оглядевшись, он понял, что комната представляет собой кабинет, так как в ней стоял письменный стол. За столом сидел человек в красной мантии и таращился на герцога, валявшегося на диване.

– С пробуждением, милорд, – усмехнулся человек за столом. – Извините, что не поселили вас во дворце. Я бы и рад проявить гостеприимство, но, увы, дела первостепенной важности не терпят отлагательств.

– С кем имею честь беседовать? – спросил герцог, вставая. – Должен заметить, что ваши люди повели себя весьма невежливо, ввалившись ко мне в комнату и захватив меня силой.

– Да, это было очень невежливо с их стороны, – кивнул человек за столом. – Но, к сожалению, у меня не было иного выхода, – по своей воле вы бы отказались нанести мне визит.

– Неужели? – спросил герцог. – Кто же вы такой?

– Наверняка вы обо мне слышали, ибо, насколько я знаю, моя слава опережает меня, – сказал незнакомец. – Позвольте представиться – кардинал Ришелье.

Герцог Бэкингем некоторое время молчал, разглядывая этого человека, сумевшего дослужиться до кардинала в псевдодуховной религиозной секте, известной своими невысокими перспективами карьерного роста. Кардиналу было лет под сорок, выглядел он весьма неплохо, даже не взирая на то, что религия запрещала своим последователям хорошо питаться. А роскошь, с которой был обставлен кабинет, говорила о том, что налоги, собираемые кардиналом со своих верноподданных, не уходят Романскому Попу по общераспространённому мнению. По крайней мере, часть этих налогов, очевидно, задерживалась во Франции, а именно – во дворце кардинала.

Герцог Бэкингем подумал о том, что как ни крути, а кардинал был настоящим профессионалом в своём деле, и недооценивать этого человека не стоило. Если уж и играть против кардинала, то делать это следовало очень осторожно. Такого противника лучше переоценить, чем недооценить. Рассудив так, герцог подумал, чего бы такого ляпнуть, чтобы не вляпаться.

– Рад с вами познакомиться лично, господин кардинал, – сказал герцог, усаживаясь в кресло. – Вы знаете, ваша слава, действительно, вас опережает. Я много слышал о вас, но, признаться, представлял вас не совсем таким.

– Правда? – спросил кардинал. – И каким же вы меня себе

представляли? А, знаю-знаю, как обычно изображает меня иностранная пропаганда – этакий седой старик, закутанный в драную мантию, не встающий с кресла и лет десять назад впавший в маразм. Что ж, приятно, конечно, когда о тебе говорят, но, признаться откровенно, было бы намного приятнее, если бы в этих разговорах была хоть малая часть правды.

– И она там всё-таки есть, и, уверяю вас, немалая, – улыбнулся герцог. – Как-никак, вас считают одним из самых выдающихся мыслителей Европы, а некоторые даже самым выдающимся. Правда, эти некоторые – в основном, ваши слуги.

– Хе-хе, умеете же вы сострить, герцог! – воскликнул кардинал. – Право же, от вас я такого не ожидал. Увы, наша пропаганда отзывается о вас ничуть не лучше, чем ваша отзывается обо мне.

– Вы говорили о каком-то деле первостепенной важности, – сказал герцог Бэкингем, решив покончить с этим потоком взаимных льстивых оскорблений. – О чём же идёт речь?

– Сейчас я вам объясню, милорд, – ответил кардинал. – Я никогда не веду дел с врагами, герцог, а вы – англичанин, принадлежите к другой религии, да и к тому же, у нас с вами кое-какие личные счёты, несмотря на то, что мы до сих пор ни разу не встречались. Ваша церковь воюет с нашей церковью, ваше государство воюет с моим государством. И тем не менее, ваша и моя церковь одинаково ненавидят этих дзен-буддистов. Да и кроме того, ваше и моё государство одинаково относятся к Испании, которая никого не пускает в богатые индейские земли, а я уверен, что там золота хватило бы на всех. Мы с вами в чём-то враги, герцог, но в чём-то нас можно назвать и друзьями – с большой натяжкой, конечно. И оба мы добивались расположения Анны Австрийской, но тут нас обоих натянул небезызвестный вам французский Король… Одним словом, герцог, с одной стороны, у меня есть все основания арестовать вас и заточить в подземелья Бастилии – ибо вы иностранец без регистрации, не разделяете ни мою религию, ни религию Короля и его отморозков, плюс ко всему у меня есть все основания полагать, что вы собирались тайно встретиться с Королевой. Я уверен, что та служанка, которую повязали мои люди, под пыткой признается не только в этом, но, возможно, даже и в том, что вы собирались убить Короля, раз уж явились в Париж с оружием. Короче говоря, герцог, у меня достаточно улик, фактов, материалов и средств, чтобы уже сегодня вечером на вас завели дело толщиной вот с эту папку, – кардинал постучал пальцем по толстенной папке бумаг, лежащей на столе. – Но вот в чём вопрос – так ли это выгодно мне и моим людям? Ведь я понимаю, что куда большую опасность для

меня представляет мой Король с его мушкетёрами и дзенскими общинами, в которых люди с утра до вечера маются дурью. Учитывая это обстоятельство и некоторые другие, я мог бы задуматься над тем, что не стоит заводить на вас дело.

– Ну, почему же? – спросил герцог. – Неужели у меня есть что-то, что могло бы полностью искупить мою предполагаемую вину во всех предполагаемых вами заговорах?

– Конечно, нет, герцог, ничего такого у вас нет, – рассмеялся кардинал. – Но вы могли бы добыть это нечто, если бы немножко потрудились. Не ради меня, а ради себя. Да, в общем-то, ради всех нас.

– И что же это такое мне следует сделать, чтобы вы и вся ваша орава гвардейцев от меня отвязались? – спросил герцог.

– Вам следует сделать то, ради чего вы сюда приехали, герцог, – улыбнулся кардинал – Увидеться с Королевой.

Герцог Бэкингем замолчал на некоторое время. Он не понимал, куда клонит кардинал. По первому впечатлению, кардинал хотел его подставить, застав с Королевой на месте свидания. С другой стороны, кардинал не нуждался в подобных театральных эффектах – он действительно мог сочинить на герцога дело толщиной в ладонь, а если сильно постараться, то и в два раза толще. Значит, кардинал преследовал некую цель, одному ему известную.

«Интересно, какую же изощрённую пакость он на этот раз выдумал?» – подумал герцог Бэкингем.

– Какая же вам польза от моего свидания с Королевой? – спросил он вслух.

– От свидания пользы никакой, – ответил кардинал. – Но вот если только…

– Если только что? – спросил герцог.

– Есть одно жемчужное ожерелье, – начал кардинал. – Даже не просто жемчужное и не просто ожерелье. Это ожерелье украшено жемчугом, алмазами, драгоценными камнями. Оно сверкает и переливается всеми цветами радуги и… Одним словом, это редчайшая вещь. Но суть даже не в красоте этого ожерелья. В центре его находится огромная чёрная жемчужина – Жемчужина Дао. Вы слышали легенду о ней, милорд?

– Только отрывки, – ответил герцог. – Я знаю, что эта жемчужина очень важна и что Король с её помощью как-то укрепляет свою власть.

– Легенда намного сложнее и хитрее, – сказал кардинал. – Говорят, в незапамятные времена эту жемчужину достали со дна морского на туманных Южных островах, которые расположены ещё дальше от нас, чем Китай, Индия и Япония. По легенде, на тех островах живут остатки великой древней цивилизации, которые поклоняются Солнцу, Луне, воде и земле. И ещё они поклонялись Жемчужине.

Один житель этих островов достал её со дна морского с немыслимой глубины. Он нырнул глубоко, туда, где не бывал ни один смертный, говорят, там не бывали даже языческие боги, Жемчужина лежала на такой глубине, где обитают лишь подземные и подводные гады, ибо разумная жизнь в таком месте невозможна. Человек, вытащивший Жемчужину на берег, не прожил и минуты – его разорвало изнутри, так сработало проклятье.

Жемчужина будто бы хотела укатиться обратно в морские

волны, но её подобрали. С тех пор все жители Южных островов веками поклонялись Жемчужине. Ходят легенды, что с её помощью они могли становиться невидимыми и исцелять любые, даже самые тяжёлые болезни и раны. Проверить это невозможно, ибо даже испанцы не добрались до этих Южных островов, и никто из ныне живущих не знает, где их искать.

– Кажется, кто-то из исследователей Заокеанья описывал скалистый остров, на котором нет ни души, – только громадные каменные идолы стоят на нём и мечтательно глядят в небо, – заметил герцог Бэкингем. – По легенде, эти статуи сотворили языческие боги, в которых мы с вами не верим, господин кардинал. Хотя, с другой стороны – откуда на пустом острове возьмутся статуи?

– Об этом острове я слышал. Он стоит одиноко посреди океана, и добраться до него невозможно ни на лодке, ни вплавь, только на корабле, да и высадиться на него очень трудно – сплошные скалы, – кивнул кардинал. – Но это не Южные острова, где была найдена Жемчужина. Этот остров, кажется, так же далеко от Южных островов, как и от всего остального мира. В языческих богов мы с вами, конечно, не верим, но говорить о них приходится, ибо так гласят легенды, а легенду невозможно понять до конца без этих подробностей. Так вот, на чём я остановился? А, ну так вот, жители Южных островов веками поклонялись Жемчужине, Солнцу, Луне, воде, земле и ветру. И никакой враг не был им страшен, и никто не мог покорить их. А потом Жемчужина попала в Китай, каким образом – точно неизвестно, легенда в этом месте имеет множество вариаций. Кажется, наше величество придерживается той сюжетной линии, по которой некие существа, известные как сэр Эльдорадо и лорд Шамвэй, случайно опрокинули постамент с Жемчужиной. Против них ополчились местные жители, а Жемчужина укатилась в море, да только закатилась в плащ сэра Эльдорадо или в тюрбан лорда Шамвэя, сейчас уже не припомню. Ну, и эти двое отплыли на корабле в Китай, Жемчужина там снова выкатилась, хотела укатиться в море, да её нечаянно подобрал император. Ну, в императорском дворце её выронили, вот она через покои императора к морю и катилась. А император тот был даосом и, поглядев на Жемчужину, обрёл Высшую Мудрость, после чего правил долго и счастливо (лет триста-пятьсот), а Жемчужину повелел назвать Жемчужиной Дао.

– И как же эта Жемчужина попала во Францию? – спросил герцог Бэкингем. – Что, снова Эльдорадо и лорд Шамвэй?

– Опять же, есть несколько версий, – усмехнулся кардинал. – Мне нравится следующая: после смерти императора Жемчужина

опять покатилась в море, но её подобрали торговцы шёлком и сплавили по Великому Шёлковому Пути. Так она попала сначала в Египет, потом – в Италию и, наконец, во Францию. Но Его Величество считает, что после захвата Китайской Империи рептилоидами с астероида, а захват этот выразился в появлении драконов в китайской мифологии… Так вот, после этого самого захвата сэр Эльдорадо и лорд Шамвэй опять спёрли Жемчужину и как-то случайно забросили её во Францию. Жемчужину, естественно, подарили французскому Королю Карлу Великому, и с тех пор все французские короли с незапамятных времён исповедуют дзен, ибо дзен есть помесь дао с буддизмом. Так вот, это всё по легенде. А теперь перейдём к фактам, милорд, – продолжал кардинал. – Поскольку дзен – это смесь буддизма и дао, власть Короля опирается на два атрибута – Жемчужину Дао и золотую статую Будды, которая находится где-то во дворце и которую никто не видел. И если бы некто захотел пошатнуть королевскую власть, достаточно было бы украсть из дворца хотя бы один из этих атрибутов, а лучше, конечно, оба. Но статуя, как я уже сказал, нам недоступна.

– А Жемчужина? – спросил герцог.

– А Жемчужину Дао Его Величество как раз недавно подарил Королеве, – усмехнулся кардинал. – Никто не знал, как она выглядит, никто не знал, где она, пока этот мелкий прорицателишка Дюмон не шепнул Королю, что в скором времени Жемчужина Дао будет увезена из Франции. Король решил, что его сейф – слишком ненадёжное место для хранения Жемчужины, поэтому подарил её Королеве, а драгоценности Королевы, как известно, охраняют еще более надежно, чем государственные тайны. К несчастью для Короля, Королева Анна любит иногда надевать ожерелье во время балов. Конечно, дворец во время проведения королевского бала тщательно охраняется. Но об этом подумаю я.

– Вы что, хотите стащить Жемчужину? – спросил герцог.

– Не я, а вы, милорд Бэкингем, – улыбнулся кардинал. – И не стащить, а… убедить Королеву подарить её вам.

– Как вы себе это представляете?! – воскликнул Бэкингем. – Я прихожу к Королеве и говорю: «Дорогая Анна, мы с вами не виделись десять лет, не могли бы вы подарить мне на память одно из двух главных сокровищ французской короны?» Кардинал, по-моему, вы меня переоцениваете.

– Ничуть, милорд, ничуть, – снова улыбнулся кардинал. – Всё будет именно так, как вы сами сказали, только разведите побольше хлюпа, романтики, нежностей, ну, как вы это умеете. А о том, чтобы Королева без вопросов отдала вам ожерелье,

позабочусь я. Точно так же я позабочусь о том, чтобы вас провели во дворец незамеченным и так же беспрепятственно выпустили. После этого вы можете спокойно оставить себе Жемчужину – мне ведь она ни к чему. Как вы помните из легенды, милорд, Жемчужина исцеляет раны, продлевает своему владельцу жизнь и позволяет обрести Великую Мудрость. Надеюсь, она вам пригодится… Как только Жемчужина будет у вас, вы как можно быстрее уберетесь в Лондон и, я надеюсь, мы с вами больше не встретимся. Не обижайтесь, милорд, – вы очень приятный собеседник, но я и вправду надеюсь, что наши с вами пути больше не пересекутся.

– И вы так просто отдадите мне Жемчужину Дао, зная, какой властью она обладает? – спросил герцог Бэкингем.

– Для меня все эти разговоры – не более чем мифы и суеверия, – вздохнул кардинал, разводя руками. – Ну, а если окажется, что легенды не лгут, а вы попробуете использовать Жемчужину против меня… Если уж я спланировал, как украсть Жемчужину у Короля, неужели вы думаете, я не придумаю, как украсть её у вас?

– Вполне логично, – кивнул Бэкингем. – Вам нужно, чтобы Жемчужина Дао была как можно дальше от берегов Франции. А что дальше, ваша светлость? Выкрадете из дворца золотую статую Будды, которую никто не видел?

– Ну, кто-то же её видел, – усмехнулся кардинал. – А если её кто-то видел, значит, этот кто-то может и рассказать, где она. Ну а дальше – дело техники, стратегии и тактики.

– Хорошо, вы почти меня убедили, – сказал герцог. – Но всё равно, вынужден сообщить вам, что план ваш не сработает.

– Почему же? – спросил кардинал.

– Допустим, Королева Анна отдаст мне Жемчужину по первой же моей просьбе, допустим, вы проведёте меня во дворец и всё такое, – ответил герцог. – Но как же вы организуете мою встречу с Королевой наедине, если её служанка уже видела, что меня похитили? Королева установила контакт со мной через эту служанку, а если служанка расскажет ей, что меня похитили ваши гвардейцы или если сама служанка исчезнет, Королева забеспокоится и откажется от встречи.

– Вы умеете видеть чужие ошибки, милорд, – в очередной раз улыбнулся кардинал. – Но кое-чего вы всё же не замечаете.

– Неужели? – спросил герцог.

– Служанку оглушили сразу же после того, как она постучала в дверь, – ответил кардинал, продолжая улыбаться. – И она не видела, как вас похитили. Как только она придёт в себя, мы начнём допрашивать её, спросим, куда вы сбежали. Она поверит,

что вам удалось ускользнуть от двадцати моих гвардейцев – в конце концов, народ склонен недооценивать моих людей, особенно после той истории с мушкетёрами…

Так вот, мы допросим эту служанку – легонько, без пристрастия, установим, что она ничего не знает, и отпустим. На улице её уже будет ждать ваш слуга, который отведёт её к вам, предварительно убедившись, что за ними не следят. Всё будет на редкость правдоподобно, не правда ли? Слуга отведёт её к вам, на новую квартиру – я уверен, что вы сможете подыскать в Париже другую надёжную квартиру, чтобы ни у кого не вызывать подозрений. Так вот, ваш слуга доставит служанку Королевы к вам, вы передадите ей всё, что должны передать – я уж не знаю, что у вас там сейчас принято – носовые платки, портянки с фамильным гербом или сексуальное нижнее бельё… Одним словом, служанка вернётся к Королеве в полной уверенности, что всё в порядке, а рассказ о неудачном нападении гвардейцев поспособствует тому, чтобы Королева поверила в то, что хоть я и не сижу без дела, но всё равно облажался. Это чтобы она не заподозрила неладное в моём бездействии. Так вот, через два дня будет бал. Я попрошу Короля, чтобы он попросил Ее Величество появиться на балу с Жемчужиной Дао. А в перерыве Королева Анна и её слуги устроят ваше свидание, но котором она – без сомнения – передаст вам ожерелье. Затем вас выведут из дворца, а дальше – по плану.

– Поздравляю, ваша светлость! – воскликнул Бэкингем. – В умении строить планы вам нет равных, это уж точно. Ваш план идеален, он великолепен, он совершенен! Только одна маленькая деталь – не представляю, как вам удастся сделать так, чтобы Королева добровольно подарила мне Жемчужину Дао. Неужели вы собираетесь использовать гипноз? Это наверняка заметят, и ничего не выйдет.

– Нет, герцог, я не буду прибегать к гипнозу, – напоследок улыбнулся кардинал. – У меня есть другое средство. Но… пусть это будет моим маленьким секретом. Чёрт побери, милорд, я вам битый час раскрываю одна за другой детали моего плана! Должно же у меня остаться про запас что-то такое, чего вы знать не будете, верно? Может у меня быть какой-нибудь козырь, туз в рукаве?

– Конечно, – кивнул герцог Бэкингем. – Хорошо, я выполню вашу просьбу. Что же теперь?

– Вас отвезут на окраину в закрытой карете, – ответил кардинал. – Впрочем, район, куда вас отвезут, можете выбрать сами – я же не знаю, где вы найдёте надёжную квартиру. Пока не знаю, – кардинал поднял вверх указательный палец. – Но за вами

всё время будут наблюдать, и если вы сделаете хоть что-то, что заставит меня подумать, будто вы отступили от плана… За вами придут уже не просто двадцать гвардейцев. За вами, герцог, придут тридцать два королевских мушкетёра, если вы улавливаете логику в моих рассуждениях.

– Улавливаю, – снова кивнул герцог Бэкингем. – Что ж, господин кардинал, давайте сыграем в эту игру, которую вы так хорошо спланировали.

Какд’Артаньяннашёлспособнеплатитьза

Вернёмся же теперь к д’Артаньяну, которого мы слегка упустили из виду, увлекшись планами кардинала и легендой о Жемчужине Дао. Легенду, кстати говоря, кардинал очень сильно переврал.

Так вот, не успел Планше ответить д’Артаньяну, какое же сегодня число, как в дверь постучали.

– Я открою, хозяин, – сказал Планше и пошёл открывать.

На пороге стоял месье Бонасье, которого д’Артаньян вспомнил не сразу, так как не видел почтенного домовладельца уже два месяца.

– Разрешите войти, господин д’Артаньян? – спросил Бонасье. – Мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

– Заходите, месье, – ответил д’Артаньян. – Планше, сгоняй-ка в магазин, купи хлеба, что ли, а то в доме жрать нечего.

–На какие шиши, хозяин? – спросил Планше.

– Ах, да, – ответил д’Артаньян, нащупывая в кармане кошелёк и попутно замечая, что тот почти опустел. – Вот, держи на хлеб.

Д’Артаньян высыпал содержимое кошелька на ладонь, пересчитал мелочь и вручил её Планше.

Планше вышел, а д’Артаньян предложил гостю присесть.

– Благодарю вас, – сказал месье Бонасье, садясь на стул.

Д’Артаньян, за неимением другой мебели, уселся на кровать.

– И какое же дело привело вас ко мне? – спросил д’Артаньян.

– Вы живёте у меня уже два месяца и, видимо, из-за неотложных дел на королевской службе ещё ни разу не заплатили за квартиру… – начал месье Бонасье.

– О, понимаете ли, у меня, к сожалению, не имеется при себе наличных денег, но я со дня на день жду поступления на мой счёт в банке крупной суммы из Марселя, – попытался отвертеться д’Артаньян. – Я не говорил вам, что мне принадлежат целых две деревни под Марселем? У меня там большой дом, который мои слуги сейчас сдают туристам, – вы ведь знаете, сколько в Марселе туристов, месье Бонасье? Так вот, буквально через день-два на мой банковский счёт должна прийти крупная сумма денег, и как только она придёт, так я сразу же…

– О, нет, я не смею торопить вас, господин д’Артаньян, – сказал Бонасье. – Более того, я хотел сказать вам, что если бы вы помогли мне в одном крайне сложном и запутанном деле, я вообще не стал бы брать с вас денег за квартиру – живите, сколько хотите, совершенно бесплатно.

– Говорите, кого надо убить, – сказал д’Артаньян, привыкнув

переходить сразу к делу, особенно, когда речь шла о халяве.

– Я – человек мирный, – начал Бонасье. – Никогда не занимался военным делом и никогда… никогда не занимался политикой. Поэтому для того, чтобы выпутаться из той истории, в которую я оказался вовлечён, мне нужна помощь дворянина, военного, во всём этом разбирающегося.

– Та-ак, – протянул д'Артаньян. – И что же это за история, в которую вы вляпались?

– Понимаете ли, моя жена работает в Лувре, – ответил Бонасье.

– Ваша жена? – переспросил д'Артаньян, вспомнив очаровательную мадам Констанс Бонасье. – Что, неужели у неё неприятности?

– Вроде того, – ответил Бонасье. – Так вот, моя жена прислуживает Королеве. Зарплата у неё, правда, не настолько велика, как мне бы хотелось, но у меня ведь тоже есть свой малый бизнес, так что люди мы не бедные… Ну, так вот, мою жену похитили.

– Похитили?! – воскликнул д'Артаньян. – Как так – похитили? Кому она могла понадобиться?

– Я думаю, здесь замешаны не личные дела моей жены, а личные дела той, на кого она работает, – ответил Бонасье.

– Вы имеете в виду… – д'Артаньян показал пальцем на потолок.

– Именно это я и имею в виду, – кивнул Бонасье. – Жена иногда рассказывала мне кое-что о том, чем она занимается на службе. Так вот, она… ну, скажем так, она по мере сил устраняет проблемы своей госпожи.

– Устраняет проблемы? – переспросил д'Артаньян. – А зачем же тогда мушкетёры?

– Мушкетёры устраняют проблемы Короля, – ответил Бонасье. – А проблемы Королевы… чисто женские дела, одним словом, эти дела улаживают женщины – служанки Её Величества.

– Ну, более-менее понимаю, – кивнул д'Артаньян. – И когда же была похищена ваша жена?

– Вчера, – ответил Бонасье. – Она не вернулась вечером домой, а когда я пошёл в Лувр, мне сказали, что из дворца она вышла, но обратно не приходила, и домой не возвращалась. Утром она не пришла, я снова побежал в Лувр и забил тревогу. После этого я сделал вывод, что её похитили. Понимаете ли, жена моя очень боялась одного человека…

– Какого человека? – спросил д'Артаньян.

– Я не знаю его имени, но он дворянин, очень представительный, носит чёрный плащ, шляпу, на шее у него

символ кардиналистов – раб, забитый палками… – начал Бонасье.

– Погодите-ка, а нет ли у этого человека лёгкого шрама на виске? – перебил его д’Артаньян.

– Есть, а откуда вы знаете? – спросил Бонасье.

– Чёрт побери, так это он! – воскликнул д’Артаньян. – Сначала спёр у меня письмо, потом украл вашу жену! Чёрт возьми, этот вор наглеет прямо на глазах – начал воровать письма, а теперь женщин ворует! Я достану его из-под земли и покажу ему, где раки зимуют!

– А, так вы его знаете? – спросил Бонасье.

– Имя этого человека мне неизвестно, но именно он украл у меня письмо, которое я вёз в Париж в такой спешке, что чуть не загнал лошадь! – воскликнул д’Артаньян. – Что ж, если ваш враг в то же время и мой враг, то я с удовольствием окажу вам помощь. Ну, разумеется, если всё, что вы говорили про оплату за квартиру, остаётся в силе.

– Конечно-конечно! Если вы вернёте мне жену, можете жить у меня совершенно бесплатно! – закивал Бонасье.

– Отлично, господин Бонасье, я немедленно приступаю к поискам! – сказал д’Артаньян, подходя к окну. – Только сперва пообедаю, – добавил он, увидев из окна Планше, идущего домой с двумя буханками свежего хлеба.

Порошокгорячихпарней

Пока д'Артаньян обедал, месье Бонасье арестовали. В дом завалилась толпа гвардейцев кардинала. Снизу послышался шум, но д'Артаньян вместо обычного геройства приказал Планше сидеть тихо и затаиться – видимо, трансалкогольные медитации научили его здравому смыслу. Судя по всему, гвардейцы обшарили дом, даже постучали в закрытую дверь д'Артаньяна. Ломать дверь они, правда, почему-то не стали, хотя д'Артаньян уже заготовил отмазку на тот случай, если к нему в комнату вдруг вломятся гвардейцы. Однако те благополучно покинули дом, оставив на первом этаже человек пять в качестве засады.

Д'Артаньян возблагодарил судьбу за то, что из его квартиры можно было выбраться по пожарной лестнице, не попадаясь на глаза служителям кардинала. Этим путём он и отправил Планше за Атосом, Портосом и Арамисом. Планше бегал за ними довольно долго – и Атос, и Портос, и Арамис только начинали отходить после двухмесячной трансалкогольной медитации.

Месье Бонасье между тем привезли в Бастилию и допросили. Во время допроса ему довелось познакомиться с необычайно интересным человеком, но обо всём по порядку.

Кроме камер с заключёнными в Бастилии были ещё и лаборатории, но об этом мало кто знал. А учёных вместе с их лабораториями поселили в Бастилии после того, как один учёный нечаянно изобрёл порох и взорвал к чертям собачьим Королевскую Академию. Так вот, по коридору, ведущему в лаборатории, шёл человек в чёрном плаще с капюшоном, охраняемый пятью гвардейцами. Он направлялся в химическую лабораторию. Помещение лаборатории было захламлено склянками, пробирками, ретортами и маленькими пакетиками с какими-то порошками. Зайдя сюда, человек в капюшоне осмотрел нагромождение склянок на столе. Там что-то кипело, дымилось, перетекало из одной склянки в другую по стеклянным трубочкам, затем выпаривалось, кристаллизировалось, ну и так далее. В итоге всех этих манипуляций получался чистый белый порошок, который осторожно ссыпали в пакетик двое алхимиков.

– Добрый день, господа, – сказал человек в капюшоне. – То, что я просил, готово?

– Конечно, ваша светлость, – ответил старичок-учёный в белом халате. – Вот, извольте получить пакетик порошка. Название для этого вещества мы ещё не придумали, но его свойства мы уже испытывали сначала на крысах, потом на пленниках. Если маленькую щепотку порошка добавить в любой

напиток и дать человеку выпить, человек сначала теряет контроль над собой, а потом… хе-хе… потом жертва выполнит любой ваш приказ. Это сильнейший наркотик, ваша светлость, он вызывает привыкание, и принимать его можно только в малых дозах.

– Человек привыкает к наркотику с первой же дозы? – спросил человек в капюшоне.

– С первой дозы – нет, – ответил учёный. – Конечно, когда действие порошка закончится, объект захочет ещё и испытает некоторую ломку, но она быстро пройдёт. Это что-то вроде… лёгкой депрессии.

– А если принимать наркотик регулярно? – спросил человек в капюшоне.

– Тогда объект становится вашим рабом на всю жизнь… хе-хе-хе, – проскрипел старичок-учёный. – Но если вам это надо… как бы сказать… для дамы сердца, то лучше это вещество не использовать.

– Почему же? – мягко спросил человек в капюшоне.

– Да толку не будет от такой дамы сердца, – ответил старичок. – У меня на этот случай отменный приворотный отвар есть. Хотите, покажу?

– Нет, не стоит, – ответил человек в капюшоне. – За отваром я приду к вам в другой раз. Благодарю за порошок. И вот ваше вознаграждение.

Человек в капюшоне вынул из складок плаща толстый кошелёк и бросил его старичку.

– Благодарствую, – сказал старичок. – И всё-таки, зря вы не хотите взять приворотный отвар, штука отменная, надо только добавить в него…

– И знать не хочу, – отрезал человек в капюшоне. – Скажи лучше, сколько доз в этом пакетике?

– Доз на пять хватит, – ответил старичок. – По щепотке примерно на раз.

– А ещё такого порошка сделать сможешь, если вдруг понадобится? – спросил человек в капюшоне.

– Сделать можно, – кивнул старичок. – Рецепт несложный, почти все ингредиенты в наличии, а чего нет, так достать можно за хорошие деньги.

– Отлично, – сказал человек в капюшоне. – Если возникнет необходимость, я повторю заказ.

– Заходите, милости просим! – воскликнул старичок. – А отвар приворотный вам точно не понадобится?

Но человек в капюшоне уже вышел в коридор.

– На ком бы из пленников это испытать? – пробормотал человек в капюшоне, шагая по коридору.

– Разрешите доложить, ваша светлость? – спросил один из гвардейцев, сопровождавших человека в капюшоне.

– Говори, – ответил человек в капюшоне.

– Только что привезли этого Бонасье, – доложил гвардеец. – Его уже допрашивают. Пока без пристрастия.

– Неплохо, – пробормотал человек в капюшоне. – Пойдёмте-ка посмотрим. И принесите кто-нибудь бутылку шампанского.

Чтобывает,еслипитьскардиналом

Месье Бонасье уже битый час отвечал на глупые вопросы по поводу похищения его жены. Наконец, дверь комнаты, в которой он сидел, открылась, и в комнату вошли пять гвардейцев, а с ними – уже знакомый нам незнакомец в капюшоне.

– Как идёт допрос? – спросил неизвестный.

– Никак, – ответил судья, допрашивавший Бонасье. – Несёт какую-то околесицу про человека со шрамом. Хотите сами его допросить?

– А почему бы и нет? – сказал незнакомец. – Итак, месье… Бонасье, так вас, кажется, зовут?

– Именно так, ваш благородье! – ответил Бонасье, весьма измученный допросом.

– Где ваша жена? – спросил человек в плаще и капюшоне.

– Её похитили, ваш благородье, – ответил Бонасье.

– Кто и за что? – спросил человек в капюшоне.

– Сторонники кардинала. За то, что моя жена работала на Королеву, – ответил Бонасье.

– Ваша жена говорила вам о том, чем она занималась последние три дня? – спросил человек в капюшоне.

– Ни слова, ваш благородье, – ответил Бонасье. – Я её уж два дня как не видел.

– Понятно, – усмехнулось лицо под капюшоном. – Вы – честный человек, господин Бонасье. Вы свободны. Позвольте в благодарность за откровенность угостить вас шампанским.

– Не стоит, – попытался возразить Бонасье.

– Ну что вы, не отказывайтесь, это ведь от чистого сердца, – сказал незнакомец. – Ребята, принесите бутылку и два бокала!

Гвардейцы внесли в комнату бутылку шампанского и бокалы, человек в капюшоне начал разливать напиток по бокалам.

– У меня и вправду в горле пересохло от всех ваших допросов, – пробормотал Бонасье. – С удовольствием выпью с вами, господин.

Разлив шампанское по бокалам, человек в капюшоне незаметно сыпанул в один из бокалов щепотку белого порошка. Этот бокал он и протянул месье Бонасье.

– Выпьем за здоровье Короля? – спросил незнакомец.

– С удовольствием! – воскликнул Бонасье, осушая бокал.

Человек в капюшоне отпил пару глотков, не снимая капюшон.

– Что-то меня, однако, в жар бросило, – пробормотал Бонасье секунд через двадцать. – И как-то мутнеет всё…

– Надо же, как быстро, – пробормотал человек в капюшоне. –

Отличный порошочек.

– Вы что, меня отравили? – спросил Бонасье.

– Ну что вы, ничего подобного, – ответил человек в капюшоне. – Я всего лишь хочу открыть вам глаза. Ваша жена – шпионка, изменница, она предала Короля и Францию, вступив в сговор с нашими врагами – англичанами.

– Не может быть, – пробормотал Бонасье.

– Её следует наказать, но мы пощадим её и будем следить за ней, чтобы она больше не наделала глупостей, – продолжал человек в капюшоне. – Вы ведь будете докладывать мне обо всём, что узнаете от своей жены, когда получите её назад?

– Конечно, я буду докладывать, я буду приходить к вам и рассказывать всё! – воскликнул Бонасье. – Только куда мне приходить? Кто вы такой?

– Я? – переспросил незнакомец в плаще и капюшоне. – Я – тот, перед кем трепещут целые народы, и даже короли со всеми их мушкетёрами и гвардейцами! Дворяне боятся меня и ненавидят, крестьяне отдают мне последние гроши, чтобы спасти свои души! Я – великий кардинал Ришелье!

Кардинал резко сбросил плащ и предстал перед обалдевшим Бонасье в красной мантии и сияющим серебряным медальоном на груди. На медальоне, само собой, был изображён забитый палками раб, которому поклонялись все последователи кардинала, а также сам кардинал и Романский Поп. Под действием наркотика Бонасье показалось, что кардинал увеличивается в размерах, а его мантия колышется на ветру.

– Великий кардинал! – крикнул Бонасье, повалившись в ноги кардинала. – Я сделаю всё, как вы скажете! Я каждый день буду выспрашивать Констанс и рассказывать всё вам! Нет, я даже записывать это буду, чтобы чего не забыть! Слава великому кардиналу!

Кардинал немного поулыбался, глядя, как у него в ногах корчится никчемное существо, преданное ему всей своей жалкой душонкой.

– Уведите его, – сказал, наконец, кардинал. – Доставьте туда, где взяли и оставьте там.

– Спасибо вам! – заорал Бонасье, когда два гвардейца его выносили. – Да здравствует великий кардинал! Аминь! Слава великому кардиналу!

– Да, – пробормотал кардинал, снова надевая плащ с капюшоном. – Порошочек отменный. Из этой пешки я сделал шпиона, а из Королевы… Из Королевы я ещё и не такое сделаю. Главное, чтобы она не набросилась на меня с подобными воплями, – добавил он, прислушиваясь к затихающим вдали

крикам Бонасье.

Выезжая из Бастилии в карете, кардинал заметил членов дзенской общины, которые разукрашивали стены крепости рисунками-граффити. Один саньясин попытался расписать и кардинальскую карету, но гвардейцы вовремя его отогнали. А пока гвардейцы отгоняли первого саньясина, второй подобрался к карете с другой стороны и написал на ней «Да здравствует Король, да сгинет кардинал!» Из-за этой надписи карету Ришелье долго не хотели пропускать в кардинальский дворец, благодаря чему едва не сорвался очередной гениальный план кардинала.

Новыеприключениячайника

Д'Артаньян тем временем сидел дома и сквозь пол своей комнаты внимательно слушал, что вытворяют внизу гвардейцы, оставленные в засаде. Гвардейцы сначала уничтожили всю еду, какая только была в буфете Бонасье, и за одно только это голодный д'Артаньян готов был спуститься вниз и искрошить гвардейцев в капусту. Отобедав, гвардейцы начали пить чай и долго обсуждали достоинства и недостатки чайника с носиком. Д'Артаньян, слушая эту ерунду, чуть было не заснул в обнимку со шпагой. Однако он довольно быстро проснулся, услышав весьма необычные звуки – сначала скрипнула входная дверь, потом послышалась возня, звуки борьбы и женский крик:

– Пустите, я хозяйка этого дома!

– Так нам вас и надо! – ответил один из гвардейцев.

Д'Артаньян вскочил на ноги.

– Чёрт побери, где же эти три мушкетёрских алкоголика! – воскликнул он. – Придётся самому её спасать!

С этими словами д'Артаньян открыл окно и выпрыгнул на улицу со второго этажа, даже не подумав воспользоваться пожарной лестницей. На его счастье внизу стоял зазевавшийся прохожий, на которого и приземлился д'Артаньян. Оба они отделались лёгкими синяками, после чего д'Артаньян вскочил, добежал до входной двери, резко рванул её на себя и заскочил внутрь. Внутри пятеро гвардейцев вязали мадам Бонасье.

– Стоять именем Короля! – воскликнул д'Артаньян.

Гвардейцы не послушались и двинулись на него. Д'Артаньян подумал о том, как вернуть на свою сторону эффект внезапности и крикнул:

– Этим чайником пользовались гомики!

Гвардейцы разом застыли, одного из них даже стошнило. Д'Артаньян сполна использовал эффект внезапности, заколов двух гвардейцев и оглушив остальных. Оглядевшись и поняв, что все гвардейцы лежат, д'Артаньян вспомнил, что надо бы развязать мадам Бонасье. Она сидела в кресле без сознания, а под ногами у неё валялся носовой платок, похожий на тот, которым пользовался Арамис. Д'Артаньян вспомнил о платке Арамиса и попутно подумал о том, что неприятности всегда начинаются с носового платка. Мысленно приготовившись к неприятностям, д'Артаньян освободил мадам Бонасье от веревок. Теперь нужно было привести её в чувство. Д'Артаньян решил действовать по старинке и поцеловал мадам Бонасье в губы. Старинное средство подействовало ничуть не хуже, чем нашатырь – мадам Бонасье

тотчас же очнулась и влепила д'Артаньяну такую пощёчину, что он отлетел к камину и упал точно на чайник.

– Да как вы смеете! – крикнула мадам Бонасье, вставая из кресла. – Ах, это вы, месье д'Артаньян! Спасибо, что спасли меня! Но всё-таки вы не имели права меня целовать! Хотя, признаться честно, целуетесь вы неплохо. А Камасутру мушкетёры не изучают?

– Я её зачитал до дыр ещё в Марселе, – ответил д'Артаньян. – Знаете, сколько там деревенских дурочек, которые обожают тридцать вторую позу?

– Хм-м, я предпочитаю двадцать третью, – сказала мадам Бонасье. – Правда, после замужества я так не развлекалась. У нас с девчонками в Лувре скучная жизнь, чтоб вы знали! Хуже, чем в гаремах восточных султанов – совершенно некому нас развлечь, и ходят вокруг одни евнухи! Ладно, так я о чём? Вы не видели тут…

– Платок? – переспросил д'Артаньян. – Он под креслом. Надеюсь, никто из этих гвардейцев не успел использовать его по назначению.

– Как хорошо, что платок цел и невредим! – воскликнула мадам Бонасье, запихивая платок в сумочку. – Значит так, мне нужно бежать в Лувр.

– Вас же вроде как похитили? – спросил д'Артаньян.

– Да, меня взяли в плен гвардейцы кардинала. Они долго меня допрашивали, я им ничего не сказала, – просто потому, что сама ничего не знаю. Меня отпустили, а теперь эти вот опять попытались меня схватить, – ответила мадам Бонасье, обводя рукой лежащих на полу в живописных позах гвардейцев. – Наверно, им нужен был платок. Спасибо большое, месье д'Артаньян, что задержали этот отряд гвардейцев, а теперь мне и вправду надо бежать в Лувр, пока за мной не прислали ещё парочку таких отрядов.

– Позвольте мне хотя бы проводить вас, чтобы удостовериться, что всё будет в порядке, – сказал д'Артаньян.

– А вы не боитесь снова столкнуться с гвардейцами кардинала? – спросила мадам Бонасье.

– Я же мушкетёр! – гордо произнёс д'Артаньян. – Ну, почти. И я уже однажды победил их в стычке.

– Хорошо, д'Артаньян, я доверяю вам, – сказала мадам Бонасье. – Проводите меня до Лувра, только не задавайте лишних вопросов.

– Каких вопросов? – спросил д'Артаньян. – Например, чей это платок?

– Вот именно, – ответила мадам Бонасье. – Хотя вам я могу сказать, что это мой платок.

– Да ладно! Что я, шёлк не узнаю? – спросил д'Артаньян.

– Ну да, платочек я спёрла из Лувра, – сказала мадам Бонасье. – Я вообще люблю шёлк. И люблю носить шёлковое бельё.

– Вау! – сказал д'Артаньян и прислонился к стене, чтобы не упасть.

– Потом помечтаешь. Проводи меня в Лувр, пока эти мудаки не очнулись! – воскликнула мадам Бонасье, хватая д'Артаньяна за руку и вытаскивая его на улицу.

Д'Артаньян так замечтался, что только на улице пришёл в себя и догадался вложить шпагу в ножны. Уже стемнело. Планше всё ещё «бегал» за Атосом, Портосом и Арамисом, заставляя каждого из них просыпаться и опохмеляться.

В небе светили звёзды, по улицам Парижа разъезжали частные извозчики. Д'Артаньян решил было остановить извозчика, но вовремя вспомнил, что у него кончились деньги. Поэтому до Лувра нашим героям пришлось идти пешком.

– Пройдём через главный вход? – спросил д'Артаньян.

– Нет, сзади есть калитка, через которую обычно ходим мы, служанки Королевы, – ответила мадам Бонасье. – Охранники там всегда нас пропускают.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян. – Доведу вас до калитки, а что потом?

– А потом я пойду в Лувр, а вы вернётесь домой и уладите инцидент с гвардейцами, что же тут непонятного? – спросила мадам Бонасье.

– В смысле, когда мы с вами снова увидимся? – спросил д'Артаньян.

– Пока не знаю, – ответила мадам Бонасье. – Но обещаю, что наша с вами встреча очень скоро состоится. Ты точно знаешь наизусть всю Камасутру?

– Клянусь честью! – воскликнул д'Артаньян. – Выучил её от корки до корки!

– В таком случае, я позабочусь о том, чтобы мы обязательно встретились! – улыбнулась мадам Бонасье. – Ну что ж, вот мы и пришли. Мне пора, а вам лучше не показываться на глаза охранникам Лувра. И вообще, лучше бы вам обеспечить себе алиби на этот вечер, чтобы гвардейцы не могли доказать, что это вы их так здорово отделали.

– Обязательно, – сказал д'Артаньян. – Так, здесь рядом особняк Лесли Нильсена. Зайду туда и обеспечу себе алиби.

– Тогда до свидания, месье д'Артаньян, – сказала мадам Бонасье. – Я спешу уладить проблему Королевы, а вы, наверняка, спешите уладить проблемы Короля. Желаю вам в этом удачи.

– И я вам тоже желаю удачи, – сказал д’Артаньян. – До свидания, Констанс!

Мадам Бонасье на прощанье помахала ему рукой, прошла через калитку в Лувр и исчезла из поля зрения д’Артаньяна, растворившись среди деревьев королевского сада.

Липовоеалиби

А д'Артаньян отправился в особняк Лесли Нильсена. Там он встретил Планше, Атоса, Портоса и Арамиса. Те уже побывали в доме Бонасье, нашли в прихожей пятерых лежачих гвардейцев и поспешили доложить об этом Лесли Нильсену, а заодно спросить, не упекли ли д'Артаньяна в Бастилию. Лесли Нильсен сам терялся в догадках, но тут появился д'Артаньян, который поспешил прояснить ситуацию.

– Д'Артаньян, где вас черти носят? – спросил Атос, увидев д'Артаньяна. – Мы уж было подумали, что вас в Бастилию упекли! Кстати, наши дзенские монахи так стильно расписали стены Бастилии своими граффити, что я бы не отказался посидеть там какое-то время. Особенно, если изнутри такой же дизайн.

– Нет, изнутри там пока скучно, как и раньше, – усмехнулся Лесли Нильсен. – Но я думаю, что ребята быстро это исправят, раз уж взялись за такое дело.

– Д'Артаньян, вы, кажется, собирались рассказать, что с вами случилось, – заметил Портос.

– Сначала обеспечьте мне алиби, – попросил д'Артаньян. – Мне нужны свидетели, готовые подтвердить, что сегодня в девять вечера меня не было дома и потому я не мог замочить гвардейцев кардинала.

– Без проблем, – сказал Лесли Нильсен, перебирая бумаги на столе. – Передо мной как раз график дежурств. Сейчас запишем, что вы заменяли приболевшего Картуша. Именно в девять вечера, точнее – с шести вечера и до полуночи.

– А я что, приболел? – спросил Картуш, заглядывая в кабинет.

– А ты разве не в курсе? – удивился Лесли Нильсен.

– Знаете, вы правы, что-то я покашливаю, кхе-кхе-кхе, – ответил Картуш. – Пойду-ка я лечиться.

– Лечись, но завтра чтоб был здесь, – крикнул ему вдогонку Лесли Нильсен. – Скажем, что ты в реку упал и простудился. Ну что ж, д'Артаньян, рассказывайте, как вы дошли до жизни такой.

– Я только что спас из лап гвардейцев кардинала служанку Королевы, – ответил д'Артаньян. – Она такая классная, я в неё сразу же влюбился, хоть она и замужем.

– Ну, для настоящего мушкетёра это не помеха, – сказал Арамис. – Тут есть несколько фокусов, с помощью которых можно за один вечер очаровать любую женщину.

– Правда? – спросил д'Артаньян. – И что же это за фокусы?

– Ребята, потом про баб поговорите, – сказал Лесли Нильсен. – Вы мне лучше объясните, д'Артаньян, чего гвардейцам

понадобилось от королевской служанки?

– Она не просто служанка, сенцей, – начал д'Артаньян, но Лесли Нильсен прервал его:

– Я понял, что ты в неё втюрился, но давай без лирики. Что с ней не так?

– Она работает на Королеву, – ответил д'Артаньян. – Устраняет проблемы, как она сказала. Ну, что-то вроде того, чем занимаются мушкетёры для Короля.

– А чем мы занимаемся для Короля? – спросил Портос.

– Над кардиналом прикалываемся, – ответил Лесли Нильсен. – Да, я слышал про особое подразделение королевских гувернанток. Они все тщательно законспирированы, не хуже, чем агенты ЦРУ.

– Кто? – спросил д'Артаньян.

– Никто. Это я так, – пробормотал Лесли Нильсен. – Интересно, что понадобилось кардиналу от королевских гувернанток? Небось, опять заговор строят. Пойду-ка я в Лувр, может, чего нового и узнаю. Вы, д'Артаньян, идите в дозор, вам дадут плащ, будете замещать Картуша. И лучше стойте в дозоре всю ночь, да и вообще несколько дней вам было бы лучше не появляться дома.

– Можешь пожить у меня, – сказал Портос. – А то я ремонт делаю, и мне еще одна пара рук пригодится.

– Спасибо за поддержку, – сказал д'Артаньян.

– Ну, я пошёл, – сказал Лесли Нильсен, надевая шляпу, маску и накидку. – Теперь можете сплетничать о бабах.

– Так вот, д'Артаньян, вам нужно… – начал Арамис.

Невидимаявойнаутрона

Когда Лесли Нильсен явился в Лувр, он обнаружил, что Король принимает у себя кардинала. Ришелье жаловался Его Величеству на то, что хулиганы дзен-буддисты разрисовали его карету антикардинальскими лозунгами, и поэтому охрана долго не пропускала карету Ришелье в его собственный дворец. Король, естественно, смеялся от души над проделками своих дзенских монахов. Про себя он даже решил дать им денег на раскраску Бастилии изнутри.

Когда слуга доложил о приходе Лесли Нильсена, Король удивился.

– Нильсен? – переспросил Король. – Что ему понадобилось во дворце в столь поздний час? Ладно, пусть войдёт.

В гостиную, где беседовали высокие особы, вошёл Лесли Нильсен.

– Добрый вечер, Ваше Просветлейшество! – сказал Лесли Нильсен, поклонившись Королю. – И вам привет, господин кардинал, – добавил он, разогнувшись и заметив кардинала.

– Что вам угодно, месье Нильсен? – спросил Король.

– Неспокойно в Париже, Ваше Просветлейшество, – ответил Лесли Нильсен. – Говорят, гвардейцы господина кардинала нападают на мирных жителей.

– Как, господин кардинал? – воскликнул Король. – Такой наглости я вашим гвардейцам не спущу, если окажется, что это правда!

– Врут, Ваше Величество, – спокойно ответил кардинал. – Мои люди всего-навсего пытались задержать заговорщика, английского шпиона, но как мне доложили, какой-то мушкетёр набросился на них со шпагой и отделал пятерых гвардейцев.

– Один мушкетёр?! – воскликнул Король. – Вот молодец!

Кардинал многозначительно кашлянул.

– Ах, да! – спохватился Король. – Надеюсь, ваши гвардейцы сильно не пострадали?

– Мне докладывали, что двое или трое убиты, – ответил кардинал. – Кстати, Ваше Величество, с каких это пор ваши мушкетёры защищают английских шпионов?

– Да, точно, вы же говорили что-то про шпиона! – спохватился Король. – Нильсен, как такое могло произойти, что мушкетёры стали защищать иностранных шпионов?

– Ну, во-первых, позвольте заметить, что даже иностранного шпиона лучше оградить от пыток, которым его наверняка подвергли бы люди господина кардинала, – съязвил Лесли

Нильсен, и Король хохотнул. – А во-вторых, все мои мушкетёры сегодня в дозоре или на других заданиях. Можете проверить по списку, я знаю, где сегодня были все тридцать два.

– Значит, это сделал не мушкетёр, – согласился кардинал. – Но я взял на себя смелость проверить адреса ваших людей и сопоставить их с адресом того дома, где было совершено нападение на моих гвардейцев. Оказалось, что в том же самом доме живёт некий месье д'Артаньян, который числится в вашем особом полку.

– Да, что-то я такое помню про этого д'Артаньяна, – сказал Король. – Не он ли весной разуделал нескольких гвардейцев, напавших на него с криком о спасении души?

– Он самый, Ваше Просветлейшество, – кивнул Лесли Нильсен. – Но сегодня господин д'Артаньян тоже был в дозоре – замещал заболевшего мушкетёра.

– Неужели? – спросил кардинал. – А вы уверены, что ваш заболевший мушкетёр не имеет отношения к убийству моих гвардейцев?

– Никакого отношения, – покачал головой Лесли Нильсен. – Я сам видел, как бедняга Картуш сегодня свалился в реку. Несмотря на лето, последние дни было прохладно, и вода в реке тоже не слишком-то тёплая. Вот парень и простудился слегка. Можете проверить – он сегодня обращался к моему лекарю насчёт лёгкой простуды. Я же говорил, что знаю всё о моих тридцати двух мушкетёрах.

– И о нескольких сотнях солдат особого полка вы, вероятно, тоже всё знаете? – язвительно спросил кардинал.

– Нет, о них я всего не знаю, – ответил Лесли Нильсен. – Но могу проверить, и если вам нужны сведения, я могу завтра же представить вам список всех моих людей с подробным описанием того, что каждый из них сегодня делал. Могу представить вам и десяток-другой свидетелей, готовых всё это подтвердить.

– Браво, месье Нильсен, я верю вам, – сказал кардинал. – Хороший сенцей должен знать всё о своих учениках. Я рад, что в нашей стране есть такие люди, как вы. Если бы на меня работали такие же профессионалы…

– А разве граф Рошфор не справляется? – улыбнулся Лесли Нильсен.

– Прекрасно справляется, – ответил кардинал. – Но вы, месье Нильсен, справляетесь со своими людьми лучше.

– Это потому, что я строю с ними отношения на дружбе и доверии, – ещё раз улыбнулся Лесли Нильсен.

– Мои люди тоже профессионалы, – сказал кардинал. – Они и займутся расследованием того, что случилось сегодня вечером.

Поручу это графу Рошфору, раз уж вы так хорошо о нём отзываетесь.

– Послушайте, господин кардинал, мне так надоели эти разговоры о политике, шпионах, гвардейцах и стычках! – воскликнул Король. – У нас через два дня назначен бал, чёрт побери! Лучше бы вы мне доложили, как идёт к нему подготовка!

– Мои мушкетёры вовсю готовят новые юмористические номера вместе с членами дзенской общины, – быстро доложился Лесли Нильсен.

– А вы, кардинал? – спросил Король.

– Вы же знаете, я не сторонник светских развлечений, – сказал кардинал. – Да и мои люди тоже. Но я мог бы дать вам совет.

– С удовольствием выслушаю ваши советы, – сказал Король.

– Было бы просто замечательно, если бы Её Величество появилась на балу в том прекрасном ожерелье, которое, если мне не изменяет память, вы подарили ей недавно, – сказал кардинал. – Это бы очень украсило наше торжество, правда, месье Нильсен?

Король с Лесли Нильсеном переглянулись, понимая, что речь идёт о Жемчужине Дао и что кардинал не понимает, о чём говорит, или понимает, но делает вид, что не понимает.

– Возможно, но я плохо разбираюсь в драгоценностях, – ответил Лесли Нильсен.

– В принципе, мысль неплохая, – сказал Король, вздохнув и помрачнев при мысли о пророчествах лорда Дюмона. – Надо будет сказать об этом завтра Её Величеству. А музыканты уже прибыли?

– Насколько мне известно, утром их устроили в нашей лучшей гостинице, – ответил Лесли Нильсен.

– И кто у нас будет играть на этот раз? – спросил Король.

– Музыкантов мы пригласили из Германии, – ответил Лесли Нильсен. – Кажется, там будут Херр Скутер со своей бандой и ещё кто-то, сейчас, к сожалению, не могу вспомнить имён.

– Отлично! – воскликнул Король. – Молва о них ходит по всей Европе. Это замечательно, что мы увидим и услышим их вживую!

– Конечно, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен.

– А на следующем балу мне бы хотелось услышать шотландских волынщиков, – сказал Король. – Я понимаю, что у нас сложные дипломатические отношения с Англией, но, возможно, если мы пригласим их музыкантов на бал, это поможет сгладить острые дипломатические углы. Хорошо я придумал, верно, господин кардинал?

– А вы не боитесь, что английские музыканты могут оказаться

шпионами? – спросил кардинал.

– Не боюсь, – ответил Король. – В конце концов, и французы, и англичане – славные потомки кельтов, а это важнее, чем все ваши дипломатические промахи, верно, господин кардинал?

– Несомненно, Ваше Величество, – вздохнул кардинал, сверкнув глазами.

– С вашего разрешения, я удалюсь, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен. – Проверю, как там мои мушкетёры охраняют дворец.

– Идите, Нильсен, идите, – кивнул Король. – И не слишком утруждайтесь, выспитесь хорошенько. Мне нужен сенцей в рабочем состоянии.

– Благодарю вас, Ваше Просветлейшество, – сказал Лесли Нильсен, выходя из кабинета. – Спокойной ночи.

Выходя из дворца, Лесли Нильсен подумал, что сегодня кардинал как-то уж очень быстро сдался и очень уж вяло протестовал против всей той ахинеи, которую предлагали Король и сенцей.

«Уж лучше бы он упирался, – подумал Лесли Нильсен. – Тогда я бы поверил, что мы по-настоящему его опустили. А то непонятно – у него такой вид, будто он вот-вот собирается нас натянуть и заставить ответить за козла. Надо быть очень осторожным с этим кардиналом. И чего это он про Жемчужину вспомнил? Если верить пророчеству, Жемчужину у нас сопрёт не кардинал. Или он что-то такое проведал? Английские шпионы ему везде мерещатся, как будто он сам их сюда подсовывает… Интересно, что он всё-таки на этот раз задумал?»

На Париж опустилась ночь. Лесли Нильсен долго не мог заснуть, а потом принял снотворное и захрапел. Д’Артаньян всю ночь стоял в дозоре, а на другой день временно переехал к Портосу и был мобилизован на ремонтные работы – починку стен, потолка и установку новой двери с хитрым замком. Герцог Бэкингем тоже не спал, обдумывая, как бы обвести вокруг пальца кардинала и предупредить Королеву. Одним словом, ночка выдалась неспокойная.

Подготовкакбалу

Прошло два дня. Д'Артаньян смог наконец-то вернуться домой после того, как Лесли Нильсен сообщил ему, что гвардейцы кардинала слишком заняты новым заговором, чтобы расследовать, почему провалился заговор старый. О том, что же это за новый заговор, Лесли Нильсен ничего не знал, что весьма беспокоило и самого сенцея, и всех его мушкетёров. Ну, а поскольку Лесли Нильсен предположил, что козни кардинала как-то связаны с предстоящим балом, мушкетёрам и особому полку практикующих магов вечером предстояло охранять Лувр, не упуская из виду никого и ничего.

После разговора с Лесли Нильсеном д'Артаньян отправился домой и завалился спать. Он сильно устал, занимаясь евроремонтом в квартире Портоса, который был несказанно рад, что д'Артаньян какое-то время пожил у него. Квартира мушкетера за эти дни преобразилась до неузнаваемости. Под потолком Портос повесил новую модель люстры, рассчитанную на десяток свечей. Люстра была дизайнерской вещью, украшенной стекляшками и завитушками, благодаря чему смотрелась очень эффектно.

Д'Артаньян отсыпался после ремонта весь день, а вечером напялил форму и отправился охранять Лувр. В Лувре между тем готовились к балу. Музыканты расставляли на сцене весьма загадочные инструменты. Херр Скутер и Жан-Мишель Вжарь собирали какое-то приспособление из стеклянных и металлических трубочек, маленьких колокольчиков и прочего хлама. Всё это присоединялось к роялю странной формы, клавиши которого управляли всем этим подвешенным в воздухе металлоломом. А рояль был странным потому, что у него была не одна клавиатура, как у всех нормальных инструментов, а целых три, нависающие одна над другой. Рядом на столе в стратегическом порядке были установлены разнокалиберные рюмки, наполненные водой. Секрет был в том, что если водить мокрым пальцем по рюмке с водой, она начинает издавать звук. Причём звук этот зависит от формы рюмки и от количества налитой в неё воды. Монахи дзенской общины изучали звучание рюмок несколько лет, прежде чем смогли собрать сложный музыкальный инструмент.

Помимо этих экзотических инструментов, рабочие сцены вносили и ставили традиционные – фортепиано, клавесины, парочку барабанов, скрипки, флейты, лютни. Одним словом, в танцевальном зале Лувра собрался целый оркестр.

У другой стены городили нечто, похожее на театр теней. Кроме того, придворный специалист по фокусам и спецэффектам решил удивить публику и показать всем привидение. Для этого фокусник собирался использовать дым и зеркала. Короче говоря, подготовка к празднику шла полным ходом.

Герцог Бэкингем дожидался, когда за ним придёт либо мадам Бонасье, либо люди кардинала. Сам кардинал с графом Рошфором составляли план, прикидывая, как будут расположены охранные посты мушкетёров. Королева ожидала праздника с нетерпением, ибо – по плану – сразу после бала она должна была увидеться с герцогом Бэкингемом в одной из потайных комнат дворца.

Сумасшедшийбал(часть1)

Наконец-то наступил вечер, и началась игра. В Лувре собрались все сливки французского общества – королевские родственники, дворяне, члены дзенской общины, кардинал и парочка его людей, ну и, конечно же, мушкетёры, которые в самом празднике почти не участвовали, потому что охраняли всех вышеперечисленных лиц. Представление началось с произведений классической музыки в исполнении оркестра. Собравшиеся танцевали классические танцы, при этом с удивлением поглядывая на конструкцию, которую собрали Херр Скутер и Жан-Мишель Вжарь.

В это самое время мадам Бонасье, которую д'Артаньян рассчитывал увидеть во время бала, бегала по парижским улицам, для пущей маскировки завернувшись в чёрный плащ. Найдя дом, в котором герцог Бэкингем поселился после стычки с гвардейцами кардинала, мадам Бонасье подошла к двери и постучала. Во втором этаже дома открылось окно, из которого выглянул слуга герцога.

– Это вы, мадам Бонасье? – спросил слуга шёпотом. – Это точно вы?

– Я это, я! – ответила мадам Бонасье, откидывая капюшон.

– А за вами хвоста нет? – спросил слуга герцога.

– Нет! Можете выйти и проверить, – ответила мадам Бонасье.

– Хорошо, сейчас я спущусь и открою, – сказал слуга, закрывая окно.

Через пару минут дверь дома открылась, и мадам Бонасье тихо зашла внутрь. Слуга провёл её по тёмному коридору в просторную комнату, где горело несколько свечей, а из мебели в этой комнате были только стол, диван и старое кресло. У стола стоял человек в мушкетёрской форме и рассматривал себя в маленькое зеркало, так как другого в комнате не было.

– Добрый вечер, мадам, – сказал мушкетёр и обернулся.

Этим неизвестным оказался герцог Бэкингем, который переоделся в мушкетёрскую форму.

– Ах, милорд, это вы! – воскликнула мадам Бонасье. – Признаться честно, я вас не узнала.

– Это хорошо, – улыбнулся герцог Бэкингем. – Если меня не узнали вы, не узнают и посторонние. Ну что ж, вы пришли, говорите, куда надо идти и что делать.

– Пойдёмте, милорд, я проведу вас, – сказала мадам Бонасье. – В Лувр вы пройдёте без проблем, там сейчас полно мушкетёров – все охраняют Короля и Королеву. Ходят слухи, что

кардинал готовится выкинуть какой-то фортель во время бала.

«И ещё какой! – подумал герцог Бэкингем. – Если бы я только мог предупредить Королеву!»

– Одну минуту, мадам, – сказал герцог вслух. – Я только возьму с собой письмо.

Взяв со стола конверт, герцог спрятал его в карман и вышел на улицу следом за мадам Бонасье.

В Лувре между тем праздник был в самом разгаре. С классической музыкой покончили, и за дело взялись Херр Скутер и Жан-Мишель Вжарь, а также дзенские монахи со своими свистящими рюмками. Начиналось всё очень даже мирно – сначала музыканты продемонстрировали, как звучат колокольчики и трубочки, соединённые с роялем, сыграв простую и медленную мелодию. Потом в дело пошли рюмки, звук которых напоминал звучание флейты. Король был весьма доволен, а потом Херр Скутер дал команду барабанщику, и тот вжарил по барабанам. Жан-Мишель Вжарь не остался в долгу и вжарил по своему роялю. Всё это разбавлялось звуками лютни, которая в руках Скутера почему-то дребезжала как ненормальная. Били барабаны, звенели трубочки и колокольчики, свистели флейты, хрипели рюмки, дребезжала лютня. Всё это в целом создавало неплохую музыку, так что Король, которому представление понравилось, объявил:

– Танцуют все!

Народ начал дергаться в ритме музыки, а Херр Скутер запел:

Удолбай меня скорей
И водой меня облей.
Как наступит опохмел,
Я скажу, что поплохел.
А сейчас ты зажигай,
Никуда не убегай,
Пой-танцуй со мной давай,
А я вжарю в барабан!
Но пока я не упал,
Я хочу воткнуть запал
И хочу я точно знать,
Как ту гадость мне назвать,
Что лежала на столе
И что я топил в вине.
Я узнал, что это было,
Это – заливная рыба!

Скорее всего, народ, собравшийся в Лувре, в текст этой песни

не въехал, как не въехал в неё, судя по всему, и сам Скутер. Но вся эта чушь неплохо звучала под барабаны, рюмки, рояль с колокольчиками и всю остальную какофонию. Королю всё это понравилось, а чтобы понравилось и всем остальным, Король крикнул:

– Подать всем шампанского!

Расчёт Короля был весьма точен – как только гости выпили по паре бокалов, вопли Скутера начали восприниматься как должное. Жан-Мишель Вжарь продолжал вжаривать по своему роялю, который издавал всё более и более странные звуки. Скутер откуда-то достал волынку и дунул в неё. По общему мнению собравшихся, лучше бы он этого не делал. От звука волынки поморщился даже Король, а кардинал скорчил такую рожу, как будто только что в новых ботиках вляпался в коровий навоз.

Однако, несмотря на выражение лица кардинала, концерт продолжался. Снова задребезжали колокольчики, забили барабаны, к флейтам присоединились скрипки… Публика с ужасом узнала в мелодии древний кельтский гимн, который Херр Скутер со своими музыкантами так обработал и положил на него такие слова, что гимн стал неузнаваем. Тем не менее, барабаны били, флейты свистели, рояль издавал неестественные звуки, и постепенно публика подстроилась. Сказалось и количество выпитого спиртного. Скутер на этот раз пел такое:

Я всю стену поломал,
Молотком я раздолбал.
А теперь я вышел в сад,
И пчела куснула в зад.
Чтоб ещё я так орал,
Как меня гад удолбал!
Больше я не Винни-Пух,
Больше не пою я вслух,
Больше в улей не полезу,
Хоть хочу жрать до зарезу!
Лучше буду грызть гранит,
Хоть с него перитонит.
Может, я помру не сразу,
Прихвачу с собой заразу!

О какой именно заразе шла речь, Скутер не уточнил, но публике было уже всё равно – всех дружно плющило и колбасило. Главный фокусник достал из кармана связку бенгальских огней и начал зажигать их от свечей, расставленных вдоль стен. Через пару минут все гости обзавелись бенгальскими огнями и стали

размахивать ими в такт прыжкам Скутера. Сам же Скутер так завёлся, что стащил с себя майку и даже пытался снять с себя штаны, но его вовремя одёрнул Жан-Мишель Вжарь, вжарив Скутеру коленом по мягкому месту. Скутер вопросительно посмотрел на Вжаря, взглядом спрашивая:

– Чего тебе?

Вжарь, не переставая играть, кивнул в сторону штанов, покрутил пальцем у виска и кивнул в сторону Короля. Скутер поглядел на Короля, пригляделся как следует, после чего вспомнил, что он в Лувре, а не в борделе, и продолжил скакать по сцене, но в штанах. Песня дошла до припева:

Я хочу жрать, я хочу жрать,
Я всегда хотел жрать
Ту рыбу, что плавает быстрее всех!

Кардинал был близок к обмороку…

Подумав, чем бы ещё развлечь толпу, Скутер подскочил к органу, который пылился у одной из стен рядом с другими музыкальными инструментами.

– Нет! – прошипел кардинал, глядя на Скутера. – Можешь даже снять штаны, но орган ты не тронешь!

Однако было уже поздно – подскочив к органу, Скутер начал лупить по клавишам. Толпа восторженно взвыла, потому что ни Король, ни даже кардинал не могли предположить, что орган может звучать таким образом.

– А теперь позвольте представить вам специальных гостей, которые прибыли с нами – цыганский табор «В небо»! – крикнул Жан-Мишель Вжарь, что-то скомандовал – и в зал ввалился цыганский табор.

Музыка не останавливалась ни на секунду. К барабанам присоединились гонги и бубенцы, к флейтам, скрипкам и рюмкам – трубы и рожки, а соло Скутера на органе было настолько невероятным и неподражаемым, что к нему уже ничего не присоединилось.

Кардинал уже приготовился падать в обморок, но тут к нему подошёл Рошфор и шепнул:

– Господин кардинал, пора! Герцог уже на подходе.

– Окей, – шепнул Рошфору кардинал, сразу раздумавший падать в обморок. – Перерыв скоро?

– Понятия не имею, – ответил Рошфор. – В крайнем случае, герцог подождёт.

– Герцог-то подождёт, а я ждать не намерен, – сказал кардинал. – Рошфор, найди нам пару бокалов шампанского и

тащи сюда. Угостим нашим порошочком Королеву.

– Вы бы потише, ваша светлость, вдруг кто услышит? – предупредил Рошфор.

– В таком шуме и гаме? – усмехнулся кардинал. – Не смеши меня, лучше за шампанским сбегай.

– Есть, сэр! – сказал Рошфор и отправился ловить официанта.

Непостельнаясценавсаду

Мадам Бонасье и герцог Бэкингем между тем подходили к Лувру со стороны той самой калитки, через которую мадам Бонасье обычно проходила во дворец. На их несчастье, в саду, неподалёку от калитки как раз прогуливался д'Артаньян под предлогом патрулирования сада. На самом деле он надеялся увидеть там мадам Бонасье. И увидел. С мушкетёром, которого в темноте д'Артаньян принял за Арамиса. Увидев «Арамиса» с мадам Бонасье, д'Артаньян потерял терпение. Выражаясь современным продвинутым языком, у него снесло башню. Д'Артаньян подскочил к этой парочке и преградил им путь.

– Арамис, как ты мог, это ж моя девушка! – заорал д'Артаньян, вытаскивая шпагу.

«Арамис» тоже вытащил шпагу и приготовился защищаться, но между ними встала мадам Бонасье и осадила д'Артаньяна возгласом:

– Я не твоя! И тем более, не девушка! А это не Арамис!

– Ой, в самом деле! – воскликнул д'Артаньян, приглядевшись к своему противнику. – Я, должно быть, обознался.

– В таком случае, молодой человек, позвольте нам пройти, – сказал герцог.

– Это ничего не меняет. Если вы не Арамис, я хочу знать, кто вы, чёрт побери! – воскликнул д'Артаньян.

– А я вам этого не скажу! – воскликнул герцог, и их шпаги скрестились.

– Милорд, прошу вас, не делайте этого! – воскликнула мадам Бонасье.

– Милорд! – прошептал д'Артаньян, снова присматриваясь к своему противнику. – Ёшкин кот, вы ж герцог Бэкингем!

– Признаться, не понял ваших слов про кота, но не сомневаюсь, что это был комплимент, – улыбнулся герцог Бэкингем и опустил шпагу, увидев, что д'Артаньян опускает свою.

– Тогда… проходите, – пробормотал д'Артаньян. – В этой форме вас пропустят без труда. – Пароль знаете?

– «Не придуривайся», – ответил герцог.

– Верно, – кивнул д'Артаньян. – Понимаете, я думал, вы это… а вы… того… Проходите, одним словом.

– Вы – честный человек, юноша, – сказал герцог Бэкингем. – С удовольствием бы ещё с вами поболтал, но сами понимаете, не могу задерживаться ни на секунду.

– Погодите, дайте автограф! – воскликнул д'Артаньян, доставая из кармана бумажку.

– А откуда мне знать, что вы не покажете этот автограф кардиналу как доказательство того, что я был здесь? – спросил герцог Бэкингем.

– Да плевал я на кардинала! – воскликнул д'Артаньян, плюнув в кусты.

– Хорошо, тогда распишусь, – сказал герцог. – Перо у вас есть?

– Сейчас, – сказал д'Артаньян, вытаскивая перо из шляпы. – Вот перо, а чернила…

– У меня есть, – сказала мадам Бонасье, доставая из плаща чернильницу. – Всегда ношу с собой – на всякий случай.

– Из нас получится отличная пара, ведь у меня перо, у вас – чернильница, – пробормотал д'Артаньян.

– Нельзя ли без пошлых намёков? – оборвала его мадам Бонасье.

Герцог между тем расписался на бумажке и вручил её д'Артаньяну.

– Благодарю вас, милорд, я спрячу это самым тщательным образом и передам по наследству потомкам! – воскликнул д'Артаньян.

– Польщён! – сказал герцог. – Но нам пора.

– Не смею вас больше задерживать, – сказал д'Артаньян.

Герцог и мадам Бонасье прошли во дворец и затерялись в бесконечных коридорах. А д'Артаньян подошёл к фонарю и стал разглядывать, что же ему написал герцог Бэкингем.

– Что?! – удивлённо воскликнул д'Артаньян. – «Придурку, пропустившему меня в Лувр. С уважением, герцог Бэкингем»? Да он что, издевается?

Сложив листок, д'Артаньян запрятал его в самый глубокий карман.

Сумасшедшийбал(часть2)

Бал в Лувре между тем вступил в стадию антракта. Произошло это весьма неожиданно – Херр Скутер решил промочить горло и вылил себе на голову бутыль шампанского. Трудно сказать, какое количество напитка попало ему в рот, но Скутер закашлялся, споткнулся и упал. Его подхватили цыгане и утащили куда-то за кулисы. Публика ахнула, но Жан-Мишель Вжарь взял дело в свои руки, что-то скомандовал остальным музыкантам и начал наигрывать успокаивающую мелодию на колокольчиках. К нему присоединились скрипки, флейты и рюмки. Гости понемногу успокоились.

Заметив, что Король увлечён беседой с кем-то из дворян, кардинал подошёл к Королеве.

– Добрый вечер, Ваше Величество! – сказал он. – Праздник всё же удался на славу, хотя, признаться, эти варвары меня немного нервируют.

– Ну, что вы, ваша светлость, надо быть ближе к народу! – улыбнулась Королева. – Такая вот у нас современная музыка. Говорят, на окраинах Парижа эти ребята собирают толпы народа. Пора бы и нам, людям с хорошим вкусом, попробовать то новое, что приготовили наши музыканты. И знаете, я нахожу эту музыку приятной. Есть в ней что-то такое, что затрагивает самые глубины души, вы не находите?

Кардинал в этот момент заметил Рошфора, который тащил к нему официанта с бокалами шампанского.

– Что до меня, эта музыка не затрагивает, а только раздражает душу, – ответил кардинал. – Может быть, выпьем, Ваше Величество? За здоровье Короля?

С этими словами кардинал взял с подноса два бокала и незаметно для Королевы сыпанул в один из них большую щепотку белого порошка.

– Не могу отказаться от такого тоста! – сказала Королева, принимая бокал из рук кардинала. – Господа, у господина кардинала родился замечательный тост! – громко сказала Королева, привлекая внимание.

– За здоровье Короля! – провозгласил кардинал.

Выпили все, даже Скутер, которого цыгане и – особенно цыганки – откачали в предбаннике.

– Благодарю вас, господин кардинал, – сказал Король, направляясь к Королеве.

– Чёрт побери, Рошфор, отвлеки чем-нибудь Короля! – шепнул кардинал на ухо своему пиарщику. – Нельзя, чтобы он

сказал что-либо Королеве раньше меня!

Рошфор начал напряжённо думать, так как времени не оставалось, но тут на сцену вылетел Скутер и снова подскочил к органу. Кардинал вздохнул, но тут же рассудил, что лучшего момента не найти, и повернулся к Королеве. Действительно, в этот момент всё внимание публики было захвачено прыжками Скутера вокруг органа, даже Король приостановился, чтобы отпустить шуточку по этому поводу. Кардинал повернулся к Королеве и заметил по её лицу, что наркотик уже начал действовать.

– Сейчас вам предстоит свидание с герцогом Бэкингемом, – шепнул кардинал на ухо Королеве. – Вы ведь так любите его, Ваше Величество.

Одурманенная наркотиком Королева кивнула.

– Вы так давно его не видели и ещё долгое время не увидите, – продолжал кардинал. – Пусть он оставит вам что-нибудь на память о себе, а вы оставите ему на память Жемчужину Дао. Вы меня поняли, Ваше Величество? Вы подарите на память герцогу Бэкингему Жемчужину Дао, верно?

– Я так и сделаю, – кивнула Королева.

– И ни слова Королю! – шепнул кардинал.

– Ни слова! – кивнула Королева.

– А теперь идите, потанцуйте с Его Величеством, – сказал кардинал, отпуская Королеву.

Между тем к ним уже подошёл Король.

– Ваше Величество! – сказала Королева, поглядев на Короля.

– Да, дорогая? – спросил Король.

– Ваше Величество, какое у вас величество! – воскликнула Королева и бросилась Королю на шею.

Скутер сразу же понял настроение Их Величеств и врубил соответствующую музыку, кивнув барабанщику, который начал отбивать ритм. Таких танцев в Лувре не видели никогда – ни до, ни после этого случая. Король с Королевой начали танцевать в ритме, под который остальные подстроились далеко не сразу. А Скутер, который из этого ритма вообще никогда не выходил, понял, что Их Величества его поняли, снял штаны и начал бегать по сцене в плавках. Он ещё играл зубами на лютне и скрипке, потом схватил смычок, некоторое время размахивал им над головой, после чего швырнул смычок в зал. Попал смычок точно в глаз Рошфору. С дикими воплями, выражающими удовольствие от этой проделки, Херр Скутер подскочил к органу и начал играть на нём задницей. Кардинал был настолько близок к обмороку, что начал нюхать шампанское. Это не очень помогло, тогда он начал пить. Это помогло больше, и кардинал даже поймал пьяного

Рошфора на странных и неприличных движениях. Поняв, что и сам теряет контроль над телом, кардинал схватил Рошфора за ухо и выволок из зала.

Между тем в зал спустились цыгане, которые присоединились к общим танцам в бешеном ритме Скутера. Цыгане подыгрывали на бубнах, трещотках, скрипках и прочих национальных инструментах. Кроме того, они ещё и подпевали – это было не сложно, так как Скутер перешёл на нечленораздельные вопли. К удивлению пляшущей толпы активизировался театр теней – во всём зале погасили свечи, зажёгся фонарь с другой стороны занавеса, и на сцене появились тени двух воинов с мечами. Воины начали драться.

Скутер, увидев это, завыл, схватил скрипку и начал играть на ней, но, видимо, перепутал скрипку с лютней, так как начал брать аккорды и переборы. Звук получился офигенный. Скутер, решив усугубить процесс, достал откуда-то деревянную щепку и начал использовать её как медиатор. Толпа уже давно была в восторге и не выходила из этого состояния. Лесли Нильсен, как почтенный сенцей на старости лет, отбивал чечётку. Пританцовывали даже мушкетёры, охранявшие зал. Да что там мушкетёры! Д'Артаньян, дежуривший в саду, услышав музыку, начал скакать по колючим кустам. И герцог Бэкингем, которого мадам Бонасье провела в дальнюю комнату, не смог противостоять ритму музыки – тоже начал отбивать стэп.

Бросив скрипку, Скутер достал из-под рояля лезвие косы и ещё одну железяку и начал ритмично лупить ими друг об друга…

В заключение со своим номером выступил королевский фокусник. Неожиданно все огни в зале погасли, кроме нескольких свечей на сцене. Погас даже театр теней, а в углу рядом со сценой взвился к потолку столб дыма, в котором вдруг ясно проступило лицо и фигура Короля Карла Великого.

– Привидение! – взвыла толпа.

– Не ругай меня, дедушка! – крикнул испуганный Король. – Я не разбазаривал бюджет!

Одновременно с появлением привидения началась музыка – члены дзенской общины, расположившиеся на балконе над залом, дунули в свои храмовые трубы, которые они ещё днём притащили в Лувр. Каждая храмовая труба была огромной и чем-то напоминала рог невероятного животного, да и дунуть в такую трубу мог не каждый. Тем не менее, дзенские монахи дунули. Да как дунули!

Раздавшийся звук и одновременное с ним появление привидения заставили толпу взвыть – кого-то от неожиданности, а кого-то и от ужаса. Начали бить барабаны, на сцену откуда-то

выпрыгнули индейские воины и стали скакать вокруг призрака, исполняя под музыку свой шаманский танец. Увидев, что слишком напугал толпу призраком Карла Великого, фокусник убрал от своих зеркал портрет Короля и притащил на его место Скутера. Когда толпа увидела, как призрак исчез, а его место в дыму заняло трёхмерное изображение Скутера в плавках, все гости во главе с Королём дружно расхохотались, начали посвистывать и улюлюкать в такт индейским танцам. Храмовые трубы всё ещё выдавали невероятный звук, барабаны стучали, индейцы прыгали вокруг столба дыма, выкрикивая что-то типа «Хэйа-хэйа-хэйа-нахуэйа!» Херр Скутер под всё это дело начал петь очередную околесицу:

Я по улице шёл, тебя увидел и упал,
Не заметив даже лужу под ногами.
Проехала карета, обдала меня с головой,
Так замочил я, на фиг, своё оригами!

Никто не понял, что такое оригами и как именно Скутер умудрился его замочить, но дальше текст был ещё более замысловатый:

Ты взглянула на меня,
Я головой об стену бьюсь от счастья.
Не узнаю себя -
Пишу стихи о прекрасном.
Ты – как луч света в болоте тёмном моей жизни,
Я люблю тебя за это, давай стартуем к новой жизни!
Пусть звёзды над нами плачут и смеются,
Пусть моря и океаны закипят, перевернутся.
Я буду с тобой, если ты меня захочешь,
И сто лет подряд тебе желать буду спокойной я ночи!

Король, ничего не понявший из данной текстовки, шепнул на ухо Королеве:

– Я посвящаю эту песню тебе, моя дорогая!

При обычных обстоятельствах Королева бы задумалась, какую именно глупость он хотел этим сказать, но сейчас она была под кайфом от кардинальского порошка, поэтому ответила:

– Спасибо, Луи, ты клёвый, ты супер!

Король, вообще уже мало что понимавший, с восторгом воскликнул:

– Слышали все, я – клёвый!

Даже Скутер решил немного изменить припев и завопил:

– Я клёвый! Она мне сказала, что я такой клёвый, большой и понтовый!

– Хэйа-хэйа-хинаяна! – откликнулись индейцы.

– Один за всех, и все за одного! – выкрикнул пьяный Лесли Нильсен, и его хором поддержали присутствующие и отсутствующие мушкетёры.

– Даёшь мушкетёров! – гаркнул Скутер. – И ещё раз, все вместе!

– Один за всех и все за одного! – крик потряс здание, чуть не разорвав барабанные перепонки кардиналу, которому и так было противно слушать мушкетёрский девиз, а в таком количестве децибелов, само собой, ещё противнее.

Бал продолжался ещё некоторое время в том же духе. Херр Скутер прыгал по сцене, Жан-Мишель Вжарь вжаривал по роялю, пьяный Лесли Нильсен и цыгане отплясывали чечётку. Когда бал, наконец, кончился, пьяный Король шепнул на ухо одурманенной Королеве:

– Пойдём в спальню, дорогая!

– Я слишком устала, – ответила Королева. – И мне надо переодеться, снять драгоценности, ну, сам понимаешь.

– Понимаю, – ответил Король. – Буду ждать тебя в спальне!

– Скоро буду! – сказала Королева и удалилась в свои покои.

Реалити-шоу-подглядываютвсе!

Между тем, кардинал с Рошфором, выследившие, в какой комнате сидит герцог Бэкингем, засели в соседней комнате с целью подслушать всё, о чём будут говорить герцог с Королевой. Кардинал собирался использовать Рошфора в качестве стенографистки, но пьяный Рошфор водил пером по бумаге с трудом, а вдобавок ещё и глупо хихикал.

Герцог Бэкингем, сидевший в потайной комнате, слышал хихиканье за стеной, но решил, что это кто-то из мушкетёров продолжает праздновать с королевскими гувернантками. В это время Королева вошла в свою спальню, где её ждала мадам Бонасье.

– Добрый вечер, Ваше Величество! – сказала мадам Бонасье. – Вас уже ждут.

– Привет, Констанс! – воскликнула Королева, которая была не в себе. – Давай, веди меня к моему милому герцогу!

– Тише, Ваше Величество! – прошептала мадам Бонасье. – Может, вам переодеться?

– Нет времени, – ответила Королева, помня кардинальский гипноз. – Пошли!

– Ну, как прикажете, Ваше Величество, – сказала мадам Бонасье и повела Королеву по тёмному коридору.

Герцогу Бэкингему уже стало скучно, как вдруг – открылась дверь, и в комнату ввалилась Королева. Именно «ввалилась» – Королева упала на герцога, и ему пришлось приложить усилия, чтобы усадить свою даму сердца в кресло.

– Ваше Величество, вы не в себе, – сказал герцог. – Может, я приду в другой раз?

Кардинал за стеной многозначительно кашлянул, и герцог понял, что ему не просто не дадут прийти в другой раз, а даже не дадут уйти в этот.

– Хотя нет, раз уж пришёл, надо пользоваться моментом, – громко произнёс герцог.

Рошфор за стеной опять захихикал. Кардинал пнул его ногой. Рошфор перестал хихикать, зато начал икать.

– Ваше Величество, я так рад вас видеть, я так ждал этой встречи… – герцог начал разводить романтический бред.

– Ах, герцог, да оставьте вы все эти разговоры! – воскликнула Королева. – Ну, поцелуйте меня, что ли!

– Я… э-э-э… – начал было герцог, но Королева сама схватила его и поцеловала в засос.

Теперь захихикал уже кардинал. Рошфор снова икнул. Герцог

вырвался из объятий Королевы и несколько минут нёс романтическую чушь, пока Королева снова его не атаковала. Рошфор пытался задержать дыхание, чтобы побороть икоту, но по пьяни ему это не удалось, – он снова захихикал и икнул одновременно. Кардинал снова пнул Рошфора, тот закашлялся.

Свидание герцога Бэкингема с Королевой явно затянулось, и мадам Бонасье посчитала нужным постучать в дверь условным стуком, чтобы напомнить влюблённым о том, что пора закругляться. Рошфор, услышав стук, спросил пьяным голосом:

– Кто там?

Кардинал влепил ему пощёчину, и Рошфор воскликнул:

– За что?!

– Ваше Величество, вам уже пора, – шепнул Королеве герцог Бэкингем. – Бегите и не задерживайтесь!

– Да погоди ты, я хочу остаться! – громко сказала Королева. – Ну, оставь мне что-нибудь на память!

– Я, к сожалению, ничего с собой не прихватил, – попытался оправдаться герцог, но кардинал за стеной снова многозначительно кашлянул, а Рошфор крикнул:

– Будьте здоровы! За здоровье! Ай!

Последнее восклицание Рошфора было связано с тем, что кардинал надрал ему уши.

– Я смею надеяться, что Ваше Величество примет от меня в дар этот перстень, – сказал герцог, снимая с пальца кольцо с изумрудом. – Храните эту вещь и помните обо мне!

– О! А я подарю вам это ожерелье, – сказала Королева, снимая с шеи ожерелье с Жемчужиной Дао. – Надеюсь, вы тоже будете помнить обо мне, герцог.

– Непременно, Ваше Величество, – сказал герцог Бэкингем, со вздохом принимая ожерелье и запихивая его в карман.

– Ну что ж, мне, наверное, пора, – вздохнула Королева. – Меня ещё Король ждёт.

– Да, вам пора, Ваше Величество! – сказала мадам Бонасье, заглядывая в комнату.

– Ладно, герцог, я, пожалуй, пойду, – сказала Королева, выходя в коридор. – Констанс вас проводит.

И Королева направилась в свою спальню. Король этой ночью был весьма разочарован, потому что Её Величество заснула мёртвым сном, как только доползла до кровати.

Герцогтоженедурак

А герцог Бэкингем и мадам Бонасье тем временем благополучно выбрались из Лувра. У калитки герцога уже ждали. Его слуга нанял карету того самого извозчика, которого мадам Бонасье иногда угощала яблочным пирогом. В эту ночь извозчик согласился подвезти неизвестного мушкетёра за тройной тариф при условии не задавать лишних вопросов. Выйдя из Лувра, герцог Бэкингем достал из кармана конверт и всучил его мадам Бонасье со словами:

– Её Величество сегодня была не в себе, поэтому я написал это письмо. Передайте письмо Её Величеству через пару дней, когда она окончательно придёт в себя. Спрячьте письмо подальше, за нами следят люди кардинала!

– Не может быть! – воскликнула мадам Бонасье.

– Тихо! – шепнул ей герцог. – Они выследили меня, но не арестовали только потому, что я согласился кое в чём им помочь. Если бы я не согласился, они бы всё провернули без меня. Это письмо – единственный способ расстроить коварные планы кардинала, спрячьте его и передайте Королеве, когда она придёт в себя, но только не раньше, вам понятно?

– Конечно, – кивнула мадам Бонасье, пряча письмо. – Езжайте, герцог. Вас доставят до вашей квартиры, а завтра утром…

– А завтра утром я покину Париж, – закончил герцог. – А в воскресенье я уже буду в Лондоне. Ну, а вам желаю счастливо оставаться. Будьте осторожны, я надеюсь, вы придумаете, что делать.

– Обязательно, – кивнула мадам Бонасье. – Ну, езжайте!

Герцог сел в карету, и карета умчалась в темноту парижских улиц. Мадам Бонасье отправилась обратно в Лувр. Вскоре кардиналу донесли, что операция прошла успешно. Пьяного Рошфора отправили отсыпаться.

Утровкоролевскойспальне

Для мушкетёров похмелье наступило вместе с утром. И не только для мушкетёров, но и для их благородного сенцея Лесли Нильсена. Официально мушкетёры всё ещё охраняли Лувр.

Д'Артаньян проснулся в колючих кустах. Первым делом он схватился за шпагу. Убедившись, что оружие на месте, наш герой успокоился. Правда, через пару секунд он снова встревожился и схватился за автограф герцога Бэкингема. Автограф тоже был на месте, и д'Артаньян снова заснул пьяным сном.

Король был весьма огорчён, что Королева заснула сразу же после бала и праздник не получил продолжения в королевской спальне. Ее Величество между тем спала долго и проснулась только после полудня. Всё, что произошло вчера, с утра на свежую голову показалось ей страшным сном. Поворочавшись в кровати, она ощутила, что всё её королевское тело сильно болит. К счастью, в спальню сквозь открытое окно врывался свежий воздух, поэтому королевская голова Её Величества довольно быстро прояснилась. Королева Анна лежала в кровати, не в силах пошевелиться, пока в спальню не вошла Констанс Бонасье.

– Доброе утро, Ваше Величество! – сказала она.

Королева хотела что-то ответить, но речь ее получилась весьма нечленораздельной.

– Я принесла вам зелёный чай, Ваше Величество, – сказала мадам Бонасье. – Выпейте, и вам станет легче. Это всего лишь похмелье.

Королева, не без помощи мадам Бонасье сумела привстать и выпить чашку чая.

– Боже мой, какой кошмар мне приснился! – тяжело вздохнула Королева, поставив чашку на поднос и снова откидываясь на подушки. – Мне приснилось, что меня загипнотизировал кардинал. Я вела себя как дура и отдала своё жемчужное ожерелье герцогу Бэкингему! Какой кошмар! Постой-постой, а ведь я и в самом деле должна была встретиться с герцогом! Ты не помнишь, как всё прошло?

– Именно так, как вы только что описали, Ваше Величество, – ответила мадам Бонасье.

– В каком смысле? – спросила Королева.

– А в том, что вы были не в себе вчера вечером и отдали своё ожерелье герцогу, – ответила мадам Бонасье. – Я только не знала, что кардинал вас загипнотизировал, хотя и догадывалась.

Королева малость обалдела, выражаясь благородным языком. Некоторое время Её Величество, обалдев, глядела в потолок, а

потом тихо спросила у мадам Бонасье:

– Так это что, был не сон?

– К сожалению, нет, Ваше Величество, – ответила мадам Бонасье.

– И я что, действительно отдала Бэкингему Жемчужину Дао? – спросила Королева.

– К сожалению, да, Ваше Величество, – ответила мадам Бонасье.

– Так, – сказала Королева, вставая с постели. – Всё ясно. У меня есть только один выход! Где у нас яд Клеопатры? Я помню, что куда-то прятала флакончик…

– Погодите, Ваше Величество, не отчаивайтесь! – воскликнула мадам Бонасье. – Кажется, у нас есть шанс всё исправить!

– Кажется или – действительно есть? – спросила Королева.

– Ну… давайте посмотрим, – произнесла мадам Бонасье.

– Что посмотрим? – спросила Королева.

– Я не знаю… Он сказал, чтобы я показала вам это только после того, как вы придёте в себя, а я не знаю, вы уже пришли в себя или нет, Ваше Величество? – спросила растерянно мадам Бонасье.

– Я вполне осознаю, что вчера ночью натворила глупостей и хочу покончить с собой, чтобы это исправить, – ответила Королева. – Так как, по-твоему, пришла я в себя или нет?

– Полагаю, вы полностью пришли в себя, – кивнула мадам Бонасье.

– Теперь говори, кто и что тебе приказал, – приказала Королева.

– Милорд Бэкингем просил отдать вам это письмо, – сказала мадам Бонасье, доставая письмо и отдавая его Королеве.

– Надо же, как интересно, – пробормотала Королева, распечатывая его.

Некоторое время Её Величество читала письмо, потом смяла бумагу, на которой оно было написано, и сказала:

– Лучше брось эту бумажку в камин.

– Конечно, Ваше Величество, – сказала мадам Бонасье, взяв смятое письмо. – А что герцог предлагает?

– Он пишет, что кардинал угрожал ему, после чего заставил взять Жемчужину Дао и уехать с ней в Англию, – ответила Королева. – Герцог уверяет, что Жемчужина ему не нужна, и он готов вернуть её, если я пришлю в Англию курьера.

– Так это же здорово! – воскликнула мадам Бонасье. – Пошлём курьера, и через неделю-другую Жемчужина будет у нас.

– Это верно, – согласилась Королева. – Вот только кто поедет в Англию? Люди кардинала пристально следят за всеми, кто

переходит границу. А вдруг они перехватят нашего курьера?

– Кажется, я знаю, кто мог бы поехать, – сказала мадам Бонасье.

– И кто же? – спросила Королева.

– Моему мужу как раз нечем заняться, – ответила мадам Бонасье. – И у меня есть веская причина отправить его куда подальше.

– А он сможет пересечь границу? – спросила Королева. – Его вид не вызовет подозрений у людей кардинала?

– Он настолько тупой, что они его не заподозрят, – улыбнулась мадам Бонасье.

– Как же он доставит сюда Жемчужину, если он такой тупой? – спросила Королева.

– Мне кажется, что он не настолько туп, чтобы доставить Жемчужину, – снова улыбнулась мадам Бонасье. – Но достаточно туп, чтобы не понять, что именно он везёт с собой.

– Нормально, – пробормотала Королева. – Сойдёт. Только как же его пропустят во дворец?

– Напишите какое-нибудь письмо герцогу, – ответила мадам Бонасье. – Мой муж передаст Бэкингему письмо, получит Жемчужину и отправится обратно.

– Это хороший план, – воодушевилась Королева. – Только надо ещё подумать, что же именно написать.

Взяв бумагу и чернила, Королева Анна написала:

> Дорогой мой герцог! Искренне сожалею о том, что случилось во время нашей последней встречи. Прошу вас простить меня и вернуть мою безделушку, которая, как вы сами говорите, вам ни к чему. За мной подарок, если, конечно, мы ещё встретимся.
>
> С любовью, Ваша Прекрасная Дама.

Запечатав письмо, Королева отдала его мадам Бонасье.

– Значит, теперь осталось решить лишь один вопрос, Ваше Величество? – спросила мадам Бонасье.

– Какой вопрос? – переспросила Королева.

– Деньги на дорогу, – ответила мадам Бонасье.

– Деньги? – удивилась Королева. – Ах, да, деньги…

Дело в том, что ни дворяне, ни члены королевских семей Европы никогда особенно не заботились о деньгах. Возможно, в 21 веке это прозвучит смешно и глупо, но для дворянина было неприлично даже думать о деньгах. Денег у дворян попросту не было! Владения, земля, крестьяне, драгоценности – все это было у каждого дворянина, и в этом не было ничего удивительного. А вот что касается денег… Зарабатывать деньги – таков был удел

бедняков. Позже появилась банковская система, сделавшая рабами всех и вовлекшая человечество в бессмысленную долговую кабалу друг перед другом. Во времена же мушкетёров этой фигни просто не существовало. Поэтому ни д'Артаньян, собираясь в Париж, ни Королева, отправляя курьера в Англию, не имели понятия, где взять денег, когда те вдруг оказывались нужны. Так вот замечательно жили люди в те времена.

– Надо признаться – денег у меня нет, – пробормотала Королева, немного помолчав.

– Неужели совсем нет? – спросила мадам Бонасье. – Ну, должно же быть у вас хоть что-то… что-то ценное?

– Ценное? – переспросила Королева. – Ах, да, конечно – мои драгоценности!

Королева открыла свою шкатулку и достала кольцо с бриллиантом.

– Думаю, это подойдёт, – сказала она. – Я не знаю, сколько точно стоит этот алмаз, но мне подарили его давным-давно, – тогда я ещё не была Королевой. Говорят, он стоит целое состояние.

– Я уверена, что так оно и есть! – согласилась мадам Бонасье, рассматривая кольцо. – Ну что ж, Ваше Величество, теперь у нас есть письмо, есть курьер и есть деньги. Самое большее – через две недели Жемчужина Дао снова будет у вас.

– Ура! – воскликнула Королева. – Спасибо тебе, Констанс! Ты меня спасла!

– Ну, пока ещё не спасла, – засмущалась мадам Бонасье. – Но через неделю-другую у вас будет повод меня похвалить.

– Хорошо-хорошо! – кивнула Королева. – Ну, а сейчас отправляйся к своему мужу, отдай ему письмо и кольцо, и пусть он сегодня же отправляется в Лондон!

– Уже бегу, Ваше Величество! – сказала мадам Бонасье и бросилась претворять план в жизнь.

Из-зачеголюдиразводятся

Месье Бонасье сидел дома, медленно отходя после своей недавней встречи с кардиналом. Утром к нему зашёл Рошфор. Он страдал от похмелья и попросил чего-нибудь выпить в обмен на новую дозу кардинальского наркотика. Кстати говоря, кардинал, опробовав наркотик на Королеве и убедившись, что он действует безотказно, уже приказал начать массовое производство этого белого порошка.

Так вот, Рошфор получил от месье Бонасье пару бутылок вина и удалился опохмеляться в неизвестном направлении. А месье Бонасье получил свой наркотик и проворно проглотил его, запив чаем.

К тому времени, как мадам Бонасье вернулась к себе домой с письмом Королевы и кольцом, у месье Бонасье как раз начался приход.

– О, дорогая моя Констанс, как мило, что ты вернулась! – расхохотался месье Бонасье, увидев свою жену на пороге. – А ты знаешь, что я из-за тебя недавно угодил в Бастилию?

– В Бастилию?! – ужаснулась мадам Бонасье. – Какой ужас! Но тебя ведь оттуда выпустили, значит, всё в порядке. Я предлагаю тебе отдохнуть от всей этой парижской канители. У меня есть для тебя одно маленькое поручение. Тебе нужно отправиться в Англию.

– В Англию? – переспросил месье Бонасье. – Ну, нет, благодарю покорно, хватит с меня этих твоих штучек. Чего я такого не видел в Англии, что я уже видел в Бастилии?

– Много интересного, – ответила мадам Бонасье. – Биг Бон, например. То есть, этот, Биг Бен. Понимаешь ли, надо доставить одно письмо…

– О, нет, хватит с меня интриг! – воскликнул месье Бонасье. – Я в этом больше не участвую. Господин кардинал недавно меня просветил насчёт всего этого.

– Ты что, беседовал с кардиналом? – воскликнула мадам Бонасье. – Как у тебя глупости хватило?!

– Да никак! Это он и вытащил меня из Бастилии, – ответил месье Бонасье.

– И в обмен на это ты теперь на него работаешь? – спросила мадам Бонасье.

– Я оказываю ему маленькие услуги, – хихикнул месье Бонасье. – Вот, сегодня помог опохмелиться моему новому другу, графу Рошфору.

– Графу Рошфору?! – воскликнула мадам Бонасье. – Так это

он меня похитил!

– Он самый, – кивнул месье Бонасье.

– И он теперь твой друг? – спросила мадам Бонасье.

– Угу, – кивнул месье Бонасье.

– Ладно, я и так подумывала о разводе, – сказала мадам Бонасье. – Придётся ускорить этот процесс. Обращусь-ка я к моему адвокату.

– Ну, и отлично! – воскликнул месье Бонасье. – Ну, и пожалуйста! А я обращусь к своему!

С этими словами месье Бонасье вышел на улицу, громко хлопнув дверью.

Мадам Бонасье села в кресло и тихо заплакала. Ей было плевать на своего мужа – теперь уже почти бывшего мужа. Но получалось, что из-за неё сорвётся план Королевы и герцога Бэкингема по возвращению Жемчужины Дао. Кардинал одержит победу. Странно сказать, но, одержав победу над месье Бонасье, кардинал тем самым одержал победу и над Королевой, и даже над Королём! Как тонко иногда переплетаются судьбы людей, казалось бы, ничем не связанных друг с другом. Причину искать в таких случаях бесполезно, потому что каждое событие имеет своей причиной другое событие, более раннее. И нет смысла обвинять кого-то конкретно в чём бы то ни было. «Когда б налево я пошёл, весь мир бы стал иным»… Но не будем сейчас впадать в солипсизм, хотя надо сказать, что солипсизм – вещь стоящая и что впадать в него иногда бывает очень даже полезно.

Д’Артаньянснованалезетневсвоёдело

Одним словом, мадам Бонасье сидела в кресле и тихонько плакала. В этот момент открылась дверь, в дом ввалился д’Артаньян и спросил хриплым голосом:

– У нас есть чего-нибудь, чтобы опохмелиться?

Мадам Бонасье поглядела на д’Артаньяна и вытерла слёзы.

– Да, конечно, там должно ещё остаться вино, – сказала она.

– В чём дело, дорогая Констанс, ты плакала? – спросил д’Артаньян. – Расскажи мне, что случилось?

– Не могу, – ответила мадам Бонасье, доставая бутылку вина из буфета. – Я не смогла выполнить свой долг перед Королевой, мой муж перешёл на сторону кардинала, и я собираюсь с ним разводиться. Ну, это-то как раз хорошая новость, а вот то, что из-за меня погибнет Королева – именно это заставляет меня плакать.

– Что же ты такого натворила, что Королева в опасности? – спросил д’Артаньян, отпив из бутылки. – Могу ли я чем-то помочь?

– Кто-то должен поехать в Лондон, – вздохнула мадам Бонасье. – Я хотела поручить это моему мужу…

– А пока он был бы в Лондоне, мы бы с тобой развлекались тут, – рассмеялся д’Артаньян.

– Да ну тебя! – воскликнула мадам Бонасье. – Ну как ты можешь об этом думать?

– Ах, да, точно, надо думать о том, чтобы спасти Королеву! – спохватился д’Артаньян. – И что, для этого нужно всего лишь съездить в Лондон?

– Не просто съездить, – ответила мадам Бонасье. – Нужно передать письмо и забрать посылку, которую необходимо срочно доставить в Париж.

– То есть, быстренько смотаться туда-обратно, и всё? – спросил д’Артаньян.

– В общих чертах, да, – ответила мадам Бонасье. – Ну, ещё прибавьте к этому тот факт, что люди кардинала будут пытаться помешать королевскому курьеру доставить письмо, и скорее всего, курьер вообще не сможет выехать из Франции, так как на границе его будут поджидать люди кардинала.

– А, значит, это ещё и веселуха! – воскликнул д’Артаньян, снова приложившись к бутылке. – В таком случае, я с удовольствием спасу Королеву от чего бы то ни было. Так и быть, дорогая моя Констанс, в Лондон поеду я.

– Ты? – воскликнула мадам Бонасье. – Ты и вправду согласен поехать в это опасное путешествие?

– С удовольствием! – воскликнул д’Артаньян.

– Ты – мой герой! – воскликнула мадам Бонасье. – Но я должна рассказать тебе все детали плана. Ты должен знать, зачем едешь и что надо делать в Лондоне. Погоди, а как же твоя служба в мушкетёрах, или как там у вас этот особый полк называется?

– Да без проблем, – ответил д’Артаньян. – Попрошу у сенцея отпуск или, в крайнем случае, он напишет мне бумагу, удостоверяющую, что я уехал по делу государственной важности. Я ведь именно по такому делу еду, не так ли?

– Да, именно по такому, – кивнула мадам Бонасье. – Хорошо бы найти тихое место, где я могла бы рассказать тебе обо всём…

– А пошли в мою комнату, – сказал д’Артаньян. – Там очень даже тихо, а если сюда кто-нибудь придёт, например, очередной отряд гвардейцев кардинала, мы сразу же их услышим и сбежим через запасной выход.

– Отличная мысль, – воодушевилась мадам Бонасье. – Поднимемся наверх!

В комнате д’Артаньяна мадам Бонасье рассказала нашему герою обо всём, что происходило в последнее время – и о том, как герцог Бэкингем приехал в Париж, и о том, как кардинал вынудил его стащить Жемчужину Дао, и о том, что такое Жемчужина Дао, и о том, как её вернуть.

Д’Артаньян слушал и с каждой секундой всё больше офигевал оттого, что наконец-то ему представился шанс заняться настоящим делом и действительно спасти Короля, Королеву, а заодно и всю Францию. Если бы об этом узнал Лесли Нильсен, д’Артаньяна бы безо всяких вопросов приняли в мушкетёры. Через пару часов, когда мадам Бонасье рассказала д’Артаньяну все известные ей государственные тайны, наш герой, полный решимости, отправился к Лесли Нильсену, пообещав мадам Бонасье, что сегодня же ночью отправится в путешествие. Мадам Бонасье вручила д’Артаньяну письмо и кольцо с бриллиантом. Он тщательнейшим образом запрятал всё это в тот же самый дальний карман, где лежал автограф герцога Бэкингема.

Почистив шпагу, оседлав коня и заставив Планше проделать всё то же самое, д’Артаньян верхом отправился в особняк Лесли Нильсена.

Почтенный сенцей весь день отходил после большого бодуна. К вечеру, когда д'Артаньян ввалился в его кабинет, Лесли Нильсен уже был в норме и читал какую-то книгу.

– Добрый вечер, сенцей, я к вам по очень срочному делу государственной важности! – воскликнул д'Артаньян, влетая в кабинет.

– А, д'Артаньян, – кивнул Лесли Нильсен. – Уже потерял Жемчужину Дао или только собираешься? – при этих словах сенцей рассмеялся.

– Откуда вы знаете? – спросил удивлённый д'Артаньян.

Увидев такую реакцию д'Артаньяна, Лесли Нильсен широко раскрыл глаза и рот, затем опустился в кресло и глубоко вздохнул.

– Ну, ни хрена себе! – выдохнул Лесли Нильсен. – Ты что, хочешь сказать, что и вправду потерял Жемчужину Дао?

– Нет, потерял её не я, однако… я не могу об этом говорить, – ответил д'Артаньян. – Но я еду её возвращать, и для этого мне нужен отпуск, увольнительная или хоть что-нибудь в этом роде.

– А куда хоть едешь, можешь сказать? – спросил Лесли Нильсен.

– В Лондон, – ответил д'Артаньян.

– И кардинал знает, что Жемчужина в Лондоне, и знает, что кто-нибудь обязательно попытается её вернуть? – спросил Лесли Нильсен.

– Да откуда вы-то всё знаете? – спросил д'Артаньян.

– Из пророчества, – ответил Лесли Нильсен. – Знаешь, есть такой лорд Дюмон, который нам много чего напророчил. Его за это даже повесить хотели, но пока все его пророчества сбываются, его не трогают. Вот и это, чувствуется, сбудется. Какой кошмар! Зато, д'Артаньян, скажу прямо: вернёшь Жемчужину – быть тебе мушкетёром!

– Ура! – воскликнул д'Артаньян. – Я буду мушкетёром!

– Да не ори ты так, сначала скажи, какой у тебя план, – оборвал его Лесли Нильсен. – Один едешь?

– Со слугой, – ответил д'Артаньян.

– Ну, тогда ты и до границы живым не доберёшься, – усмехнулся Лесли Нильсен. – Можешь даже не стартовать. Сделаем так – я тебе в помощь даю Атоса, Портоса и Арамиса. Сейчас я их вызову.

Лесли Нильсен позвонил в колокольчик, и в кабинет вошёл слуга.

– Значит так, быстро ко мне Атоса, Портоса и Арамиса, – приказал Лесли Нильсен. – Хоть из-под земли достать, а чтобы все трое были у меня через пять минут.

Кивнув головой, слуга вышел. И только в приёмной слуга разразился воплями:

– Да где же я их возьму через пять минут после вчерашнего?!

Тем не менее уже через десять минут все трое были в сборе, в кабинете Лесли Нильсена. За это время Лесли Нильсен успел подняться в свои комнаты на втором этаже и вернуться в кабинет с потрёпанной рукописью в старинной обложке.

– Зачем вы нас вызвали, сенцей? – спросил недовольный Портос, который, судя по виду, ещё не отошёл после бала.

– Дело государственной важности? – попытался угадать никогда не пьянеющий Атос.

– Неужели нужно спасти какую-то прекрасную даму? – зевнул невыспавшийся Арамис.

– Всё это сразу, – ответил Лесли Нильсен.

– А, кроме того, ещё спасти репутацию Короля и безопасность государства, – добавил д'Артаньян, и все три мушкетёра поглядели на него с удивлением.

– И в какую же историю наш д'Артаньян влип на этот раз? – спросил Атос.

– Влип не только д'Артаньян, а ещё и Король с Королевой, – ответил Лесли Нильсен. – Была похищена Жемчужина Дао, и вы, господа, должны её вернуть.

Мушкетёры выразили удивление возгласами, из которых самый цензурный звучал примерно как «Ни хрена себе!». Особенно длинная непечатная тирада получилась у Портоса.

– Что ж, боевая задача ясна, – кивнул Атос. – Кого надо убить?

– Может быть, никого, – ответил д'Артаньян, и мушкетёры разочарованно вздохнули. – Кроме нескольких гвардейцев кардинала, которые наверняка попытаются нам помешать, – добавил он, и мушкетёры тут же воодушевились.

– Так вот, я не просто так притащил сюда эту старинную рукопись, – сказал Лесли Нильсен, и все обратили внимание на потрёпанную книжку в кожаном переплёте, которая лежала у него на столе. – Здесь есть всё, что нам известно о Жемчужине – её происхождение, свойства, история, ну и всё такое прочее.

Лесли Нильсен открыл книгу, и на первой странице мушкетёры увидели весьма необычный заголовок:

Sir Eldorado & Gordon-Alf Shumway

Легенда о Южных островах,
или
Как мы нечаянно уронили Жемчужину,
за что дико извиняемся!

P.S. Мы бы вернули её на место, да никак нужный остров не найдём.

– Что это? – спросил д'Артаньян.

– Самое подробное изложение легенды о Жемчужине от первых лиц, – ответил Лесли Нильсен. – Сейчас я вам зачитаю…

С незапамятных времен существовали Южные острова как осколки великого континента, существовавшего ещё до Атлантиды и до всех известных нам цивилизаций. Жили на Южных островах необычные люди, владеющие невероятной мудростью, которая передалась им от предков, живших на том великом континенте. С помощью этих знаний и мудрости боролись жители Южных островов с драконами, змеями, мутантами членистоногими и прочей нечистью, что летала в воздухе и обитала в водах морских. Они победили нечисть и стали жить в мире и покое. Проходили тысячелетия, и жители Южных островов понемногу забывали мудрость, доставшуюся им от предков, знания уходили в прошлое вместе с поколениями, которые ещё помнили сказки о драконах, чудовищах и забытой прародине человечества. И забыли обо всём окончательно, пока однажды не явилась из моря Чёрная Жемчужина, которая вернула людям забытые древние знания. Жемчужина помогала магам исцелять любые раны, прикоснувшись к ней и…

– Тут дальше неразборчиво, – пробормотал Лесли Нильсен. – Всё дело в том, что лорд Шамвэй как-то давным-давно использовал рукопись вместо салфетки, а то и вместо носового платка… Вот, дальше читаю.

…можно было стать невидимым, а иногда, если острову что-то угрожало, жители объединяли свои…

– Чёрт возьми, опять непонятно, так всё заляпано! – воскликнул Лесли Нильсен. – И кто мог знать, что однажды эта чушь нам пригодится…

…и целый остров становился невидимым для человеческих глаз, а тайфуны и ураганы вообще обходили эти острова стороной. И светило над островами Солнце, и жизнь была вечным праздником, пока мы вдвоём не решили там оторваться, когда нагваль Аракрон погнал нас в отпуск с корабля, ибо накрылась по нашей вине система слежения и получили мы за это множество подзатыльников, шлепков коленом по пятой точке, а заодно и отпуск с пожеланием катиться на все четыре стороны.

Высадились мы на Южных островах, так как это было самое прикольное место на всей планете Земля, да и остаётся таким по сей день, когда пишем мы вдвоём, то есть, диктуем нашему придурковатому ассистенту Рошфорду эту рукопись. И сейчас я, сэр Эльдорадо, выстроил себе дом на остатках Южных островов, и прикольные закаты наблюдаю всякий раз в хорошую погоду, которая здесь круглый год, а я, Гордон-Альф Шамвэй не устаю наведываться в гости к моему давнему другу, сэру Эльдорадо, с которым мы прошли огонь, воду, а сейчас проходим финальные аккорды в медных трубах, с которым мы прошли сквозь все системы всех Галактик, куда нас изволили посылать по воле высшего… Спасибо, Альф, за сию похвалу, но надо бы чего-то и про Жемчужину рассказать.

Да, точно, про Жемчужину, хотя у тебя не только закаты прикольные, но и море, и лес такие, что офигеть можно, как только там окажешься, потому что нигде на Земле я не вдыхал такой воздух, только в Амазонских лесах триста лет назад, во времена мушкетёров…

Гордон, Жемчужина не ждёт! Да, так вот, высадились мы и предавались удовольствиям, каким только могли предаваться на счастливых и солнечных Южных островах, пока однажды не решили мы побаловаться магией с помощью Жемчужины…

И сразу хочу сказать – я постамент не толкал! И я тоже! Это всё ураган, хотя на Южных островах не могло быть ураганов. Ну что вы удивляетесь, это хоть и невероятно, но факт, между прочим, исторический! У нас есть версия, что ураган образовался в результате того, что мы вместе, хором, три раза подряд чихнули, что, как известно, к счастью. Ну, и скатилась Жемчужина с постамента, но мы не видели, куда именно она закатилась, иначе вернули бы её сразу же! А драпанули

мы с островов потому, что поднялся небывалой силы ветер, и жители островов ополчились против нас. И на старой-престарой каменной площадке, что сейчас размыта дождями, а тогда была почти новой и такой же каменной, стояли мы, когда почернело небо, прямо как в моём анекдоте про Мокнущих Под Дождём, и расчертила небо серебряная молния, и упали на камень первые капли дождя, и сбежались местные жители, увидели, что Жемчужины нет, а мы тут ошиваемся, и бросились на нас с камнями и дубинками, с магией и заклятьями, с астральными топорами и гвоздями… И драпанули мы во все лопатки, а ураган преследовал нас по пятам… И покрыты с тех пор Южные острова туманом, и влажность воздуха там всегда выше обычного. И как же я любил гулять по старинным каменным дорожкам посреди тропических лесов, выросших на месте поселений, как любил я глядеть на струи тумана, проплывающие над остатками дольменов, над которыми под тяжестью воды склонялись огромные листья экзотических растений… До чего же прекрасны были Южные острова в тумане…

– Опять чем-то заляпали, – пробормотал Лесли Нильсен, перелистнув несколько страниц. – Тут дальше про Китай написано. О том, как Жемчужина попала к китайскому императору, который и назвал её Жемчужиной Дао, ибо обрёл он с помощью Жемчужины неземную мудрость, ну и так далее. А, вот как раз тот абзац, который нас интересует в свете происходящих событий.

Однажды, путешествуя по горам Тибета, император случайно обронил Жемчужину Дао. Вернувшись в столицу, он обнаружил, что Жемчужина исчезла. Император послал за ней Разум, но Разум был не способен осмыслить её. Тогда император послал за Жемчужиной Красноречие, но Красноречие было не способно описать её. Затем император послал…

– Такое ощущение, что лорд Шамвэй всю рукопись разодрал на салфетки! – возмущённо протянул Лесли Нильсен. – Я, конечно, уважаю и почитаю лорда Шамвэя и сэра Эльдорадо, но надо признать, что с рукописями эта парочка не церемонится вообще. Вот, хорошо, хоть конец уцелел!

…В конце концов, император послал Пустой Ум, и Пустой Ум вернулся с Жемчужиной.

– Ну, дальше здесь описывается история Жемчужины, как она попала к беженцам из погибшего города Тиуанако, высадившимся в стране, которую позднее назвали Шумер. Потом Жемчужина попала в Египет к фараонам восемнадцатой династии, затем она какое-то время перекатывалась по Италии. Небось, именно поэтому там случайно Римская империя образовалась, – сказал Лесли Нильсен. – Ну, и, наконец, Жемчужину Дао унаследовали французские короли. Одним словом, всё, что нам нужно знать – это то, что Жемчужину способен вернуть лишь Пустой Ум. Поэтому судьба распорядилась так, что за ней посылают д'Артаньяна, у которого самый пустой ум из всех вас.

– А мы тогда зачем? – спросил Портос.

– Ну, у вас троих тоже весьма пустые умы, – усмехнулся Лесли Нильсен. – И потом, вы будете охранять д'Артаньяна от гвардейцев и прочей нечисти. Всё поняли, ребята?

– Да, сенцей! – хором воскликнули три мушкетёра.

– И когда же мы выезжаем? – спросил Атос.

– Немедленно, – ответил Лесли Нильсен. – Впрочем, если у вас ещё есть какие-то дела, даю вам час на то, чтобы их уладить. Вооружите своих слуг, они тоже поедут с вами. Через час жду вас здесь в полной боевой готовности.

– Есть, сенцей! – снова хором воскликнули мушкетёры и разбежались улаживать дела и вооружать слуг.

– Ну, вот и отлично, – пробормотал Лесли Нильсен, пряча рукопись в стол. – А ты, дорогой мой д'Артаньян, составь план, как быстрее всего добраться до Лондона. И ещё зайди в соседний дом к ростовщику, продай кольцо.

– Ну, дайте хотя бы карту, – попросил д'Артаньян.

Получив карту, д'Артаньян начал изучать её. Составив план, он отправился продавать кольцо и получил за него мешок денег.

ОЖемчужинеиПустомУме

Действительно, почему же Жемчужину Дао мог вернуть только Пустой Ум, да и что такое Пустой Ум, собственно говоря? Дело в том, что Жемчужина являлась инструментом высшего порядка, и обычный ум, загруженный разнообразными конструкциями, просто не мог ни описать её, ни осмыслить. Почему люди часто не помнят своих встреч с НЛО или другими явлениями подобного рода? Просто потому, что когда ум не в состоянии осмыслить то, что происходит пред глазами, ум просто отключается. Зато, когда невероятные вещи заканчиваются, ум снова входит в свои права и придумывает фантастическое объяснение наподобие «провала в памяти». Это фантастическое объяснение ничего не объясняет, но помогает уму удержаться в своих естественных границах. Или, например, почему к НЛО относят всё, что имеет вид летящего по небу светящегося объекта? Очень часто простые наблюдатели видят летящего по небу человека (естественно, просветлённого человека), но, поскольку ум отказывается в это поверить, ум сообщает глазам, что по небу летит не человек, а светящееся пятно. А если ум вообще на редкость сообразительный, так называемое НЛО в его восприятии вообще может принять вид реактивного самолёта или прочей чуши в этом роде. Как бы то ни было, а человек видит лишь то, во что верит, во что готов поверить.

Теперь о Пустом Уме. Пустой Ум, как уже объяснял сэр Эльдорадо Джону Дебри, можно сравнить с пустым стаканом. Вот только стакан сам по себе имеет форму, а ум формы не имеет. И когда ум пустой, то его вообще как бы нет, от ума остаётся чисто условное понятие, а по понятиям живёт лишь малая часть людей. Одним словом, Пустой Ум – это ум, которого нет. У обычного человека на этом месте возникает вопрос, что же тогда есть, если нет ума? Поскольку обычному человеку страшно услышать, что нет ничего, просветлённые говорят, что остаётся Пустой Ум, который сам по себе ничего из себя не представляет, то есть, «Пустой Ум» и «ничего» – по сути, одно и то же. Разница только в словах, но человек, даже с Пустым Умом, всё ещё продолжает цепляться за слова – так, мол, удобнее.

И, наконец, о Жемчужине. Добыть Жемчужину Дао может только Пустой Ум по одной простой причине. Обычный ум не в состоянии соприкоснуться с Жемчужиной, поскольку она в духовно-магическом смысле превосходит любой ум по объёму. Это всё равно, что засунуть в маленькую рюмку надутый футбольный мяч, не разбив рюмки и не повредив мяч. А Пустой

Ум, которого не существует, приходит за Жемчужиной и… И Жемчужина занимает то место, где раньше находился Пустой Ум. Сам Пустой Ум никуда не девается, потому что его нет. А Жемчужина занимает свободное место. Человек, утративший Ум, но не утративший сознание, сливается с Жемчужиной, и теперь они начинают составлять одно целое. Кажется, это действие называют «настроиться на Жемчужину». Говорят, человек, настроенный на Жемчужину, может перевернуть мир. В том мире, где находились наши мушкетёры, на Жемчужину был настроен лишь Просветлённый Король-Солнце, которого потому и называли Солнцем, что он был просветлённым. Но это не значит, что на Жемчужину не мог настроиться другой человек. Тут может возникнуть вопрос, каким образом Жемчужина может составить единое целое сразу с несколькими настроенными на неё людьми? Ответ прост: на таком уровне развития ни просветлённые, ни сама Жемчужина не различают границ между такими вещами как «Я», «Ты», «Мир», «Жемчужина», «Пуганая Ворона» или «Письменный Стол». Видимо, именно это состояние имел в виду Льюис Кэролл, когда придумал свой знаменитый вопрос о том, какая разница между пуганой вороной и письменным столом. Ну, к воронам и столам мы ещё вернёмся несколько позже. А сейчас давайте посмотрим, чего там учудили д’Артаньян и его мушкетёры.

ТеперьиКартушвлезневсвоёдело

Действительно, через час после разговора с Лесли Нильсеном мушкетуры вместе с вооружёнными слугами подъехали к особняку сенцея, который одновременно являлся штаб-квартирой мушкетёров. Их уже ждали д'Артаньян и Планше, оба вооружённые и на лошадях.

– Ну что? – спросил Атос. – Трогаемся в путь?

– Трогаемся, – ответил д'Артаньян. – Один за всех, и все за одного! И пусть победит пустейший! Вперёд!

И отряд из восьми человек пронёсся по улицам Парижа, направляясь в сторону Лондона. В темноте на незнакомом языке прозвучали обрывки песни «Лондон-Париж», видимо, посвящённой путешествию наших мушкетёров. А сэр Эльдорадо наконец-то смог понять, о чём эта песня.

Когда отряд мушкетёров ехал через лес, Атос прислушался и спросил:

– Не кажется ли вам, господа, что нас кто-то нагоняет?

– Может быть, – ответил д'Артаньян. – Правда, в этом топоте ничего не слышно, попробую перейти на ясновидение.

Не замедляя хода, д'Артаньян перешёл на ясновидение. Он не смог пожалеть о том, что с ним больше нет его старой сновидящей лошади, просто потому, что не знал о способностях своей старой лошади.

– Да, действительно, нас нагоняют двое всадников, – кивнул д'Артаньян, вновь переключившись на обычное восприятие.

– Давайте сами устроим им засаду, – предложил Арамис. – Нечего ждать, пока нас атакуют.

– А это мысль! – поддержал Атос, и мушкетёры, свернув с дороги на пересекающую её тропинку, притихли и затаились, ожидая, когда же их нагонят неизвестные преследователи.

Должно быть, отряд мушкетёров выглядел грозно – все в чёрном, на чёрных конях, кроме д'Артаньяна, – тот был в синем костюме особого полка практикующих магов, но в темноте всё равно был похож на мушкетёра. Так вот, пока весь этот отряд сидел в лесу, поджидая противника, противник между тем приближался. Увидев две тени в темноте, мушкетёры вылетели из укрытия, окружили двух всадников, направили на них острия шпаг, и Атос громко крикнул:

– Кто идёт?!

– Да вы чего, ребята! – воскликнул один из всадников, тоже одетый в костюм мушкетёра. – Это ж я, Картуш! Я со вчерашнего дня в отпуске, вот, тоску разгоняю – по лесам катаюсь. Увидел

ваш отряд и решил нагнать, узнать, куда это вы так понеслись. Война, что ли, началась?

– Нет, но ещё может начаться, – ответил Арамис.

– А едем мы по весьма важному делу, – сказал д'Артаньян.

– Хочешь присоединиться? – спросил Портос.

– Да, нам лишняя шпага не помешает, – кивнул Атос.

– А едете-то хоть куда? – спросил Картуш.

– В Лондон, – ответил Арамис. – Это в Англии.

– Да знаю я! – воскликнул Картуш. – Так вы, значит, в Англию едете? Ура! Я с вами! Может, Робин Гуда встречу, поболтаем, молодость вспомним, как он мне эсэмэски на стреле присылал.

– Ладно, поехали с нами, – сказал Атос. – Только дело у нас важное. Гвардейцы кардинала, скорее всего, будут преследовать нас в пути. Ну, возможны и прочие неприятности дальней дороги, например, таможенники на границе тоже прилагаются.

– Отлично! – воскликнул Картуш. – Давненько я так приятно не проводил отпуск! Поехали, друзья!

И увеличившийся в численности отряд вновь стартовал в ночь так быстро, что только подковы на копытах коней сверкнули в темноте.

ДуэльПортоса

Ну что ж, в первую ночь пути отряд мушкетёров увеличился в численности. И, соответственно, наступили события, приводящие к сокращению численности отряда.

Утром отряд добрался до какого-то маленького городка и, не останавливаясь, проследовал до городской таверны, которая по совместительству была ещё и постоялым двором. Хозяин постоялого двора весьма удивился, когда в его дверь вошли сразу четверо мушкетёров и один д'Артаньян, да ещё все со слугами. Получилось как в той комедии с Джорджем Гамильтоном, когда на бал-маскарад все гости прибыли в костюмах Зорро, только ещё круче.

Жёлтые лучи утреннего Солнца били в спины мушкетёров сквозь открытую дверь, и хозяин, увидев такую внушительную картину, сначала даже испугался. А потом Портос выступил вперёд и скомандовал:

– Слышь, хозяин, тащи всё, что есть на завтрак, мы с ужина ничего не ели. Да и не поужинали толком, если разобраться.

Поняв, что на таком количестве гостей можно будет неплохо заработать, хозяин постоялого двора тут же оживился и сказал:

– Рассаживайтесь, пожалуйста, сейчас всё принесу.

– Ура, наконец-то я позавтракаю! – воскликнул Портос, садясь за стол.

Остальные тоже расселись. Разговор между мушкетёрами завязался, когда хозяин принёс жареного поросёнка, хлеб, сыр, овощи и несколько бутылок вина на всю компанию. Через некоторое время к разговору мушкетёров присоединился другой путешественник, который тоже остановился позавтракать на постоялом дворе ещё до того, как туда ввалился наш отряд.

– Выпьем за здоровье господ мушкетёров! – произнёс тост неизвестный путник.

– И за ваше здоровье, месье! – хором откликнулись мушкетёры.

– Выпьем же за великого господина кардинала! – произнёс путешественник второй тост.

– Только в том случае, если мы потом выпьем за Короля, – сказал Портос, доедая свою порцию поросёнка.

– Нет никакого Короля, кроме его светлости, великого кардинала и Романского Попа! – воскликнул путешественник.

– Да вы напились, месье! – расхохотался Портос. – Подите лучше проспитесь, прежде чем сыпать такими речами перед королевскими мушкетёрами!

– Сам ты пьяница! – воскликнул путешественник, вскакивая и выхватывая шпагу.

Портос тоже встал, спокойно обнажил шпагу и сказал мушкетёрам:

– Можете ехать без меня, господа, я убью этого месье и догоню вас. А вы, месье, – обратился он к путешественнику. – Не желаете ли пройти со мной в укромное место?

– С удовольствием, – ответил путешественник, и они с Портосом вышли.

Со двора послышался звон шпаг.

– Может, стоит подождать, пока Портос убьёт этого наглеца? – спросил д'Артаньян, расплачиваясь за обед.

– Незачем, – сказал Арамис. – Нам нельзя терять время – вдруг по нашим следам скачет отряд гвардейцев кардинала? Судя по всему, этот парень – их первая ласточка, а нам ещё до Лондона надо добраться, причём – чем скорее, тем лучше. Мы уедем сейчас, а Портос нагонит нас, как только срубит голову с плеч этого кретина. Так что вперёд, дорогой мой д'Артаньян, вперёд!

Мушкетёры, оседлав коней и оставив в конюшне лошадь Портоса под присмотром его слуги, поскакали дальше. Как ни странно, Портос не нагнал их ни через час, ни через два часа бешеной скачки.

– Может, притормозим чуть-чуть? – спросил Картуш. – Всё равно, лошадям надо отдохнуть, заодно и Портоса немного подождём.

– Это мысль, – кивнул Атос. – Давайте встанем посреди поляны, если что, противника увидим издалека.

– Значит, ты думаешь, что гвардейцы кардинала у нас на хвосте? – спросил д'Артаньян.

– Уверен в этом, – ответил Атос. – Кардинал не дурак, хоть и не дзен-буддист. Он ничего своего из рук не выпустит.

– А вы что, спёрли что-то у кардинала? – спросил Картуш.

– Нет, возвращаем то, что кардинал спёр у Короля, – ответил Атос.

– Понятно, – кивнул Картуш. – Значит, за нами уже пол-Парижа гонится.

– Неудивительно, – согласился Атос. – Где же Портос?

Прошло полчаса, а Портос так и не появился.

– Номер один вышел из игры, – пробормотал Атос, садясь на лошадь. – Едем дальше.

– Ты думаешь, тот парень его убил? – спросил д'Артаньян.

– Вряд ли, – ответил Атос. – Наверное, ему нужно было твоё письмо, д'Артаньян. Возможно, он просто ранил Портоса или оглушил, ну, или что-то в этом роде. Убедившись, что письма у

Портоса нет, этот месье наверняка пустился либо в погоню за нами, либо отправился доложить о своём провале другим людям кардинала. В любом случае, нам стоит поспешить – вдруг нам приготовили ещё парочку сюрпризов.

– Да, видимо, этот кардинальский шпион в гостинице принял Портоса за главного, – кивнул д'Артаньян. – Он мог так подумать, когда увидел, что именно Портос заказывает еду. Ему и в голову не пришло дождаться, пока я расплачусь.

– Хорошо, д'Артаньян, в следующий раз еду буду заказывать я, – усмехнулся Арамис. – Посмотрим, чем дело кончится.

– Действительно, это будет интересно, – тоже усмехнулся Атос.

Поредевший отряд мушкетёров поскакал дальше по лесам и полям на полной скорости.

«Дорожныеработы»

Наши герои были вынуждены притормозить перед знаком «Дорожные работы». Как ни странно, знака «Объезд» не было. Так называемые «дорожные рабочие» усердно копали яму посреди дороги и готовились закидать её ветками и присыпать сверху землёй, чтобы было незаметно, что именно они там натворили. Атос с первого же взгляда распознал западню, приготовленную специально для их отряда. Видимо, люди кардинала не ожидали, что мушкетёры примчатся так быстро, поэтому не успели закончить работу над ловушкой.

Арамис, ехавший впереди, увидев яму, крикнул:

– Эй вы, придурки, подвиньтесь, чтобы я мог проехать, не запачкав плащ!

– Как бы не так! – воскликнул один из «рабочих». – Посмотрите-ка, друзья, к нам пожаловали сами господа мушкетёры в своих лохмотьях! Гореть им в Гиене Огненной, в царстве Саддама Бен-Ладена!

– Опять эта чушь! – пробормотал д'Артаньян. – Уже даже как-то надоело. Что они, нового ничего придумать не могут?

– Очевидно, не могут, – пробормотал Атос.

– Разойдитесь, или мне придётся вас разгонять! – крикнул Арамис, вытащив шпагу.

Однако на этот раз люди кардинала не стали ждать, пока мушкетёры настучат им по тыкве. Они все дружно достали мушкеты и пальнули по Арамису, а заодно и по остальным мушкетёрам.

– Влево! – крикнул Атос. – Проедем через поле!

Отряд повернул влево и практически благополучно объехал препятствие. «Практически» потому, что одна пуля всё-таки попала в Арамиса, который, как мы помним, был ближе всего к стрелявшим. Тем не менее, Арамис удержался в седле, и отряд довольно быстро миновал кардинальских «рабочих» и их засаду.

– Ты в порядке, Арамис? – спросил Атос, когда они отъехали достаточно далеко.

– Жить буду, – глухим голосом ответил Арамис. – Мне бы сейчас пригодилась инструкция насчёт того, как использовать неделание смерти.

– Это непросто, – сказал Атос, не снижая скорости. – Нужно сдвинуть точку сборки в весьма нестандартное состояние, где тело автоматически отказывается от намерения смерти.

– И какое же намерение тогда приходит? – спросил Арамис.

– Трудно объяснить, – ответил Атос. – Ну, ты знаешь, какую

вибрацию излучают союзники и прочие неорганические существа?

– Представляю, – ответил Арамис.

– Нужно перейти самому на подобные вибрации, – продолжал Атос. – Но если увести точку сборки слишком далеко от человеческой полосы, появляется риск стать призраком. Помните, как действуют волшебные Кольца Силы дедушки Толкиена, которые делают своего владельца невидимым? Там действует похожий принцип – кольцо переводит точку сборки своего владельца в пограничную область между человеческим миром и миром призраков. И если носить кольцо слишком долго, в смысле, много-много лет, точка сборки будет погружаться всё дальше и дальше в мир призраков, после чего появляется риск однажды не вернуться назад. Так вот, с не-деланием смерти примерно такая же картина. Нас не интересует эффект невидимости, нужно выделить другую полосу эманаций, ту, в которой сохраняется видимый образ тела на физическом плане, но вместе с тем и отсутствует намерение смерти, характерное для существ, принадлежащих к физическому миру. Понятно?

– Примерно понимаю, – ответил Арамис. – По ходу разберусь. Если что, я ещё спрошу.

Мушкетёры скакали дальше. Обычным зрением д'Артаньян видел, что Арамис слегка побледнел, потом побледнел сильно, и, наконец, приобрёл какой-то серый оттенок. Когда д'Артаньян переходил на другое зрение, он видел, что энергетическое тело Арамиса, в обычном состоянии похожее на кокон или огромное светящееся яйцо, сейчас как бы сворачивалось внутрь себя. Когда трансформации закончились, энергетическое тело Арамиса чем-то напоминало один из высушенных бобов, которые д'Артаньяну доводилось видеть на крестьянских столах в своих деревнях. Короче говоря, перейдя в состояние не-делания смерти, Арамис практически перестал воспринимать окружающий мир.

– Надо доехать до ближайшего городка и найти там доктора, – сказал Атос. – С помощью не-делания смерти Арамис, конечно, может ходить с пулей в теле сколь угодно долго, однако пулю лучше вынуть. Тогда он сможет вернуть точку сборки в стандартное положение, и через некоторое время рана полностью заживёт. Конечно, было бы здорово, если бы в этой глуши вдруг оказался шаман с серебряным и золотым слитками. В этом случае Арамиса можно было бы восстановить за полчаса. Ну да ладно, здесь его как-нибудь залатают, а в Париже отведём его к шаману.

– Атос, как здорово ты всё спланировал! – воскликнул д'Артаньян. – По части тактики тебе нет равных!

– Спасибо, – сказал Атос. – Хотя я и не заслуживаю этой похвалы – ведь гораздо лучше у меня со стратегией.

Короче говоря, через час-другой мушкетёры доскакали до ближайшего городка. Атос на всём скаку заехал на лошади сквозь открытую дверь внутрь постоялого двора и крикнул:

– Есть у вас хоть один врач в городе?!

– Есть, – кивнул перепуганный трактирщик. – Сейчас за ним схожу.

– Пусть вылечит одного из наших друзей, – сказал Атос. – Передайте врачу, что надо вытащить пулю. За труды заплатим сполна, верно, д'Артаньян?

Д'Артаньян, чья лошадь топталась перед дверью трактира, не желая заходить внутрь, крикнул:

– Заплатим сполна! А шамана нормального в вашей глуши нет?

– Нет, – пролепетал трактирщик. – Тут рядом монастырь приверженцев религии кардинала.

– Кошмар! – воскликнул Картуш. – Понятно, почему из этой глуши все нормальные шаманы разбежались.

Лошадь Атоса вместе с самим Атосом наконец покинула помещение и вышла на свежий воздух. Мушкетёры решили оставить в этом городке Арамиса вместе с его слугой. Слуга помог Арамису спешиться и повёл своего господина в гостиницу, поддерживая его за руку. Арамис шагал, как во сне, глядя куда-то вдаль невидящими глазами. Возможно, он сейчас видел перед собой бескрайние поля эманаций Орла или даже Колесо Времени, а может быть, радужные переливы человеческой матрицы, про которую в начале 21 века даже сняли фильм, хотя и весьма переврали всё в сценарии. Или же Арамис видел цветовую игру неорганических существ… Как бы то ни было, а физический мир он, скорее всего, не видел.

– Ну что, Атос, номер два тоже готов? – спросил д'Артаньян, когда Арамиса увели в гостиницу.

– Готов, – кивнул Атос. – Однако я думаю, что мы сумели выиграть время у людей кардинала – ведь они не успели вырыть яму у нас на пути. Сдаётся мне, следующие ловушки они тоже не успели приготовить. Хотя… Чёрт побери, нас ведь ещё трое, да трое слуг, да плюс ко всему, мы выиграли время! Господа, у меня начинает складываться впечатление, что мы-таки доберёмся до Лондона.

– Это хорошо, – кивнул д'Артаньян. – Хотя следует учесть, что люди кардинала наверняка учли наш выигрыш во времени и теперь приготовят нечто особенно мерзкопакостное.

– Ну, будь, что будет, а живым я им не дамся! – воскликнул Атос. – Да и мёртвым тоже. Поехали дальше!

– Может, дать лошадям небольшой отдых, раз уж мы тут

приостановились? – спросил д'Артаньян.

– Через час пути будет ещё один городок, там и отдохнём, – сказал Атос. – Я хочу ещё немного удержать наше преимущество во времени. Да и потом, ты слышал, что сказал трактирщик – тут рядом кардинальский монастырь. Представь, как весь монастырь сюда сбежится, чтобы нас замочить? Я думаю, что это будет не очень приятно.

– Ты тысячу раз прав, – кивнул д'Артаньян. – Поехали дальше!

И мушкетёры снова понеслись галопом по направлению к Лондону.

Строимпланынаскаку

Мир трясся перед глазами, пейзажи сменяли друг друга, небо постепенно темнело. Мушкетёры останавливались ещё дважды за этот день, чтобы дать отдых лошадям и подкрепиться. Как ни странно, проблем пока не возникало, Атос высчитывал, сколько времени они ещё выигрывали у гвардейцев кардинала, а д'Артаньян думал о том, что гвардейцы кардинала могли приготовить ловушку где-то впереди.

– Такое вполне возможно, – согласился Картуш, когда д'Артаньян поделился с ним своими соображениями. – Они вполне могли рассудить, что раз уж мы оторвались от них здесь и во весь опор скачем к границе, то незачем сейчас бросаться вдогонку за нами, а опередить нас и во всеоружии встретить в каком-нибудь приграничном городке. Но в этом плане есть и один маленьких просчёт – мы-то едем по самой короткой дороге, и если бы кто-то захотел нас опередить, ему пришлось бы сначала нас догнать. А нас пока никто не догонял – ни Портос, ни гвардейцы кардинала. Так что тут можно быть спокойным. Но всё же мне кажется, что настоящие неприятности у нас начнутся на границе.

– Да, если кто-то хочет нас опередить, он либо должен нагнать нас, либо воспользоваться другим, нестандартным способом перемещения, – кивнул д'Артаньян. – Как думаешь, люди кардинала умеют телепортироваться?

– В большинстве своём не умеют, – ответил Картуш. – Они побеждают числом, а не умением. Хотя, конечно, на кардинала работают несколько профессионалов, но они – недоучки, потому что, если бы они знали не только то, как применять магию, но и зачем это надо, они бы давно перешли на нашу сторону. Ну, и сам кардинал, как я слышал, тоже что-то такое умеет – не просто же так он до кардинала дослужился, в самом деле! Так что он вполне может телепатически передать пограничникам приказ схватить нас в порту или что-то в этом роде. И потом, хоть я и не знаю, во что мы все ввязались, но зато я знаю кардинала. Если он как-то прознал о том предприятии, которое вы готовите, он ещё три дня назад мог отправить на границу своих людей со всеми нужными распоряжениями, так что нас там ждут. И я бы не стал в этом сомневаться.

– Значит, надо думать, как пересечь границу незамеченными, – пробормотал д'Артаньян.

– Как раз над этим я и думаю, – кивнул Атос. – Я не просто так битый час молчу в тряпочку. Знаешь, д'Артаньян, не

исключено, что нам пригодится твой трюк с демонстрацией обнажённого тела сновидения. По крайней мере, это их отвлечёт. Можно было бы вообще использовать путешествие в теле сновидения, да вот беда – в таком путешествии одежду с собой не прихватишь. Хотя, надо подумать. Тут надо очень хорошо подумать. Если провести ритуал, чтобы одежда и тело стали единым целым, то есть очень хороший шанс перетащить с собой через пролив и одежду, и письмо, и даже кошелёк с деньгами. Но я бы не стал прибегать к этому способу, потому что я даже теоретически плохо представляю, как это может сработать. Если только… но это подойдёт лишь на самый крайний случай.

– Что? – спросил д'Артаньян.

– Потом скажу, – ответил Атос. – Если этот крайний случай вообще настанет. Потому что тут я ни в чём не уверен. Возможно, сенцей смог бы прояснить ситуацию. Но если вообще есть способ доставить письмо и другие материальные предметы через энергетический мир, то сенцей сказал бы нам об этом ещё в Париже, а не отправил бы нас скакать через всю Францию. Так что, если надо скакать, значит, будем скакать.

– Так мы уже скачем, – усмехнулся д'Артаньян.

– Вот и прибавим ходу, – кивнул Атос. – Нам скоро устраиваться на ночлег, и я хочу напоследок выжать из лошадей максимум скорости.

Действительно, уже в сумерках наши герои влетели во двор небольшой гостиницы в очередном маленьком городке.

– Хозяин, три комнаты! – крикнул Атос.

– Только одна осталась, господин, – ответил хозяин постоялого двора.

– Ладно, господа, придётся потесниться, – сказал Атос. – Слуг отправим спать в конюшню. Да и я, признаться честно, с удовольствием заночевал бы на свежем воздухе. Для того, чем я собираюсь заняться сегодня ночью, мне крыша и стены ни к чему.

– Хорошо, – сказал Картуш. – Мы с д'Артаньяном как-нибудь разместимся в одной комнате.

– Разместимся, – кивнул д'Артаньян, вспомнив о своей удобной спальне в доме под Марселем.

Астральноепутешествие

Стояла ночь, все дружно храпели. Д'Артаньян и Картуш дрыхли на широкой двуспальной кровати, повернувшись спинами друг к другу. Планше и двое других слуг всхрапывали в кучах сена в конюшне. Не спал только Атос. Забравшись на телегу с сеном, стоявшую рядом с конюшней, он уселся в позу лотоса и начал входить в сновидение. На это понадобилось некоторое время. Устроив поудобнее своё физическое тело, успокоив нервные процессы и впав в полудрёму, Атос неторопливо вышел из тела, поднялся невысоко над землёй и огляделся. Ничего угрожающего он не заметил, кроме астрального тела ещё одной сновидящей лошади, которое парило невысоко над постоялым двором. Поднявшись ещё выше, Атос через некоторое время смог охватить взглядом и весь этот маленький городок. В астрале городок разглядеть было легче, чем на физическом плане, потому что все огни в маленьком городке погасли, ночь была тёмной, хотя Луна уже всходила над горизонтом.

Так вот, в астрале городок был виден лучше. Неторопливо бродили над землёй мысли и чувства людей, над дальним сгоревшим домом висели обрывки проклятья, немножко поблёскивающие разными холодными цветами. Местами над улицами городка парили неосознанные астральные проекции людей, погружённых в сон. Атос поднялся ещё выше. В астрале всё всегда освещено неясным светом, даже в самую тёмную ночь. Частично этот свет исходит от астрального тела самого сновидящего, частично этот свет исходит от неба. Да и потом, в астрале совершенно другие условия, и глаза астрального тела работают на ином принципе, нежели глаза тела физического. Атос без труда разглядел маленький городок, в котором они остановились. Он не увидел ничего угрожающего, если не считать бродивших в воздухе мыслей пьяного крестьянина о том, как хорошо было бы порубить косой соседа за все мелкие пакости.

«До чего же мелочны все эти людишки», – в очередной раз подумал Атос, невольно отследив парочку человеческих мыслей.

Затем он отключился от информации, выдаваемой жителями города, и поднялся ещё выше. Вскоре Атос запросто мог охватить взглядом половину Франции, а при желании и всю страну. Слева от него, вдалеке, лежала Англия. Атос заметил мерцание где-то в районе Лондона и понял, что это Жемчужина посылает в астрально-ментально-космическое пространство нечто вроде сигнала «SOS».

– Ничего, – пробормотал в ответ Атос. – Скоро спасём.

Затем он посмотрел вправо и увидел вдалеке пятно огня и света. Да, Париж даже в астрале, даже ночью в семнадцатом веке мерцал огнями фонарей. Сконцентрировавшись на Париже, Атос сформировал желание и рванул в сторону столицы. Было такое ощущение, что он мгновенно перенёсся из одной точки пространства в другую, на самом деле он очень быстро, со скоростью мысли, преодолел расстояние, отделяющее его от Парижа. Приблизившись к городу, Атос притормозил, не долетая до окраин. Теперь нужно было очень осторожно пробраться в особняк Лесли Нильсена, чтобы случайно не задеть астральной сигнализации кардиналистов. Рассчитав траекторию, Атос снова сформировал желание и, закрутившись винтом в переплетении парижских улиц, через секунду уже был перед входом в особняк Лесли Нильсена. Прислушавшись, он не услышал воя астральной сигнализации кардинала и понял, что всё прошло удачно, и его пока что не обнаружили. Дальше пройти сквозь стены дружественного особняка было просто. Атос пробрался в спальню Лесли Нильсена, где похрапывал почтенный сенцей. Астральное тело Атоса зависло над ним и начало повторять:

– Проснитесь, сенцей, проснитесь!

Запаснойплан

Лесли Нильсен спал. Правда, спал он весьма беспокойно. Почтенному сенцею снилась Жемчужина, зовущая его с другого берега Ла-Манша, потом ему снилась Луна, маленький городок, переплетение парижских улиц, кардинальский дворец… Лесли Нильсен застонал во сне, а потом увидел перед собой лицо Атоса, которое повторяло:

– Проснитесь, сенцей, проснитесь!

Лесли Нильсен подскочил, чуть не ударившись головой об столб, поддерживающий балдахин над кроватью.

– Чёрт побери! – пробормотал Лесли Нильсен. – Прогнило что-то во французском королевстве. Пойду-ка я снотворного выпью.

– Сенцей! – завопило астральное тело Атоса и сильно толкнуло Лесли Нильсена в бок.

– А это ещё что за нечисть?! – воскликнул Лесли Нильсен, переходя на астральное зрение и приготовившись к обороне – выставив вперёд астральный меч и напялив на себя астральную броню.

– Успокойтесь, сенцей, это я, Атос, – сказал Атос из того угла, куда отшатнулось его астральное тело после защитных махинаций Лесли Нильсена.

– Атос, тебе-то что тут надо? – спросил Лесли Нильсен. – Вы же вроде в Англию скачете?

– Скачем, – кивнул Атос. – Поспать остановились. А нужно мне у вас совета спросить, сенцей. Может быть, тетрадка ваша с рукописями про Жемчужину пригодится.

– Чего такое? – спросил Лесли Нильсен. – Вы что, второй раз Жемчужину потеряли? Или д'Артаньян оказался не пустым? Странно, а я на него так надеялся.

– Да нет, с д'Артаньяном всё в порядке, только вот люди кардинала, судя по всему, обложили всю границу, и мы вряд ли прорвёмся без боя, – ответил Атос. – Я тут разрабатывал запасной план, но кое-чего я не знаю, поэтому хотел спросить у вас.

– Ну, спрашивай, – сказал Лесли Нильсен, поняв, что ничего особенно страшного не произошло и устраиваясь в кровати поудобнее.

– Дело в том, что д'Артаньян мог бы запросто переправиться через Ла-Манш с помощью перетягивания тела сновидения, – начал Атос. – Но только одна проблема – письмо-то он с собой не прихватит.

– Это проблема, – кивнул Лесли Нильсен. – Поэтому и

придётся вам чесать через физический мир.

– Да, но я вот тут подумал, что, кажется, можно провести ритуал для того, чтобы во время перехода с одной точки пространственных координат в другую прихватить с собой и некоторые материальные предметы, – сказал Атос.

– Чисто теоретически это вроде бы возможно, – кивнул Лесли Нильсен. – В истории сохранились свидетельства о том, что когда-то такие случаи имели место быть. Вот только две проблемы – первое: никто толком не знает, как эти ритуалы проводить, и второе – для этого нужен невероятный источник энергии, которого у вас под рукой нет. Я, конечно, могу объявить клич по дзенским общинам, чтобы они поддержали вас, направив энергию коллективного сознания в одну точку, но, во-первых, тут надо точно рассчитать время, во-вторых, я и сам понятия не имею, как это сработает, а в-третьих, даже если всё и сработает, нельзя быть уверенным в правильности расчётов коридора. То есть, д'Артаньяна-то, может, и запендюрит в Бэкингемский дворец, а вот вещи его могут запросто всплыть где-нибудь в Эдинбурге. А если ещё нарушится связь времён, то вообще непонятно, где и когда всё это потом собирать.

– Всё верно, сенцей, я и сам об этом подумал, – кивнул Атос. – Но я подумал и ещё кое о чём.

– О чём? – спросил Лесли Нильсен.

– О Жемчужине, – ответил Атос. – Жемчужина ведь сама по себе – колоссальный источник энергии, а если она ещё и обладает сознанием, в чём я практически не сомневаюсь, то сознание это, наверняка, весьма непростое. Вот я и подумал – Жемчужина хочет, чтобы её вернули Королю, значит, она может захотеть помочь нам переправиться через Ла-Манш. Тогда, если Жемчужина обладает сознанием и энергией, она поможет установить коридор, через который пройдёт не только энергетическое тело д'Артаньяна, но и все его материальные вещи.

– В твоём плане слишком много «если», – пробормотал Лесли Нильсен. – В принципе, я тебя понял. В этом варианте нет ничего невозможного, но тут есть ещё одно «если». Если бы д'Артаньян или хоть кто-то из вас был бы настроен на Жемчужину, я бы голову дал на отсечение, что всё пройдёт как по маслу. Но, увы, во всём этом мире на Жемчужину Дао настроен лишь Его Просветлейшество, наш великий просветлённый Король. То есть, Короля бы Жемчужина перетащила. Теперь едем дальше. Да, Жемчужина обладает сознанием, но её отношения с физическим миром, должно быть, весьма странные, по крайней мере, странные для нас, людей. Вместо д'Артаньяна она может

прихватить кого-то не того. Или что-то не то. Представь, как вместо нашего Пустого Ума Жемчужина притащит в Бэкингемский дворец кусок поля и пару-тройку деревьев или другой кусок ландшафта? На самом деле я не знаю, может ли такое случиться, я знаю только, что произойти может что угодно. Тут слишком уж много неизвестных.

– А в той рукописи об этом ничего нет? – спросил Атос.

– О том, чтобы Жемчужина перетащила кого-то вместе со шмотками? – переспросил Лесли Нильсен. – Об этом там ничего нет, можешь не сомневаться, – я перечитал эту рукопись от корки до корки. Хотя, чисто теоретически… Если наш д'Артаньян – действительно Пустой Ум, то Жемчужина должна бы определённым образом благоволить к нему. То есть, она вроде бы как-то отличает его от других людей, ну, как ты отличил бы белую ворону от чёрных. Тогда… возможно, Жемчужина его и протащит. Но всё равно, не знаю. Этот план сгодится только на крайний случай! Вот тебе мой приказ, Атос: если вдруг дойдёт до того, что вы больше ничего не сможете сделать, подготовьте д'Артаньяна к переходу. Пусть он мысленно вызовет Жемчужину, даже если он её ни разу в глаза не видел, и… Одним словом, дальше останется только надеяться, что у д'Артаньяна и в самом деле абсолютно Пустой Ум. Если так, то он попадёт точно туда, куда надо. Если нет, мы его вряд ли когда-нибудь найдём. А если и найдём д'Артаньяна, то письмо не найдём уж точно. Всё понял?

– Да, сенцей, спасибо вам огромное! – сказал Атос. – Ну, я полетел.

– Желаю удачи, – сказал напоследок Лесли Нильсен, переворачиваясь на другой бок.

Атос поднимался всё выше и выше над Парижем. Поняв, что уже поднялся на достаточную высоту, он определил направление, в котором находилось его физическое тело по отношению к телу астральному, и со скоростью мысли рванул к нему. И астральная сигнализация кардинала могла хоть до утра заливаться воплями.

Мы могли бы долго говорить о пейзажах астрального мира, но не будем сейчас об этом. По крайней мере, я уверяю вас, что мы обязательно вернёмся к этой теме как-нибудь в другой раз. А пока скажем проще: Атос вернулся в тело и свалился с кучи сена в курятник, подняв изрядный шум.

До утра было ещё далеко. Атос зашёл в помещение постоялого двора и разжился там свечкой, бумагой, пером и чернилами. Сев за стол, он набросал примерные инструкции для д'Артаньяна, после чего спрятал исписанные листы бумаги в карман, погасил свечу и пошёл спать.

Утренниебеседыпросветлённых

Утро выдалось замечательное. Золотой шар Солнца висел в чистом небе, птицы что-то распевали. В конюшне спала та лошадь, которая всю ночь практиковала астральные путешествия. Д'Артаньян и Картуш выбрались на свежий воздух из своей тесной комнаты.

– А где Атос? – спросил д'Артаньян.

– Наверно, спит ещё, – ответил Картуш. – Он вчера говорил, что хочет поспать на свежем воздухе, и я его понимаю. Я бы и сам на таком воздухе поспал с удовольствием. А что, сегодня мы опять скачем во весь опор до границы?

– Угу, – кивнул д'Артаньян.

– Я просто подумал, как здорово было бы хотя бы одно утро просто посидеть здесь и ничего не делать, – вздохнул Картуш.

– Ну что ж, нам ведь ещё надо позавтракать, – сказал д'Артаньян.

– А вот это верно, – сказал Картуш. – Пойду будить трактирщика.

Картуш удалился, а д'Артаньян ещё немного постоял на крыльце. Довольно скоро со стороны конюшни появились заспанные слуги.

– Привет, Планше! – сказал д'Артаньян. – Ты Атоса не видел?

– Месье Атос всё ещё изволит отдыхать, – ответил Планше. – Мне кажется, он лёг спать вчера очень поздно.

Слуга Атоса молча кивнул. Д'Артаньян уже привык к тому, что слуга Атоса на редкость молчалив – чтобы развить у парня способность к телепатии, Атос вообще не разговаривал с ним, а приказания отдавал только телепатически. Это привело к тому, что за пять лет службы у Атоса слуга почти разучился говорить.

– Ладно, не будем его будить, пусть ещё поспит, – сказал д'Артаньян. – Пошли завтракать. Я думаю, Атос скоро к нам присоединится.

Кардиналбалуетсямагией(покаинквизиц

Тем временем в Париже кардинал был весьма встревожен тем фактом, что его астральная сигнализация оказалась весьма потревоженной этой ночью. Даже не просто потревоженной – сигнализация, можно сказать, трещала по всем швам. Несмотря на то, что официальная церковь, к которой принадлежал кардинал, не признавала даже существования астральных проекций и прочих магических способностей, кардинал пользовался и астральной сигнализацией, и телепатией, и даже иногда сновидел.

Можно до бесконечности говорить о том, что магии не существует, тем не менее каждый человек вольно или невольно каждый день практикует магию, осознанно или неосознанно, на пользу себе или же себе во вред. Поэтому говорить, что магии не существует – всё равно, что сомневаться в том, что Земля вращается вокруг Солнца. Хотя находятся отдельные придурки, отрицающие оба этих утверждения.

Так вот, кардиналу очень не понравилось, что кто-то растрезвонил всю его сигнализацию, поэтому кардинал решил срочно принять меры. Мушкетёров, за которыми он послал едва ли не половину своих свободных людей, всё ещё не поймали, так что кардинал решил действовать другими методами. Он уединился в своём кабинете, вытащил из сейфа магический кристалл и водрузил его на подставку, стоявшую на столе. Затем кардинал достал пепельницу и навалил в неё целый букет засушенных трав, конфискованных гвардейцами у всяких «ведьм» и «колдунов» в кардинальских деревнях. Всю эту кучу травы кардинал запалил, и через несколько минут кабинет его был насквозь пропитан дымом благовоний. Кардинал решил, что теперь можно начинать сеанс телепатической связи. Глядя в кристалл, кардинал взвыл страшным голосом:

– Вызываю миледи Винтер! Вызываю миледи Винтер!

Вспомнив, что миледи была англичанкой, кардинал ещё несколько раз повторил эту фразу по-английски. Наконец, в кристалле появилось какое-то изображение (возможно, у кардинала просто пошли глюки, потому как травы он нанюхался изрядно). Кардинал снова повторил свой призыв.

– Да здесь я, не орите так, ваша светлость! – донёсся из кристалла голос миледи. – Между прочим, не могли бы вы позвонить попозже, я ещё не одета!

– Так ведь уже полдень, – сказал кардинал.

– Ну, так я ж по ночам работаю, – ответила миледи. – Надо же

мне как-то добывать деньги после того, как муж мой отравился настоем из бледных поганок! И как только этот настой оказался в его фляжке для коньяка, понять не могу!

– Миледи, сейчас не об этом, – сказал кардинал. – У меня для вас задание.

– А я вам как раз намекаю на моё тяжёлое финансовое положение, – сказала миледи.

– Хорошо, мешок с деньгами будет в Лондоне к концу недели, если вы сделаете всё, как надо, – сказал кардинал.

– Отлично, – сказала миледи, вставая с кровати и надевая халат. – Говорите, кого надо убить?

– Убить пока никого, – ответил кардинал. – Как вам должно быть известно, герцог Бэкингем недавно вернулся из Франции.

– Я что-то слышала об этом его визите, – кивнула миледи. – И как герцог, удачно съездил?

– Весьма удачно, – ответил кардинал. – И он даже кое-что прихватил с собой. Одно из двух главнейших сокровищ французской короны – Жемчужину Дао.

– И вы хотите получить её назад? – спросила миледи.

– Да нет, я как раз заинтересован в том, чтобы она как можно дольше оставалась за пределами Франции, – ответил кардинал. – Но в этом не заинтересована Королева. Её курьеры как раз сейчас во весь опор скачут в Лондон, чтобы доставить Жемчужину назад, в Париж.

– А что герцог? – спросила миледи.

– Герцог отдаст Жемчужину с удовольствием, – ответил кардинал. – Но нам это не нужно.

– Так перехватите курьеров, – посоветовала миледи.

– А как вы думаете, чем сейчас занимаются все мои пограничники? – переспросил кардинал.

– Ясно, так от меня-то что требуется? – спросила миледи.

– Поскольку курьерами Королева отправила мушкетёров, я склонен полагать, что у них есть маленький шанс выбраться из тех передряг, которые я для них приготовил, – ответил кардинал. – И на этот случай я приберёг козырь – то есть, вас, миледи.

– Благодарю вас, ваша светлость, что так высоко обо мне отзываетесь, – сказала миледи.

– Вы этого заслуживаете, – ответил кардинал. – Так вот, ваша боевая задача – стащить Жемчужину у герцога Бэкингема. Вы ведь наверняка сумеете пробраться в его дворец?

– Смогу, если постараюсь, – улыбнулась миледи. – В конце концов, в его охране нет ни одного колдуна.

– Ну, парочка-то колдунов у герцога всё-таки есть, – возразил

кардинал.

– Они ограничились тем, что поставили вокруг дворца защитное поле, – объяснила миледи. – Обойти его нелегко, но возможно. Я это сделаю. Жемчужину герцог, скорее всего, хранит в сейфе, а пароль герцогского сейфа знает каждый дурак.

– Угу, пароль «Анна», – кивнул кардинал. – Значит, сегодня же вы проберётесь во дворец незамеченной, возьмёте из сейфа Жемчужину и опять же незамеченной выйдете оттуда?

– Всё верно, ваша светлость, – кивнула миледи. – И я буду ждать мешок денег, как и условились.

– Мешок денег будет, – кивнул кардинал. – Вам его доставит Рошфор, если операция пройдёт успешно.

– А что мне делать с Жемчужиной после того, как я её украду? – спросила миледи.

– По легенде, Жемчужина появилась из морских вод, – ответил кардинал. – Выбросьте её в море где-нибудь в Шотландии. Пусть какой-нибудь Маклауд найдёт её и просветлится.

– Будет исполнено, ваша светлость, – кивнула миледи. – Ну что ж, до связи!

– До связи, – кивнул кардинал.

Изображение в кристалле исчезло, а кардинал решил ещё немного повеселиться, пока не выветрился дым от травы.

– Вызываю канал порно! – завопил кардинал, глядя в кристалл. – Вызываю канал порно!

Настроив кристалл на нужный канал, кардинал достал из кармана специальную мазь, которая продавалась со слоганом «Три мушкетёра своего» и регулярно рекламировалась в «Комеди-клубе».

ТакукрашаласьБастилия

Во второй половине дня обкуренный кардинал отправился с официальным визитом к Королю. Короля во дворце не было – он вместе с членами дзенской общины расписывал стены Бастилии рисунками-граффити. Мало кто знал, что название крепости Бастилия происходило от имени египетской богини Баст. Однако, это не мешало Королю и дзен-буддистам разрисовывать крепость. Кардинал нашёл Короля и там, только на всякий случай взял с собой пятерых гвардейцев, чтобы отгоняли от кареты художников.

Увидев карету кардинала, Король спустился с крепостной стены, которую он вдохновенно разрисовывал. По всей стене висели на верёвках дзенские монахи, они рисовали на стенах Бастилии цветы, траву, Солнце, небо, пацифистские знаки, китайские иероглифы и широкую надпись «L'amour et liberte toujours!»

Кардинал, увидев это творчество, схватился за сердце. Но потом вспомнил, зачем приехал, и криво ухмыльнулся.

– Добрый день, господин кардинал! – воскликнул Король, подойдя к его карете.

Его Величество был одет в роскошный камзол и плащ, что не помешало ему основательно заляпать одежду краской. Кстати, с тех пор подобная «заляпанная» одежда вошла в моду – известнейшие дизайнеры объявили её последним писком моды.

– И вам, добрый день, Ваше Величество, – сказал кардинал.

– Что же заставило вас примчаться сюда? – спросил Король. – Я ведь знаю, что вы не любите живопись.

– Не люблю, – кивнул кардинал. – Но что поделать, Ваше Величество, я должен был предупредить вас кое о чём… Это срочно!

– Что, опять революцию готовят? – спросил Король. – Господин кардинал, вам надо бы уменьшить налоги с ваших деревень, а то так народ и в самом деле начнёт бунтовать.

– Вы думаете? – спросил кардинал. – Мои подданные абсолютно счастливы!

– А мы вот Бастилию разрисовываем, чтобы люди глядели на неё и радовались, – улыбнулся Король. – А то раньше Бастилия внушала всем страх, теперь пусть внушает радость.

– Это весьма приятно, – кивнул кардинал, поморщившись. – Но есть одна проблема. В народе ходят неопределённые слухи. Я не знаю, кто их распускает, но как только узнаю, сразу же повешу его на крест. Так вот, в народе ходят слухи, будто бы у Её Величества украдена Жемчужина… как уж вы её там называете…

Жемчужина Дзен?

– Жемчужина Дао, – поправил Король. – Что за глупые слухи, кардинал! Жемчужина преспокойно лежит себе вместе с другими драгоценностями Её Величества в хранилище. Если людям угодно, я хоть сейчас прикажу достать её и показать всем желающим.

– Ну, зачем же это делать сейчас? – спросил кардинал. – К чему торопиться? Скоро бал. Пусть на балу Её Величество снова наденет Жемчужину, как и в прошлый раз. Это убедит всех ненормальных сплетников, что мы не только следим в оба глаза за драгоценностями, но и в том, что мы не придаём ни малейшего значения всяким там глупым слухам на этот счёт.

– На этот раз вы правы, кардинал, – снова улыбнулся Король. – Я скажу Её Величеству Королеве Анне, чтобы она надела Жемчужину на бал, как всегда. А теперь езжайте к себе во дворец и ни о чём не волнуйтесь. Отдохните немного, а то у вас такой вид, будто вы проводили телепатический сеанс, даже толком не соображая, как это делается.

– Наша религия учит, что телепатии не существует, – гордо произнёс кардинал.

– Ну и чушь! – ответил Король. – А может, я вашу карету немного подкрашу?

Через десять секунд Король стоял на том же месте и глядел вслед карете кардинала, которая стремительно неслась прочь от разукрашенной Бастилии.

– Безотказное средство, – усмехнулся Король. – А на кардинала я поражаюсь. Врёт и не краснеет! Молодец!

– Ваше Величество! – крикнул кто-то сверху. – У нас красная краска закончилась! Прихватите с собой пару баночек, когда будете подниматься!

– Окей, ребятки! – крикнул Король и снова вернулся к более приятным занятиям, чем кардинальские интриги.

Что ж, кому-то приятно рисовать граффити, а кому-то – плести сложный узор интриг, но в обоих случаях мы сталкиваемся с проявлениями высшей творческой способности человека. Да, Король и кардинал определённо принадлежали к разным типам людей. Но, тем не менее, общими усилиями они способствовали мировому прогрессу, хотя каждый из них и тянул в свою сторону. Что ж, в извечной борьбе между светом и тьмой, между одной условной группировкой и другой отдельный человек рискует чему-нибудь да научиться. Ненависть к врагам – самый сильный стимул, подстёгивающий человека к саморазвитию, самопознанию и прочим полезным вещам. А все эти названия – свет, тьма, чёрное, белое, дзен и религия Романского Попа –

просто чистые условности на пути к нирване и абсолютной свободе. Что такое условности и зачем они нужны? Ну, вроде правил в карточной игре. По правилам играть тяжело, а без них вроде бы и неинтересно. И даже возможность нарушить правила тоже является одним из правил. Такая вот телега.

ЛовушкадляАтоса

Вернёмся же к отряду мушкетёров, которых мы ненадолго упустили из виду. Пока кардинал проверял свою астральную сигнализацию, наши герои завтракали. Д'Артаньян и Картуш почти закончили трапезу, когда в трактир вошёл Атос.

– Привет, ребята! Доброе утро, – сказал Атос, садясь за стол. – Эй, трактирщик, быстро принеси мне всё то же самое, что уже успели съесть эти господа.

– Уже несу, – крикнул трактирщик, убегая в кухню.

– Ну что, Атос, как спалось? – спросил д'Артаньян. – Планше сказал, что ты полночи где-то бродил. Что, производил разведку?

– Да нет, выходил на связь с сенцеем, – ответил Атос. – Нужно было уточнить кое-что. Зато теперь у нас есть план действий на самый крайний случай.

– Правда? – спросил д'Артаньян. – И что же это за план?

– Сначала съем что-нибудь, потом расскажу – ответил Атос. – Но если коротко – в том случае, если нас прижмут на границе, ты, д'Артаньян, должен применить технику путешествия в теле сновидения.

– А что толку, вещи-то я с собой не заберу, – сказал д'Артаньян.

– Мы с сенцеем кое-что придумали на этот счёт, – ответил Атос. – Я написал инструкцию и приложил всё необходимое – это всё в моей сумке. Говорю на тот случай, если со мной вдруг случится какая-нибудь неприятность вроде тех, что случились с Портосом и Арамисом.

– Понятно, – сказал д'Артаньян. – Но я надеюсь, что до Лондона мы доберёмся все втроём.

– За это надо выпить! – сказал Картуш, наливая вина всем троим.

– Выпьем! – хором откликнулись Атос и д'Артаньян.

Д'Артаньян хотел ещё порасспросить Атоса о предстоящем перемещении, но тут трактирщик принёс еды, и Атос некоторое время не мог говорить.

– Ну что, – сказал Картуш. – Пойду седлать лошадь. Когда Атос закончит завтракать, я уже буду готов.

– Приготовьте и мою лошадь, – сказал Атос с набитым ртом. – Я хочу выехать сразу же, не теряя ни секунды.

– Хорошо, я тогда тоже пойду, прикажу слугам собрать вещи, – сказал д'Артаньян. – Атос, будь другом, расплатись за завтрак, – с этими словами д'Артаньян достал из своего мешка несколько золотых монет и вручил их Атосу.

– Угу, – кивнул Атос, продолжая жевать.

Картуш, д'Артаньян и слуги тем временем готовились к отъезду. Когда всё было готово, слуга Атоса отправился доложить своему хозяину, что уже можно ехать. Атос в этот момент как раз расплачивался. Трактирщик взял у него пару золотых монет, поглядел на них и заорал:

– Деньги фальшивые! Держите вора!

– Я тебе сейчас покажу фальшивые деньги! – воскликнул Атос, хватаясь за шпагу.

В этот момент из кухни выбежали шестеро гвардейцев кардинала, все вооружённые и с криками «Держи вора» набросились на Атоса. Атос начал от них отбиваться и крикнул изо всех сил:

– Д'Артаньян, скачите! На меня напали! Инструкции в моей сумке! Я справлюсь, скачите!

Д'Артаньян и Картуш поняли, в чём дело. К тому же ни один из них не сомневался, что Атос действительно справится, даже если кардинал пошлёт на него всю армию с мушкетами и пушками. Д'Артаньян подхватил сумку Атоса, которая была прикреплена к седлу его лошади, и вжарил шпорами по бокам своего скакуна. Картуш тоже дал газу. Позади них скакали слуги. Из трактира донеслись выстрелы.

Опользедубазелёного

– Не зря Атос прихватил с собой пару пистолетов, – пробормотал д'Артаньян. – Слушай-ка, что-то всё это мне сильно не нравится. Выехали мы вдесятером, а осталось нас только четверо. По-моему, кардинал в последнее время в ударе.

– Но, по крайней мере, мы всё ещё скачем, – ответил Картуш. – Несмотря на всё то, что кардинал со своими болванами для нас приготовил. А это значит, что и мы тоже в ударе.

– Как думаешь, далеко ещё до границы? – спросил д'Артаньян.

– Через пару часов будет Кале, – ответил Картуш. – Только сдаётся мне, ничего хорошего нас там не ждёт. Но на этот случай можешь не волноваться – я знаю, как это проверить. Когда-то в этих местах я разбойничал со своей шайкой.

– Как же так получилось, что ты стал мушкетёром? – спросил д'Артаньян.

– Просветление и не такое с людьми делает, – вздохнул Картуш. – Да, кстати, д'Артаньян, если в Англии тебе понадобится помощь, всегда можешь рассчитывать на моего друга Робин Гуда. Он там со своими ребятами в лесу живёт. У них своего рода дзенская колония. В Англии хоть и не признают религию кардинала, у них своя, весьма извращённая форма господствующей религии. Они даже с Романским Попом поссорились. Тем не менее, просветлённых они тоже вроде бы не ценят. Поэтому Робин и создал свою колонию. Его ребята всегда будут рады помочь братьям по просветлению.

– Рад слышать, – кивнул д'Артаньян. – Только как же мы их там найдём?

– Телепатически, как же ещё! – воскликнул Картуш. – А Робин Гуд вообще-то любит посылать друзьям сообщения на бумаге. Кусок бумаги к стреле привязывает и палит.

– Ни разу не промахивался? – спросил д'Артаньян.

– На моей памяти – ни разу, – ответил Картуш. – Даже в Марсель мне как-то раз весточку послал. Его стрела как раз фуражку лейтенанта Крюшо задела.

– А, так вот почему лейтенант Крюшо теперь без фуражки ходит! – расхохотался д'Артаньян.

– А ты что, его знаешь? – спросил Картуш.

– Я для него «такси» поймал, – ответил д'Артаньян. – И благодаря тому мешку золота, который полагался мне в качестве вознаграждения, я и приехал в Париж.

– Прикольно, – кивнул Картуш. – А «такси» нам сейчас бы

пригодилось!

– Это как понимать? – спросил д'Артаньян.

– А так, что за вот этот твой мешок золота, который тебе дали на дорогу, чувак, который водит такси, довёз бы нас до Лондона и обратно через все кардинальские заставы.

– А это мысль, – кивнул д'Артаньян. – Ладно, сами доберёмся.

– Теперь-то уж придётся, – усмехнулся Картуш. – Ага, вот и знакомая тропинка. Свернём налево.

– И зачем же? – спросил д'Артаньян.

– Обстановку выяснить, – ответил Картуш. – У меня тут был наблюдательный пункт.

Они свернули на тропинку, которая привела их на красивую лесную поляну.

– Вон с того дуба отлично виден порт, – сказал Картуш, направляясь к старому-престарому дубу. – Сейчас мы сразу поймём, чего ожидать.

– Прикольно, – сказал д'Артаньян. – Посмотрим, сколько народу кардинал сюда пригнал, чтобы нас встретить.

Картуш и д'Артаньян спешились, после чего залезли на дуб. Лезть пришлось высоко. С самых верхних веток действительно был виден порт и небольшой городок, раскинувшийся рядом. Увидев, что творилось в порту, Картуш присвистнул от удивления, а д'Артаньян даже спрятался за ветку, чтобы его случайно не заметили.

По всему порту бегали взад-вперёд гвардейцы кардинала. Они о чём-то горячо спорили с матросами, д'Артаньян и Картуш поняли, что кардинал приказал закрыть порт – с торгового корабля, готового к отплытию, гвардейцы вытаскивали бочки и мешки с товарами. Команда этого корабля стояла поблизости опять же под охраной гвардейцев. Капитан пытался спорить, но какой-то гвардеец, видимо, самый главный, показал капитану бумагу с кардинальской печатью, и капитан умолк.

– Ни фига себе, как нас встречают! – воскликнул д'Артаньян. – Такое ощущение, что на Францию опять обрушился поток нелегальной эмиграции.

– Если всё это для нас приготовил кардинал, а в этом можно не сомневаться, я почти уверен, что мы не сможем даже войти в город, – сказал Картуш. – Возможно, если бы нас было десять, мы бы ещё могли прорваться через все эти баррикады и угнать какой-нибудь корабль. А вчетвером мы вряд ли даже с боем доберёмся до порта.

– И что же делать? – спросил д'Артаньян.

– Ну, Атос же говорил, что у него есть какой-то запасной план, – улыбнулся Картуш. – Давай-ка заглянем в его сумку.

Картуш и д’Артаньян слезли с дуба и заглянули в сумку Атоса.

ТемвременемвЛувре

В то время как Картуш с д'Артаньяном лазили по чужим сумкам, Король со своими придурками дзен-буддистами возвратился в Лувр. В гостиной он встретил Королеву с её отрядом гувернанток.

– Добрый день, Ваше Величество! – воскликнула Королева радостно. – Как ваши хулиганства с покраской Бастилии?

– Почти закончили, – рассмеялся Король. – Осталось ещё Солнце дорисовать и надпись вывести, этим сейчас ребята занимаются. А у меня ещё всякие там государственные дела и всё такое прочее. Одним словом, собственный город покрасить некогда!

– Я уверена, что народ оценит ваши старания, Ваше Величество, – улыбнулась Королева.

– Да, кстати, о народе, – сказал Король. – У нас тут скоро новый бал намечается, и у меня к тебе просьба – я хочу, чтобы ты появилась на балу в ожерелье с Жемчужиной Дао. Да, я знаю, как ты не любишь два раза подряд появляться в одних и тех же драгоценностях, но, пожалуйста, на этот раз сделай мне приятное.

– Ваше Просветлейшество, послы из Италии, – доложил камердинер.

– Ну, чего им надо? – спросил Король. – Ладно, через десять минут введёшь их в тронный зал.

– Как прикажете, Ваше Просветлейшество, – сказал камердинер и удалился.

А Король, бормоча что-то себе под нос, отправился переодеваться.

– Ну что, кажется, пора падать в обморок, – сказала Королева и грохнулась прямо на мадам Бонасье.

ИнструкцииАтоса

– Я балдею – ну, откуда у Атоса золотые часы на цепочке! – воскликнул Картуш, роясь в сумке Атоса. – И непонятно, почему он носит их в сумке, а не в кармане? Эх, как бы я круто выглядел в Париже с такой фишкой!

– Картуш, мы же с тобой инструкцию ищем, – напомнил д'Артаньян.

– А, да, точно! – спохватился Картуш. – Да где же она?

– Наверно, это вон тот серый конверт с надписью «Инструкции», – подсказал д'Артаньян.

– Да, точно, – сказал Картуш, распечатывая пакет.

Внутри было письмо и фотография Бэкингемского дворца.

– Ни хрена себе! – воскликнул Картуш, рассматривая фотографию. – Откуда у Атоса эта штуковина?

– Ага, инструкции он всё же оставил, – пробормотал д'Артаньян, читая письмо.

– Погоди, дай и мне посмотреть, – сказал Картуш и начал читать через плечо д'Артаньяна.

Атос написал следующее:

> Привет, д'Артаньян, не психуй! Если ты это читаешь, значит, меня прищучили, и вы с Картушем тоже попали в переплёт. Так вот, объясняю, что надо сделать. Там, в сумке, найдёшь мешочек с травами. Запали костерок, потом подпали сухие травы и окури себя дымом. Или пусть Планше тебя окурит. Это поможет тебе обрести энергетическое единство со всеми теми предметами, которые ты хочешь взять с собой. Не забудь заранее распихать всё необходимое по карманам. Потом пусть Планше очертит вокруг тебя огненный магический круг. Ну, пусть хоть сухие листья подожжёт или хворост какой. Так вот, д'Артаньян, короче говоря, ты, сидя в огненном кольце, входи в состояние сновидения. Сначала внимательно рассмотри картинку с Бэкингемским дворцом – изображение достоверное, англичане эти картинки туристам продают. Хорошенько запомни, как выглядит дворец. Затем, входя в сновидение, сконцентрируйся на Жемчужине Дао. Она из дворца подаёт сигналы бедствия. Попробуй войти с Жемчужиной в контакт и попросить у нее помощи. Попробуй как-нибудь объяснить ей, чего ты от неё хочешь. А хочешь ты, чтобы Жемчужина доставила тебя

прямиком в Бэкингемский дворец, понял? Как только наладишь контакт с Жемчужиной, входи в сновидение и перемещайся в Бэкингемский дворец, который на картинке. Дальше ты помнишь технику – надо просто оставаться там достаточно долгое время, наполняя тот мир, в котором ты окажешься, ощущением реальности и перетягивая эманации всего твоего энергетического и физического тела. Часа через два ты проснёшься во дворце герцога, а там уж действуй по ситуации, тебе виднее будет. Как вернуться в Париж с Жемчужиной, ты уж сам думай, авось, люди герцога помогут. Ну, прощай, д'Артаньян! Надеюсь, всё пройдёт успешно.

Теперь уже из нирваны, навеки Ваш,
Атос.

– Так значит, герцог Бэкингем спёр из Парижа Жемчужину Дао! – воскликнул Картуш. – Ну, ни фига себе! И мы теперь, типа, её возвращаем? А кардинал-то тогда чего бесится?

– Дело в том, что Жемчужину герцог спёр под чётким контролем кардинала, – ответил д'Артаньян. – Весь план с самого начала задумал кардинал. А герцог, похоже, тоже пытается как-то помочь нам вернуть Жемчужину на место. По крайней мере, это он придумал, чтобы Королева послала за Жемчужиной курьеров. Не знаю уж, как кардинал об этом догадался, но он-то как раз заинтересован в том, чтобы Жемчужину мы не добыли.

– И что теперь делать? – спросил Картуш.

– Планше, тащи хворост! – приказал д'Артаньян. – Картуш, будешь меня окуривать.

– Окей, – воодушевился Картуш. – Я на этот случай даже специальные заклинания знаю. И всё же, если встретишь в Англии Робин Гуда…

Путешествиевтелесновидения

Через час Планше разложил хворост в стратегическом порядке вокруг д'Артаньяна. Картуш разжёг рядом костёр, поджёг пучок сухих трав, от которого сразу же повалил едкий дым, и начал окуривать этим дымом д'Артаньяна, который стоял в центре выложенного хворостом круга. При этом Картуш бормотал что-то не то на кельтском, не то на индейском языке. Закончив мантры, Картуш перешёл на французский:

– Беги-беги энергия, лети, пахучий дым, пусть с тем, что вокруг, твоё тело станет одним, забери с собой, д'Артаньян, друг мой, всё что рядом с тобой, пусть нашепчет прибой и пусть ветер поёт, в путешествие я прихвачу бутерброд…

Д'Артаньян не очень хорошо разбирался в заговорах и не понял, при чём тут бутерброд, но то ли от дыма, то ли от всей той белиберды, которую бормотал Картуш, д'Артаньяна начало клонить в сон. Когда Картуш наконец-то заткнулся, а пучок сухих трав почти догорел, д'Артаньян сонно произнёс:

– Что-то я спать хочу!

– Ага, работает ещё детская сказка! – воскликнул Картуш, выпрыгивая за пределы круга. – Д'Артаньян, устраивайся поудобнее и входи в сновидение. Планше, запаливай!

Д'Артаньян уселся в позу лотоса и начал фокусировать своё второе внимание на теле сновидения. В этот момент Планше запалил хворост, и вокруг д'Артаньяна ясно очертился огненный круг. Д'Артаньяну чудилось, что за границей круга пляшут обкуренные индейцы и выкрикивают что-то типа:

– Хэйа-хэйа-хинаяна!

Потом индейцы сменились индусами, которые выкрикивали:

– Кали, Кали, хэ-йа, Кали!

За индусами последовали кельтские воины, напевавшие:

– О, хар-мэр-хэд-ме, ом-мани-уре, ор-хар-мэр-хэд-ме, хар-мэр-хэд!

Постепенно перед д'Артаньяном прошли хороводом чуть ли не все народы мира. Войдя в сновидение, наш герой вспомнил, что надо бы сконцентрироваться на Жемчужине, и на всякий случай представил себе Бэкингемский дворец. Картинка слегка дёрнулась, потом пошла волнами, и д'Артаньян на месте Бэкингемского дворца увидел чёрный шар. Кажется, этот шар крутился вокруг своей оси, отражая какие-то блики, изредка на чёрной поверхности шара появлялись и тут же исчезали маленькие серебряные точки, похожие на звёзды. Д'Артаньян продолжал смотреть на шар, чернота засасывала его. Потом

чернота осветилась голубым светом, и д'Артаньян почувствовал, что его как будто бы затягивает в морскую пучину. На самом дне самого глубокого океана д'Артаньян увидел сквозь толщу воды и непробиваемую черноту какие-то полуразрушенные каменные строения. Потом ему показалось, что эти каменные домики живые, некоторые из них зашевелились, один, кажется, даже выступил вперёд и заговорил, шевеля круглым окном как ртом.

А потом д'Артаньян почувствовал, как его рвануло вверх, вода становилась всё более светлой, она уже стала прозрачной – не то зелёной, не то голубой. Наконец, д'Артаньян увидел прекрасную голубую лагуну и понял, что это и есть те самые Южные острова, на которых впервые увидела свет Жемчужина Дао. Или она увидела свет ещё раньше, просто долгие тысячелетия была погребена на морском дне? Возможно. Д'Артаньян этого не знал. Затем он снова увидел каменные строения вроде тех, что находились под водой, только они стояли на земле, под синим небом, и вокруг были зелёные-зелёные растения. Д'Артаньян и не думал даже, что зелёный цвет может быть настолько чистым и ярким, – именно таким удивительным цветом обладали растения на Южных островах. Потом всё вокруг подёрнулось туманом, а затем д'Артаньян увидел дворец, роскошный, но какой-то странный. Казалось, что во дворце не было окон, и крыша тоже была какая-то странная. Перед дворцом стоял император, перед императором почтительно склонился Пустой Ум, преподносящий императору Жемчужину. Картинка снова дёрнулась, цвета встряхнулись и превратились в густой оранжевый и тёмно-синий. В оранжевой стране под синим-синим небом толпы людей поклонялись странному существу трёхметрового роста, которое шло через город, поигрывая жемчужным ожерельем как дешёвой безделушкой. В следующем видении была толпа варваров, скакавших перед постаментом с Жемчужиной, но ни один из них не понимал, что есть эта Жемчужина и для чего она нужна. Потом перед взором д'Артаньяна проплыли образы французских королей, каждый из них держал в руках Жемчужину.

И, наконец, д'Артаньян почувствовал огонь. Огонь был совсем рядом, и д'Артаньян без малейшего страха ощутил, что сейчас он сгорит. Но что-то пришло ему на помощь. Это «что-то» приняло образ прохладной комнаты с открытым окном. Д'Артаньян заметил в комнате диван и попробовал сесть на него. Из окна в комнату врывался удивительно приятный прохладный воздух…

Барбекюизд’Артаньяна

Огненное кольцо вокруг д’Артаньяна неожиданно увеличилось в размерах. Теперь его окружала такая плотная и высокая стена огня, что Планше и Картуш уже не видели сквозь огонь и дым нашего пустого астральщика. А потом огонь рванулся внутрь круга. Планше запаниковал и начал кричать:

– Да он же сгорит, месье Картуш! Надо его тушить! Потушим господина д’Артаньяна и переплывём этот Ла-Манш кролем! И чёрт с ними, с гвардейцами кардинала и всякими ритуалами! Его же тушить надо!

– Да замолчи, дурень! – воскликнул Картуш. – Если сейчас всё это тушить, мы только настройки собьём. Процесс уже пошёл, остановить нельзя! А насчёт того, чтобы переплыть Ла-Манш кролем – это мысль! Сам я почему-то не догадался. Надо было сначала это попробовать, а потом уже жарить твоего господина.

– Вот-вот, если сейчас огонь не потушить, утром найдём его обугленные косточки! – воскликнул Планше.

– Ну, сейчас ты этот огонь всё равно не потушишь, – улыбнулся Картуш. – А насчёт косточек… я с тобой готов поспорить, что утром мы и косточек тут не найдём.

– Бедный, бедный господин д’Артаньян! – запричитал Планше.

– Да ты разве не понял, дурень? – спросил Картуш. – Д’Артаньяна там уже нет, – объяснил он, показывая на огонь. – Твой господин уже в Англии!

– В Англии? – переспросил Планше, успокаиваясь от удивления. – Это как?

ВАнглии

В Англии… В Англии, в Бэкингемском дворце началась паника. А поднял её управляющий герцога, который обнаружил на диване в одной из дворцовых гостиных привидение. Сначала оно появилось как неясная тень, потом постепенно приобрело полупрозрачные очертания человека, сидящего в позе лотоса. Затем «приведение» стало видно всё более отчётливо, в лице незваного гостя появлялись какие-то краски. Проходивший через гостиную именно в это время управляющий поднял панику, и через десять минут в гостиной собралась вся дворцовая стража.

– Как назло милорд уехал на охоту! – причитал управляющий.

– Позовите какого-нибудь колдуна, может, он придумает, что нам делать! – приказал начальник дворцовой стражи.

Пока бегали за колдуном, «привидение» окончательно обрело краски и превратилось в д'Артаньяна, который сидел на диване в позе лотоса, полностью одетый и даже со шпагой на боку. Обычно при подобном способе перемещения на новом месте появляется только тело человека, одежда остаётся на прежнем месте. Поэтому, когда к д'Артаньяну подвели индейского шамана, окопавшегося в Лондоне на частных заказах, тот был весьма удивлён: неизвестный ему астральный путешественник сумел каким-то образом прихватить с собой материальные предметы, что говорило о высокой степени подготовки данного путешественника.

– Никогда такого не видел! – воскликнул шаман, со всех сторон осмотрев д'Артаньяна. – Похоже, этот парень превзошёл на голову всех шаманов объединённой Инко-Майанской империи! Хотя у нас ходили слухи, что отдельным людям с помощью мощных амулетов удаётся такое проделывать, я лично ни одного такого не видел до сегодняшнего дня!

– Как вас понимать, господин шаман? – спросил управляющий. – Так это что, не приведение?

– Это человек! – ответил шаман. – Как давно он тут появился?

– Полчаса, может, час назад, – ответил управляющий. – Я заметил его первым и тут же поднял панику.

– Ясно, – кивнул шаман, глядя д'Артаньяну в лицо.

Лицо д'Артаньяна ничего не выражало. Он смотрел остекленевшими глазами куда-то вдаль.

– Он что, мёртвый? – спросил управляющий.

– Мёртвый?! – переспросил шаман. – Что вы, этот юноша живее всех живых! Не волнуйтесь, пройдёт ещё часок, и он придёт

в себя. А сейчас его лучше не трогать.

– Охрана, стерегите этого человека, – приказал управляющий.

– Не стоит, – сказал шаман. – Я сам с ним посижу. Этот случай крайне интересен для меня.

– Понятно, – кивнул управляющий. – Но я хочу, чтобы все-таки несколько стражников с ним осталось. Видите, он вооружён, у него шпага!

– Видим, – кивнул начальник стражи и приказал пяти стражникам стеречь д'Артаньяна.

С ними остался и шаман. Так, из чистого любопытства.

СумасшедшийдомвБэкингемскомдворце

Д’Артаньян медленно приходил в себя. Видения всё ещё кружились в водовороте огня и света перед его глазами, но постепенно видения эти складывались в весьма чёткую и ясную картину. Он сидел на диване, за спиной было окно, сквозь которое в комнату врывался летний ветерок. Прямо перед ним стояли пятеро придурков с оружием, а в уголке сидел старый индеец.

«Так, – подумал д’Артаньян. – Наверно, это и есть Бэкингемский дворец. Что уж там дальше Атос говорил? Наполнить это место ощущением реальности? Да, реальности здесь, похоже, не хватает».

Д’Артаньян продолжал сидеть, не шевелясь, хотя уже соображал, где находится. Он знал, что эманации, заключённые в человеческом коконе, перетекают из одного места в другое медленно и постепенно, особенно это касалось эманаций физического тела – самого грубого и неподатливого из всех тел человека. А если учесть, что д’Артаньян перенёсся вместе с одеждой, шпагой, письмом и мешком денег, то переход получался ещё более трудным, и на восстановление должно было уйти немало времени.

Осознав всё это, д’Артаньян сосредоточился на том, чтобы вернуть своим ощущениям реальность. Он подумал о том, чего же здесь не хватает, чтобы появилось ощущение реальности. Постепенно краски в окружающем мире стали меняться. Некоторые цвета потускнели, некоторые, наоборот, обрели резкость и глубину. Наконец индеец, сидевший в углу, встал, подошёл к д’Артаньяну и сказал:

– Ну, всё, парень, хватит дурачиться! Я твой кокон вижу, ты уже сюда полностью перетёк. Можешь вставать.

Д’Артаньян пошевелился, и пятеро стражников тут же направили на него острия своих шпаг.

– Где я? – спросил д’Артаньян. – Это Бэкингемский дворец?

Стражники недоумённо переглянулись. Д’Артаньян вспомнил о том, что он уже в Англии, и спросил по-английски:

– Where am I? Is it Buckingham Palace ?

– Да, это дворец, – ответил шаман.

Стражники не могли говорить, так как онемели от удивления. Шаман же продолжал расспрашивать д’Артаньяна:

– Парень, как ты тут очутился? Я кое-что понимаю в этих делах, но я хочу, чтобы ты поделился со мной секретом – как тебе удалось протащить с собой одежду, и всё вот это?

– Мне нужен герцог Бэкингем, – ответил д'Артаньян. – Я курьер из Франции, мне нужно срочно видеть герцога!

– Какой ещё курьер из Франции? – спросил один из стражников. – Из Франции в Англию невозможно отплыть – говорят, там даже все торговые корабли задержаны!

– Правильно, поэтому я прибыл не на корабле, – кивнул д'Артаньян. – Корабли действительно задержаны, и мне пришлось явиться сюда таким способом.

– И всё-таки, парень, как ты умудрился прихватить с собой одежду? – не унимался шаман.

– Мне нужно видеть герцога Бэкингема! – воскликнул д'Артаньян. – Я прибыл по очень срочному делу и…

– Герцог сейчас на охоте, – ответил управляющий, только что вошедший в гостиную. – Он вернётся только завтра вечером.

– Тогда едем к нему немедленно! – воскликнул д'Артаньян. – Вот увидите, герцог будет весьма недоволен, если узнает, что по вашей вине его письмо опоздало!

– Почему я должен верить, что вы – курьер, а не шпион? – спросил управляющий. – У вас есть какие-нибудь доказательства?

– Он совершил путешествие в теле сновидения вместе с одеждой, – сказал шаман. – Такое могут проделывать только приближённые королей, – в данном случае, видимо, мы имеем дело с приближённым французского Короля. И мне всё-таки хотелось бы узнать, как он протащил сюда одежду…

– Погодите, у меня есть доказательство, что я не шпион, – сказал д'Артаньян, шаря рукой во внутреннем кармане. – Вот, держите.

И д'Артаньян вручил управляющему автограф герцога Бэкингема.

– «Придурку, пропустившему меня в Лувр, с уважением, герцог Бэкингем», – прочитал управляющий. – А что, это и в самом деле почерк герцога. Уж его-то почерк я ни с каким другим не спутаю!

– Верните автограф, – попросил д'Артаньян.

– Да как же ты одежду-то прихватил? – в сотый раз спросил шаман.

Д'Артаньян решил, что шаману надо бы ответить.

– Мой друг знает заговор, – сказал он. – И потом, на моей стороне сейчас выступает одна очень древняя сила.

– Теперь понятно, – кивнул шаман. – Хотя… надо будет с тобой ещё поговорить, парень. А теперь мне пора – у меня там ещё с утра одержанец лежит привязанный. Я из него как раз гада вытаскивал, когда ваши люди за мной прибежали.

– И что, вы так и оставили пациента? – спросил д'Артаньян.

– Да куда он денется, – ответил шаман. – Одержание я каждый день вижу, а вот чтобы приведение во дворце появилось, да не простое, а в одежде – это меня сразу заинтересовало! Ладно, спасибо за информацию, я пошёл.

– А мне немедленно надо к герцогу! – воскликнул д'Артаньян.

– Хорошо, я дам вам сопровождающего, – сказал управляющий. – Может быть, вам повезёт, и вы разыщите герцога в лесу.

– В лесу? – спросил д'Артаньян.

– Да, у нас в этом лесу иногда люди пропадают, – ответил управляющий. – Говорят, Робин Гуд шалит.

– А, тогда всё в порядке, – сказал д'Артаньян, вставая с дивана и потирая затекшие ноги.

– Это как понимать? – спросил управляющий.

– Робин Гуд – друг моего приятеля, – ответил д'Артаньян. – Тем более, я – буддист, а он – даос, значит, мы братья!

– Логично, – кивнул управляющий. – При обычных обстоятельствах вас следовало бы арестовать за сношения с шайкой Робин Гуда, но… ладно уж, пусть герцог сам рассудит!

– Окей! – с радостью воскликнул д'Артаньян. – Ну что, поехали!

Окрасотерекламныхслоганов

Уже поздним вечером д'Артаньян и его спутник добрались до охотничьего лагеря герцога Бэкингема. Герцог сидел в шатре. Выпив виски, он как раз закусывал жареной дичью, которую подстрелил во время дневной охоты.

Д'Артаньян и его провожатый были остановлены камердинером герцога перед самым входом в шатер.

– Сюда нельзя, господа, – сказал камердинер. – Если хотите поговорить с герцогом, дождитесь, когда он поужинает!

– Это срочно! – воскликнул запыхавшийся д'Артаньян. – Письмо из Франции! Передайте герцогу Бэкингему, что пришло письмо из Франции!

– Я не могу просто так выдернуть герцога из-за стола, – заявил камердинер. – Мне нужно хотя бы знать, что за человек привёз ему письмо. Есть у вас какие-нибудь рекомендации?

– Да держите уже! – воскликнул д'Артаньян, снова доставая герцогский автограф.

– Хм-м, странная рекомендация, – пробормотал камердинер, изучив содержимое листка.

– Да отнеси же это герцогу! – потеряв терпение, воскликнул д'Артаньян.

– Но я… – начал было камердинер.

– Just do it! – разозлился д'Артаньян, начавший говорить рекламными слоганами.

– Ну ладно, ладно, ох, уж эти французы! – покачал головой камердинер и направился в шатёр со словами: – Connecting people!

Увидев автограф, герцог вскочил, как ужаленный, пролив вино и едва не опрокинув стол с яствами.

– Где?! – воскликнул герцог, выскакивая на улицу. – Где человек с письмом?

– I am here, mylord, – ответил д'Артаньян. – И, пожалуйста, верните мне автограф.

– Always Coca-cola, – сказал камердинер, подавая д'Артаньяну автограф герцога.

– Спасибо, – сказал д'Артаньян. – А Кока-кола причём?

– Это так, вроде мантры, – ответил камердинер.

– А, ну, тогда cherchez la femme, – ответил д'Артаньян.

– Да дайте мне уже письмо, наконец! – герцог Бэкингем начал терять терпение.

– А, вот, держите, – сказал д'Артаньян, подавая герцогу письмо. – Omnia mea mecum porto.

– Enjoy the gap, – ответил камердинер.

Герцог прочитал письмо, некоторое время попрыгал от радости, даже побегал между деревьев, как сумасшедший, а потом воскликнул:

– Ну, конечно же! Немедленно едем обратно во дворец!

– Чёрт побери, и зачем я только согласился на эту работёнку, – пробормотал д'Артаньян. – Почти неделю в седле, никакого отдыха!

Потом д'Артаньян вспомнил мадам Бонасье с «Камасутрой» и понял, что неделя в седле – это ещё цветочки.

– Едем – и поскорее! – приказал герцог.

Ему привели коня, но в этот момент из лесной чащи со всех сторон повыскакивали парни в зелёном.

– Это что, Гринпис?! – ужаснулся д'Артаньян.

– Хуже! – воскликнул камердинер герцога.

– Да что может быть хуже Гринписа?! – воскликнул д'Артаньян.

– Робин Гуд! – ответил камердинер. – Men in green.

– А, Робин, привет! – крикнул д'Артаньян в сторону леса. – Картуш велел тебе привет передать!

– Не ори, я здесь, – сказал Робин Гуд, выходя из леса за спиной д'Артаньяна. – Ты, значит, этот самый, как его… д'Артаньян, про которого Картуш мне уже все уши прожужжал по телепайту?

– Да, это я, – кивнул д'Артаньян, поворачиваясь к Робин Гуду.

– Ага, сейчас напишу Картушу, что с тобой всё в порядке, – кивнул Робин Гуд. – А, погоди, мне проверить надо, правда ли, что ты просветлённый? Подойди-ка сюда и ответь на три вопроса. Только тихо – так, чтобы эти болваны не слышали.

Д'Артаньян подъехал на лошади к Робин Гуду, и тот тихо спросил:

– Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

– Никакой разницы, – ответил д'Артаньян.

– Молодец! – похвалил Робин Гуд. – А что, если ёжик не хочет стать мячиком?

– Надо посмотреть на это с точки зрения ёжика, – ответил д'Артаньян.

– Встретишь Будду? – спросил Робин Гуд.

– Убей Будду, – закончил д'Артаньян шуточную пословицу, ходившую среди дзен-буддистов по всему миру.

– Отлично! – воскликнул Робин Гуд. – Теперь вижу, что ты – парень правильный. Мы тут, в лесу, правда, больше практикуем Дао, нежели дзен.

– Это что-то наподобие «я просто сажусь, и всё забываю»? – спросил д'Артаньян.

– Да, именно так, – ответил Робин Гуд. – Ну, удачи тебе, парень!

– А ты слышал о Жемчужине Дао? – спросил д'Артаньян.

– О великой Жемчужине, которую однажды потерял китайский император, и страну захватили драконы во главе с Цинь Шихуяном? – переспросил Робин Гуд. – Конечно, слышал!

– А хочешь её увидеть? – улыбнулся д'Артаньян.

– Но ведь Жемчужина пропала много веков назад! – воскликнул Робин Гуд.

– В данный момент она в Бэкингемском дворце, – возразил д'Артаньян. – А я приехал, чтобы вернуть её во Францию, откуда она недавно была украдена.

– Я не нарочно! – перебил их герцог Бэкингем.

– Я всю жизнь мечтал увидеть Жемчужину Дао! – восхищённо воскликнул Робин Гуд. – Вы сейчас едете во дворец? Можно и мне с вами?

– Можно, – ответил д'Артаньян. – Только не всей бандой.

– Не знаю, разумно ли это… – попытался возразить герцог Бэкингем.

– Так хочет Жемчужина, – заявил д'Артаньян, развеяв все сомнения у всех присутствующих.

– Отлично, – сказал Робин Гуд. – Еду с вами, только надо отдать пару распоряжений.

Отвернувшись, он начал командовать:

– Эй вы, придурки с микрофонами, вы все звуки леса записали?

Придурки с микрофонами, одетые в зелёное, закивали.

– Хорошо, тогда доставайте видеокамеру и снимайте, как я стреляю, – приказал Робин Гуд.

Придурки дружно засуетились, устанавливая камеру на треножник.

– Это кто? – спросил д'Артаньян.

– Да это группа «Deep Forest», они новый альбом пишут, – усмехнулся Робин Гуд. – Звуки леса им зачем-то нужны. А ещё они меня хотели в какой-то видеоклип вставить. Так, бумага у кого-нибудь есть?

– Только салфетки, – ответил герцог Бэкингем.

– Несите сюда, – сказал Робин Гуд. – А ещё мне нужно перо.

– Пожалуйста, – сказал д'Артаньян, доставая перо из шляпы.

– А чернильницу? – спросил Робин Гуд.

– Чернильницу обычно носит с собой моя девушка, – ответил было д'Артаньян, но тут на помощь им пришёл камердинер герцога, подавший чернильницу Робин Гуду.

– Спасибо, – сказал Робин Гуд и написал следующее: «Картуш, не парься, be happy!»

Заглянув в будущее, Робин Гуд приписал ещё строчку, потом вынул из колчана стрелу, привязал к ней записку и достал свой лук.

– Эй, придурки, готовы снимать? – спросил он.

– Готовы! – откликнулись парни в зеленом.

– Тогда поехали! – сказал Робин Гуд.

Он напрягся, чтобы почувствовать, откуда идёт ментальный сигнал Картуша, повернулся в ту сторону, послюнявил палец и поднял его вверх, чтобы определить направление ветра. Сделав поправку на ветер и расстояние, Робин Гуд слегка повернулся, прицелился прямо в небо, оттянул тетиву лука чуть ли не до самой земли и выпустил стрелу.

– К утру долетит, – утвердительно кивнул Робин Гуд, проводив стрелу взглядом. – А теперь поехали во дворец.

– Да уж, поехали, поехали, – кивнул герцог Бэкингем. – А то эта глава и так сильно затянулась.

ПриключениямиледивБэкингемскомдво

Итак, герцог Бэкингем, д'Артаньян, камердинер герцога и Робин Гуд скакали из леса в Бэкингемский дворец. В этот же самый момент миледи Винтер, сдвинув свою точку сборки в такое положение, что её физическое тело стало невидимым, пыталась обдурить магическую сигнализацию Бэкингемского дворца. Сигнализацию обдурить было непросто, однако вся охрана, в том числе и магическая, была уже сбита с толку утренним появлением д'Артаньяна, так что миледи довольно быстро справилась с наиболее простым участком магической защиты. Проделав в этом участке брешь, миледи проскользнула сквозь магический кокон, окружавший дворец, и просочилась сквозь решётки ограды, в очередной раз изменив форму своего энергетического тела, а заодно и физического. Пробравшись сквозь ограду и вернув тело в нормальное состояние, миледи снова стала невидимой. Воспользовавшись этим преимуществом, она начала искать сейф.

Герцог Бэкингем, его камердинер, д'Артаньян и Робин Гуд прискакали во дворец, когда на Лондон уже опустилась ночь. Спешиваясь, герцог ощутил нарушение магической защиты дворца и крикнул:

– Эй, стража! Проверьте вон те кусты, кажется, кто-то пытается там похулиганить!

– Милорд, нам надо торопиться, – сказал д'Артаньян. – Король ведь может обнаружить пропажу Жемчужины в любую секунду!

– Ладно, бегу-бегу, – сказал герцог. – Нам на второй этаж.

Вся компания начала подниматься по лестнице. На лестнице был расстелен роскошный красный ковёр, по которому пробежал герцог, а д'Артаньян с Робин Гудом прижались к перилам и стали подниматься осторожно, чтобы не запачкать такую красоту. По пути Робин Гуд чуть было не опрокинул статую Афродиты, которую сначала принял за резиновую бабу.

– Осторожно, – предупредил его д'Артаньян. – Я в Париже одну уже кокнул.

– Понял, – сказал Робин Гуд, и начал подниматься в два раза осторожнее и в два раза медленнее.

Короче говоря, д'Артаньян с Робин Гудом догнали герцога Бэкингема только у дверей его спальни, где герцог застрял, доставая ключи из кармана. Ключей было много, и герцог никак не мог найти нужный. Вдруг д'Артаньян почувствовал нечто неопределённое, и закричал:

– Жемчужина! Ломайте дверь!

Герцог даже не успел произнести «Подождите, я нашёл ключ», как д'Артаньян уже с разбегу проломил дверь и ввалился в спальню герцога. Герцог хотел было ужаснуться, видя проломленную дверь, но вместо этого сам влетел в спальню, увидев там миледи, которая стояла перед открытым сейфом и держала в руках Жемчужину. Миледи хотела выпрыгнуть в окно, но Робин Гуд сработал оперативно – быстро вытащил стрелу и направил лук на миледи.

– Стоять, не двигаться! – крикнул Робин Гуд. – Шевельнётесь – стреляю! Руки за голову! У вас есть право хранить молчание, у вас есть право на адвоката…

– Вообще-то, нет такого права, – поправил Робин Гуда герцог Бэкингем.

– Ах, да, перепутал! – спохватился Робин Гуд. – Если вы не буддистка, у вас есть право исповедаться. Если вы буддистка, у вас есть право медитировать.

Миледи попробовала стать невидимкой, но Робин Гуд подошёл к ней ещё ближе со своим луком и воскликнул:

– Даже не думайте, у меня астральное зрение! Бросьте Жемчужину!

Д'Артаньян в это время вставал со словами «Чёрт побери, дверь, кажись, была дубовой!», а миледи, повинуясь приказу Робин Гуда, выпустила из рук Жемчужину вместе со всем ожерельем. Д'Артаньян, толком не успевший встать, увидел падающую Жемчужину и прыгнул, чтобы схватить её на лету. Герцог хотел остановить д'Артаньяна в полёте, но это было практически невозможно. Д'Артаньян, схватив Жемчужину, грохнулся прямо на герцогскую кровать. Повернувшись на спину и посмотрев на потолок, д'Артаньян временно даже забыл о Жемчужине и воскликнул:

– Вау! Да у вас тут порнуха! Чтоб я так жил!

– Где?! – заорал Робин Гуд и тоже плюхнулся на кровать, случайно выпустив стрелу примерно в направлении миледи.

Миледи уклонилась от стрелы, не хуже, чем Тринити в «Матрице». Стрела проткнула шляпу герцога, висевшую на вешалке (герцог любил швыряться шляпами, как Джеймс Бонд, так что шляпами была завалена вся спальня). Миледи, сильно изогнувшись назад, упёрлась руками в подоконник и, совершив головокружительное сальто, улетела через окно. Герцог Бэкингем присвистнул, так как его взгляд скользнул по задравшейся юбке миледи. Д'Артаньяну с Робин Гудом было по фигу, так как оба они пялились на портрет Анны Австрийской, который висел на потолке спальни герцога.

– Ребята, миледи сбежала, – сообщил герцог.

– Плевать! – воскликнул д'Артаньян. – Жемчужина у меня.

Герцог снял шляпу и попытался закинуть её на вешалку, но шляпа улетела в окно, вслед за миледи. Опомнившись, герцог высунулся в окно и крикнул стражникам:

– Ловите воровку! Она украла мою шляпу!

Стражники вязали миледи, которая попыталась уйти через те же кусты, через которые вошла. Несмотря на то, что миледи была невидимой, её выдала шляпа герцога, упавшая миледи точно на голову. Стражники, увидев бегущую шляпу, перепугались, а садовник (тайный приверженец дзен), вылил на неё ведро красной краски, которой он раскрашивал белые розы.

– Белые розы, белые розы, беззащитны шипы! – распевал менестрель где-то улице.

В конце концов, менестрель заткнулся на середине фразы – видимо, кто-то сбросил ему на голову кирпич. Или не на голову, потому что через минуту менестрель запел куда более высоким голосом. Миледи, прежде чем её связали стражники, успела-таки содрать со шляпы несколько кусочков перхоти герцога – вдруг пригодится для куклы Вуду? Одним словом, всё закончилось хорошо.

БуддаРобинГуд

Через полчаса все собрались во дворце, – в той гостиной, где утром появился д'Артаньян. То есть в гостиной собрались сам герцог, д'Артаньян, Робин Гуд, а также многочисленная прислуга и шаман.

– Итак, я хочу поздравить нас всех с тем, что всё так удачно закончилось, – начал герцог. – Отдельно я хочу поблагодарить нашего французского гостя – месье д'Артаньяна, а также нашего местного разбойника Робин Гуда. Робин, я надеюсь, теперь-то мы с вами помиримся?

– Обязательно помиримся, – кивнул Робин Гуд. – Только я опять в лес уйду. Если, конечно, вы мне орден дадите.

– Не вопрос! – ответил герцог. – А еще к ордену я пожалую вам во владение целый лес, если, конечно, вы разрешите мне там охотиться.

– Конечно, герцог, всегда с удовольствием ждём вас в гости! – воскликнул Робин Гуд. – Так чего, лес теперь мой?

– Ваш! – ответил герцог.

– Ура! – воскликнул Робин Гуд. – Я теперь могу спокойно уходить в нирвану! Одна вещь только осталась – я бы хотел прикоснуться к Жемчужине Дао.

– А, так это тоже не вопрос, – сказал д'Артаньян, доставая из кармана ожерелье. – Вот, можешь щупать сколько угодно, только не запачкай её.

Робин Гуд осторожно прикоснулся к Жемчужине и взял её в руки. Он закрыл глаза, и Жемчужина унесла его далеко-далеко, в солнечный день на Южных островах, в лунные ночи над китайской столицей, в синее небо над золотой страной под оранжевым Солнцем…

Через секунду Робин Гуд открыл глаза. Он теперь был не просто Робин Гуд, а будда Робин Гуд. Ещё бы – пятьсот лет совершенствования на пути Дао кого угодно до просветления доведут. Вернув Жемчужину д'Артаньяну, Робин Гуд спросил:

– А может, мне лучше во Францию податься и стать мушкетером?

– Очень жаль, но у нас осталось только одно вакантное место, – ответил д'Артаньян. – И на него уже две-три тысячи претендентов.

– Ну, так я лучше всех подхожу! – воскликнул Робин Гуд.

– Понимаешь, это место уже обещали мне, – объяснил д'Артаньян.

– Понял, останусь в Англии, – вздохнул Робин Гуд. – В конце

концов, у меня тут целый лес, вот даже с герцогом я помирился. А чего мне в вашем Париже делать? Если только… одним словом, передай привет Картушу.

– Обязательно, – сказал д'Артаньян. – Ну что, милорд, теперь надо как-то отправить меня назад?

– А ты разве не телепортируешься? – спросил герцог.

– Ну, это не так просто как кажется, – ответил д'Артаньян. – Во-первых, для этого нужно заклинание и травы. Трав у меня нет, а заклинание знает только Картуш. А во-вторых, для этого придётся или дворец спалить, или лес.

– Только не это! – хором воскликнули герцог и Робин Гуд, хотя один беспокоился за дворец, а другой – за лес.

– Ладно, сейчас вас отвезут в порт и посадят на мой личный корабль, – сказал герцог Бэкингем. – Во Франции вас высадят в очень тихом месте, куда не доберутся даже пограничники. На берегу вас уже будет ждать один мой французский друг, я ему только что скинул телепатическое сообщение и пообещал мешок золота. Да, вот вам и мешок золота, чтобы вы могли заплатить моему другу. Он доставит вас в Париж очень быстро. Да, кстати, не нужно ли чем-нибудь ещё помочь Королеве?

– Чтобы отправить меня сюда, Королеве пришлось продать перстень, – вздохнул д'Артаньян.

– Не вопрос, – сказал герцог. – Назовите мне цену, я вручу вам ещё один мешок денег, чтобы вы могли выкупить перстень и вернуть его Королеве.

– Благодарю вас, сэр! – д'Артаньян поклонился герцогу. – Её величество будет вам очень благодарна.

– Ну, а теперь ступайте, – сказал герцог. – Внизу вас ждёт карета. Я уверен, что уже через сутки вы будете в Париже.

– Так это ж лететь надо! – удивлённо воскликнул д'Артаньян.

– Может, и не надо, – ухмыльнулся герцог. – Вот увидите, не только дзен-буддисты могут устраивать сюрпризы.

– Вот как? – спросил д'Артаньян. – Я удивлён! Кстати, насчёт сюрпризов, а что с миледи?

– Она в тюрьме. Её охраняет пуританин-мазохист, – ответил герцог. – Эти мазохисты вроде людей вашего кардинала – вообще не испытывают эмоций, зато унижения, голод и пытки доставляют им невероятное удовольствие. Странные люди.

– Действительно, – кивнул д'Артаньян. – Ну что ж, до свидания, герцог. Надеюсь, мы ещё увидимся, и не на поле боя.

– Да, я и в самом деле буду рад ещё разок вас увидеть, – кивнул герцог. – Ну что ж, езжайте, д'Артаньян! В путь! И да пребудет с вами сила!

– Спасибо, – сказал д'Артаньян. – И вам того же. И тебе,

Робин Гуд!

Ночью д’Артаньян отплыл во Францию на корабле герцога. Вместе с ним в путешествие отправилась банда музыкантов, приглашённая на королевский бал. Д’Артаньян понял, что надо торопиться, раз Король назначил бал. В принципе, задача была простая – обогнать музыкантов. Деньги у д’Артаньяна были, оставалось только надеяться, что неизвестный друг герцога Бэкингема будет ждать его с лошадьми. Однако всё оказалось не совсем так, как предполагал д’Артаньян.

Инквизицияспала,нопроснулась(чтовесь

Утром Планше и Картуша привязали к столбу на городской площади. Под столбом уже накидали кучу хвороста, а вокруг бегали гвардейцы кардинала с факелами в руках.

– Неужели вы осмелитесь сжечь королевского мушкетёра? – спросил Картуш у гвардейцев.

– Во имя спасения ваших душ мы готовы даже нарушить закон! – откликнулся гвардеец.

– Я, конечно, уважаю огонь, – пробормотал Картуш. – Но предпочёл бы виселицу. Это как-то привычнее. Тем более, Фанфан-Тюльпан рассказывал, как его однажды повесили и…

– И что, месье? – спросил Планше.

– И ветка того дуба, на котором его вздёрнули, треснула, и очнулся Фанфан уже на земле, под этой самой веткой, – ответил Картуш.

– Да, жаль, что нас не вешают, – пробормотал Планше и тут же закричал гвардейцам. – Эй, вы, слышите! Я требую, чтобы нас повесили! Разве приговорённому к смерти не полагается последнее желание?

– Вас обвиняют в чёрной магии, – ответил главный из гвардейцев кардинала. – По этому обвинению предусмотрена только одна казнь – сожжение на костре. Да чего вам волноваться, вы вчера днём пол-леса спалили!

– Да, признаюсь, с костерком для д'Артаньяна мы перестарались, – пробормотал Картуш и крикнул гвардейцам. – Ну да ладно, повесить нас нельзя. А как насчёт стандартных желаний? Ну там, сигарета, вино, женщина?

– У нас из этого списка ничего нет, – ответили гвардейцы. – Мы не курим, не пьём, и все кастрированные!

Картуш и Планше дружно поморщились при этих словах.

– Слушайте, месье Картуш, у нас что, не осталось никаких шансов выбраться? – спросил Планше.

– Ну, я-то ещё могу улизнуть тем же способом, что и д'Артаньян, – ответил Картуш. – Только одежду тут оставлю. А тебя д'Артаньян научил перемещаться?

– Да нет, меня хозяин вообще ничему не успел научить, – ответил Планше. – Я у него недавно.

– Тогда плохи твои дела, – усмехнулся Картуш. – Да ладно, не волнуйся, мой-то слуга вон успел удрать, сейчас авось приведёт какую ни на есть подмогу. Не робей, Планше, не из таких передряг выбирались! Привыкай быть слугой мушкетёра!

– А что, слуги мушкетёров часто попадают в такие истории? –

спросил Планше.

– Практически постоянно, – ответил Картуш.

– Боже мой, верните меня на биржу труда! – заорал Планше.

Картуш к чему-то прислушался.

– Погоди-ка причитать, Планше! – сказал он. – Свист слышишь?

– Не только свист, месье, но и грохот, – ответил Планше.

– Так свистеть может только стрела Робин Гуда! – обрадовался Картуш, глядя в небо. – Значит, помнит меня ещё этот старый пройдоха! Не забыл своего дружка!

– Месье, а грохот-то с другой стороны! – сказал Планше.

Далее произошли одновременно два события: стрела Робин Гуда, возникнув из ниоткуда, вонзилась точно в сердце предводителю гвардейцев, который уже приближался к Картушу с факелом в руке, а тем временем из переулка выехало «марсельское такси», которое пронеслось точно через площадь, сбив столб и двух пленников. Что последовало сразу за этим, никто точно не запомнил. Через две секунды Картуш открыл глаза. Он лежал связанный в карете, рядом валялся связанный Планше, а сверху почему-то валялся труп гвардейца со стрелой в сердце.

– Так, порядок, – сказал Картуш, освобождая руки из узлов. – Сейчас почитаем, что нам прислал Робин…

Картуш отвязал от стрелы салфетку, на которой пером из шляпы д'Артаньяна было написано: «Картуш, не парься, be happy! Вас спасёт такси, на нём вы отвезёте д'Артаньяна в Париж. Удачи в делах, Будда Робин Гуд».

– Ё моё! С каких это пор его повысили?! – воскликнул Картуш. – Ну ладно, значит, всё в порядке. Сейчас избавимся от лишнего…

С этими словами Картуш выкинул труп гвардейца в окно.

– Да развяжите меня, месье! – попросил Планше, который валялся на полу кареты и перекатывался из стороны в сторону.

Картуш развязал Планше, после чего огляделся и спросил:

– Куда это мы едем?

В стене кареты открылось окошечко, и внутрь заглянул кучер.

– Привет, господа! – сказал он. – Не волнуйтесь, ваше спасение было заранее проплачено. Сейчас мы ненадолго в отдалённую гавань заедем, там кое-кого подберём, развернёмся – и домой, в Париж. То есть, вы-то в Париж, а я в Марсель.

– А-а! Тогда понятно, – кивнул Картуш.

Таксикакскоростнойпоезд

Когда ранним утром д'Артаньяна высадили на берег вместе с музыкантами, он увидел то, чего надеялся не увидеть уже никогда. На берегу моря стояло «такси». Кучер чем-то кормил лошадей, а рядом прогуливались Планше и Картуш. Первым д'Артаньяна увидел Планше и сразу же бросился к своему хозяину с криком:

– Месье д'Артаньян, так вы живой! А я-то всё беспокоился!

– Да живой я, Планше, живой! – ответил д'Артаньян. – Ты лучше мне скажи, что это? – д'Артаньян показал рукой в сторону «такси».

– Это такси, месье д'Артаньян, – ответил Планше.

– Я знаю, что это такси, но я хочу знать, что оно здесь делает?! – воскликнул д'Артаньян.

– Меня наняли друзья герцога Бэкингема в Марселе вчера вечером, – ответил кучер. – А вас я помню, месье д'Артаньян. Помню, как меня из-за вас арестовали. Правда, я теперь немного приспособил свою колымагу к подобным неприятностям. Катапульту установил, и вообще…

– А чего это у вас карета какая-то странная? – спросил д'Артаньян.

– Она теперь обтекаемой формы, – ответил кучер. – Чтобы её со всех сторон обтекали потоки воздуха… Ну да ладно, вам, мушкетёрам, всё равно не понять! Короче говоря, такая форма скорость увеличивает. И лошадей я вот сейчас новой наркотой покормлю. Ох, и стошнит же их, когда до Марселя доберёмся. Жалко лошадок, конечно, а что делать. Кстати, вы деньги привезли?

– Вот, – сказал д'Артаньян, показывая мешок с деньгами. – Как только будем в Париже, мешок ваш. Погодите, а вы что, хотите сказать, что ещё вчера вечером были в Марселе? Я сюда из Парижа скакал… сколько, три или четыре дня?

– Да, правильно, – кивнул кучер. – Совпадает с моими расчётами скорости. Кроме того, я короткую дорогу знаю. Ну, чего вы все встали, быстро в карету! Сейчас лошадей прихватит, и они до самого Парижа не остановятся, да и то, если повезёт.

– Что значит «если повезёт»? – спросил д'Артаньян.

– Если не повезёт, сброшу вас в Сену, – ответил кучер. – Поэтому я всегда беру деньги вперёд.

– Держи, – сказал д'Артаньян, кидая кучеру мешок денег. – Всё равно за мной должок за тот случай. Ведь именно с вашей помощью я заработал денег на дорогу в Париж.

– Благодарю вас, – сказал кучер, пряча мешок с деньгами. – А теперь все по местам, я не шучу! Лошади скоро рванут!

Картуш, д'Артаньян и Планше дружно расселись по местам в карете.

– Эй, а как же мы? – закричали музыканты, высадившиеся на берег вместе с д'Артаньяном.

– Поищите лошадей, – ответил д'Артаньян. – А у нас места больше нету.

– Пристегнуть ремни! – крикнул кучер. – В смысле, видите там верёвки? Привяжитесь ими к стенам и друг к другу, чтобы по дороге не вылететь. И двери изнутри на замок закройте, а то у меня бывало, что двери отваливалась по дороге.

– Есть, сэр! – сказал Планше, закрывая двери на все замки и привязываясь верёвками.

– Ну и чего же мы ждём? – спросил Картуш, когда все приготовления были закончены.

– Сейчас, до лошадок наркота дойдёт, – ответил кучер. – О чёрт, по их лицам вижу, что уже дошла! Держитесь!

Этот совет оказался весьма кстати – через секунду пейзажи за окном замелькали с такой скоростью, что д'Артаньяна чуть не стошнило.

– Эй, кучер, мне плохо! – прокричал д'Артаньян.

– Не волнуйтесь, в моём такси ещё никого не стошнило, – ответил кучер, рассмеявшись. – Но когда вы выйдете на свежий воздух, я за вас не ручаюсь!

– Надо же, – пробормотал д'Артаньян. – И долго до Парижа?

– Часа четыре, – ответил кучер. – Может, чуть больше.

– Это ж с какой скоростью надо ехать? – удивился д'Артаньян.

– Видимо, с такой, как мы сейчас, – ответил Картуш, вжавшись в сиденье. – Слушай-ка, я так только в астрале разгонялся!

– Меня сейчас вырвет! – простонал д'Артаньян.

Но ему пришлось терпеть до самого Парижа.

Экстравагантноевозвращение

В Париже было неспокойно.

Бастилию докрасили, кардинал плёл интриги, Король развлекался с дзенскими монахами, чтобы разогнать скуку. Мадам Бонасье оформляла развод, а Королева тревожилась. Вечером всю эту обстановку взорвало «такси», ворвавшееся в Париж как нежданное торнадо.

– Не, не могу лошадей остановить! – сказал кучер. – Придётся так высаживаться! Спасибо, что заплатили деньги вперёд. А вы не знаете, тут до Марселя никого из жителей подбросить не надо?

– У нас на окраине автовокзал, – ответил Картуш. – Авось, кого-нибудь найдёте. А как мы высаживаться будем?

– Замок с двери снимите, – ответил кучер.

– Вы уверены? – спросил Планше.

– Абсолютно! – ответил кучер. – Ну, быстрее же!

Планше снял замок с двери. «Такси» заложило крутой вираж. Картуш, д'Артаньян и Планше вынырнули из Сены и увидели Нотр-Дам. Д'Артаньяна стошнило прямо в реку. Все они дружно выбрались на берег в том самом месте, где когда-то будет стоять баржа Дункана Маклауда. «Такси» пронеслось мимо «автовокзала» – целой очереди людей с табличками, стоящих на окраине Парижа в надежде на то, что хоть кто-то их подвезёт. Этой толпе повезло – «такси» пронеслось прямо по ним и сгребло всех пассажиров в одну кучу.

– Ну что, кому-нибудь надо в Марсель? – проорал кучер. – Ладно, на месте разберёмся. Передаём за проезд! У меня в такси контроль билетов на выходе!

Действительно, лошади остановились только в Марселе.

Подготовкакновомубалу

Где-то дня через три кое-как добрались до Парижа музыканты из Англии. Вечером был назначен бал, которого все ждали с нетерпением. Кардинал надеялся восторжествовать над Королём и Королевой, публично продемонстрировав, что Жемчужина украдена.

Дело в том, что, несмотря на все старания гвардейцев, кардиналу так и не донесли, что д'Артаньян вернулся из Англии. Более того, Ришелье не знал даже, что он там был. На основе ложной информации кардинал решил, что д'Артаньян либо всё ещё во Франции без Жемчужины, либо с Жемчужиной, но в Англии. Успокоенный таким раскладом, кардинал спокойно готовился к балу.

Лесли Нильсен, единственный человек в Париже, знавший о возвращении Картуша и д'Артаньяна, тоже посмеивался в предвкушении бала, надеясь увидеть физиономию кардинала, когда тот увидит Жемчужину. Король слегка волновался – если верить пророчеству, Жемчужину уже давно должны были вернуть, но сам Король пока ещё не видел Жемчужины. Королева делала вид, что ей лень искать ожерелье в сейфе и успокаивала Короля, что на балу-то она обязательно появится при параде. Д'Артаньян, вернувшись из похода, завалился спать и проспал два дня. На третий день он отправился к Лесли Нильсену, чтобы узнать, какую дверь ему охранять во время бала.

– О! А вот и наш герой! – сказал Лесли Нильсен, когда д'Артаньян вошёл к нему в кабинет. – Рад вас видеть.

– Я тоже рад, – ответил д'Артаньян. – Я вот пришёл узнать – в каких кустах я сегодня буду торчать в качестве охранника?

– Ну что вы, дорогой мой д'Артаньян, какие кусты! – рассмеялся Лесли Нильсен. – Вы же у нас теперь вроде как неизвестный национальный герой, поэтому вы будете в танцевальном зале, на фейсконтроле.

– Спасибо! – сказал д'Артаньян. – Вот уж не ожидал такой чести!

– Это ещё цветочки, – снова рассмеялся Лесли Нильсен. – У меня такое чувство, что после этого бала вас сразу же произведут в мушкетёры.

– Правда? – спросил д'Артаньян. – Вау! Я в восторге!

– Ну, вообще-то, для официальной церемонии нам нужны все тридцать два мушкетёра, – ответил Лесли Нильсен. – А я выяснил, что нам троих не хватает. Вы так и не рассказали мне, где же Атос, Портос и Арамис.

– А, они задержались в пути, – ответил д’Артаньян. – У Портоса дуэль, Арамис практикует не-делание смерти, а Атос оттачивает своё адвокатское искусство.

Лесли Нильсен вопросительно посмотрел на д’Артаньяна.

– Кажется, его пытались арестовать за хранение фальшивых денег, – объяснил д’Артаньян. – Но не волнуйтесь: сразу же после бала я поеду за ними и привезу их в Париж. Всех троих.

– Приятно слышать, – сказал Лесли Нильсен. – Потому что ходят слухи, будто в Париж скоро прибудут сэр Эльдорадо и Гордон-Альф Шамвэй. Они по идее должны присутствовать во время зачисления в наши ряды тридцать третьего мушкетёра.

– Да, я должен сказать, что пока я был в Англии, там Робин Гуд просветлился и выразил желание стать мушкетёром, – сказал д’Артаньян. – Может быть, он подойдёт вам больше, чем я?

– Молодец, д’Артаньян, не каждый бы сумел отказаться от такой возможности, – сказал Лесли Нильсен. – Я рад, что ты готов уступить своё место другому, но насчёт Робин Гуда у нас отдельное пророчество. И насчёт тебя тут тоже есть фраза, что ты будешь готов уступить место Робин Гуду, но он откажется.

– Да, он уже отказался, – кивнул д’Артаньян. – Слушайте, сенцей, а много ещё про меня в этом пророчестве? Я бы хотел его почитать.

– Понятно, что хотел бы, – усмехнулся Лесли Нильсен. – Но это потом. Мы сейчас пойдём на бал, затем ты вернёшь в Париж Атоса, Портоса и Арамиса, а там видно будет. Всё понял?

– Конечно, – кивнул д’Артаньян. – Значит, я сегодня на фейсконтроле?

– Молодец, что запомнил, – кивнул Лесли Нильсен.

Дворяневсехстран-соединяйтесь!

И вот снова сумасшедший бал! В танцевальном зале расположились все придворные музыканты, а музыкантов из Англии почему-то видно не было – видимо, задерживались в гостинице или пили чай в пять часов. Д'Артаньян, стоявший на фейсконтроле, не отказал себе в удовольствии остановить кардинала и сказать:

– Извольте показать ваше приглашение, месье, а то что-то лицо ваше мне незнакомо.

Кардинал, покраснев от гнева, буквально впечатал приглашение в лицо д'Артаньяну.

– Благодарю вас, месье Ришелье, – сказал д'Артаньян. – Можете проходить.

Следом за кардиналом шёл Рошфор, и тут уж покраснел д'Артаньян.

– Добрый вечер, месье! – сказал д'Артаньян. – Извольте назвать ваше имя и принять мой вызов на дуэль, а то в прошлый раз вы так быстро от меня сбежали, что я даже не успел выяснить, как вас зовут.

– Меня зовут граф Рошфор, – ответил Рошфор. – Буду рад скрестить с вами шпаги в любое удобное для вас время.

– Хорошо, тогда проходите, – сказал д'Артаньян. – Желаю хорошо повеселиться.

– А могу я прежде узнать ваше имя? – спросил Рошфор.

– Меня зовут д'Артаньян, – ответил д'Артаньян. – Хорошенько запомните это имя, вы его ещё услышите.

– Неужели?! – ухмыльнулся Рошфор и проследовал в зал.

Когда в танцевальном зале Лувра собрались уже почти все гости, кардинал подошёл к Королю и елейным голосом спросил:

– А где же Её Величество? Может быть, она себя неважно чувствует?

– Нет, почему же, Её Величество сейчас будет, – тоже улыбнувшись, ответил Король.

– В народе всё ещё ходят слухи о том, что ваша Жемчужина украдена из дворца, – намекнул кардинал.

– Уж не вы ли их распускаете, кардинал? – спросил Король.

– Да как вы могли подумать?! – воскликнул кардинал, но тут в зал вошла Королева.

Вместе с Королевой вошёл и Лесли Нильсен, пожелавший наблюдать всю сцену в действии. Кардинал бросил победный взгляд на Королеву, но, увидев на ней ожерелье с Жемчужиной Дао, остолбенел. Король же, увидев ожерелье, улыбнулся ещё

шире и, повернувшись к кардиналу, произнёс:

– Ну что, кардинал, довольны? Может быть, теперь вы прекратите распускать порочащие всех нас слухи?

– Что?! – воскликнул кардинал. – Да вы… да я… У меня есть доказательства!

Кардинал вскочил на сцену, по которой ещё недавно скакал Скутер, и заорал:

– Послушайте все! У меня есть неопровержимые доказательства, что три недели назад в Париж приезжал герцог Бэкингем с целью убить Короля! Он же украл из дворца Жемчужину Дао! Я не знаю, как они сумели вернуть её обратно, может быть, это вовсе не Жемчужина, а подделка!

– Вранье! – воскликнул один из английских музыкантов, которые в это время расставляли инструменты на сцене. – Это кардинал украл Жемчужину, а мушкетёры и мои люди сделали всё возможное и всё невозможное, чтобы вернуть её, и как видите, они её вернули!

– Кто этот человек? – запаниковал кардинал. – Арестуйте его!

– Я – герцог Бэкингем! – сказал музыкант, снимая парик и отдирая фальшивую бороду от настоящей.

– Да, кардинал, как видите, мы вас обхитрили, – сказал Король. – Герцог прибыл в Париж вчера и дал против вас показания. У нас тоже есть свидетели. Вы обвиняетесь в преступлении против государства, месье Ришелье… – извините, не знаю, как вас по имени-отчеству. Ребята, арестуйте его за попытку похищения сокровищ короны чужими руками!

– С удовольствием, – сказал д'Артаньян, ошеломлённый таким поворотом событий.

– Вы сговорились! – воскликнул кардинал, поглядев на Короля с герцогом, которые дружно пожимали друг другу руки. – У Дюма такого не было! Рошфор, сделай что-нибудь!

Рошфор, которого уже окружили мушкетёры, начал оправдываться:

– А я что, я – ничего! Я вообще – тайный буддист, медитировал у себя во дворе, в саду камней, пока никто не видел! И вообще, я пытался помешать кардиналу украсть Жемчужину – я специально тогда напился, а потом икал и ржал во время свидания Королевы с герцогом, чтобы предупредить Её Величество…

– Рошфор, ну и сволочь же ты! – воскликнул кардинал, пока д'Артаньян с Лесли Нильсеном его вязали.

– Спокойно, кардинал, мы вас доставим в Бастилию, – сказал Лесли Нильсен.

– Да, там специально для вас уже камеру оборудовали, –

усмехнулся Король. – Мы так здорово разрисовали её хипповскими рисунками! А чтобы темнота не помешала вам наслаждаться этим произведением искусства, мы даже провели в Бастилию электричество!

– Не-е-е-ет!!! – заорал кардинал, но его уже волокли из зала дзенские монахи и люди Робин Гуда.

– Слушайте, а я и не знал, что Король с герцогом всё заранее спланировали! – воскликнул д'Артаньян.

– А я знал, – сказал Лесли Нильсен. – Но молчал.

– Герцог, а как же вы Франции очутились? – спросил д'Артаньян.

– Так я ж с музыкантами приехал, – ответил герцог.

– Робин, а ты как здесь? – спросил д'Артаньян у Робин Гуда, который держал кардинала на мушке своего лука, пока мушкетёры его вязали.

– Ну, д'Артаньян, не одному же тебе путешествовать в теле сновидения! – ответил Робин Гуд. – Я вот тоже решил попрактиковаться.

– Вау, ну ты даёшь! – воскликнул д'Артаньян.

– Робин, как здорово, что ты приехал! – воскликнул Картуш, только что вошедший в зал. – А я-то уже соскучился по твоим выходкам!

– Я не понял, а настоящих музыкантов – что, не привезли? – спросил д'Артаньян.

– Как же, привезли! – рассмеялся герцог. – Ребята, давайте начнём бал! Конферансье, объявляй!

Новыйсумасшедшийбал

– Итак! – объявил конферансье, выйдя на сцену. – Сейчас перед вами выступит лорд Блэкмор из… из… из… Англии!

На сцену вышел лорд Блэкмор со странной гитарой в руках.

– Из Блэкмора я, – сказал лорд Блэкмор. – Здравствуйте все! Мы сегодня сыграем для вас кельтскую музыку, которая объединяет не только англичан и французов, но вообще, кого она только не объединяет! Эй, ребята, вы электрическую машинку подключили?

– Всё готово, лорд Блэкмор, – ответил человек, водрузивший на сцену непонятный металлический ящик с щётками, каким-то колесом, шестерёнками и ручкой. – Сейчас подключим вашу гитару!

Лорд Блэкмор достал моток медной проволоки, привязал его одним концом к струнам своей гитары, а другим – к непонятному ящику.

– Со мной ещё цыганский табор, – сказал лорд Блэкмор. – Эй, цыгане, на сцену!

И на сцену выбежали цыгане, кельтские барды, ещё какие-то музыканты, дзенские монахи и люди Робин Гуда.

– Да будет музыка! – крикнул лорд Блэкмор.

И началась музыка. Сначала зазвучали духовые инструменты – флейты, дудки, гобой и волынка, на которой играл настоящий шотландский хайлендер в юбке. Д'Артаньян отметил, что в одежде такого фасона ему будет легко покорить парижских дам, ведь все они охотницы до приключений и не видели прежде горячих шотландских парней. Затем зазвучали гитары, а потом лорд Блэкмор активизировал свой инструмент. Выглядело это так – человек с металлическим ящиком начал крутить ручку, металлическое колесо закрутилось, задевая щётки… Лорд Блэкмор начал играть на гитаре, потом по струнам побежали искры. Гитара начала издавать совсем другой звук, а длинные волосы лорда Блэкмора встали дыбом. Несмотря на это, лорд продолжал играть. Гитара издавала настолько необычные звуки, что все гости дружно начали колбаситься. Барабанщик отбивал ритм, волынки, флейты, гитары и скрипки выводили сложные мелодии древних кельтских гимнов, а звук гитары лорда Блэкмора заставлял ритмично дёргаться даже бывших сторонников бывшего кардинала. Ясновидящие могли заметить, что аура лорда Блэкмора, которого било током, светилась всеми цветами радуги, как у существа, достигшего нирваны.

Искрящийся лорд Блэкмор выводил невероятные аккорды и

сам прыгал по сцене, видимо, в такт ударам тока. Кто-то из музыкантов начал петь, приспособив ко всей этой музыке слова из девиза мушкетёров:

We'll drink together
And when we drink, we drink together,
Not alone!
We'll sing together
And when we sing, we sing together,
Not alone!
We'll fight together
And when we fight, we fight together,
Not alone!
All for one and one for all
We'll fight together
Yes, when we fight, we'll fight together,
Not alone!
All for one and one for all
We'll fight together
Yes, when we fight, we'll fight together,
Not alone!

Мушкетёры под эту песню просто взвыли от восторга. Выпивший Лесли Нильсен снова отбивал чечётку. Звенели цыганские бубны, волынка и прочие духовые инструменты продолжали выдувать звуки гимна, а в центре всей этой музыкальной Вселенной скакал по сцене лорд Блэкмор, игравший свои невероятные аккорды и не обращавший ни малейшего внимания на ежеминутные удары электрического тока.

Все мушкетёры, а также Король, Королева и герцог Бэкингем дружно подпевали словам мушкетёрского девиза «All for one & one for all». Лорд Блэкмор играл на струнах гитары зубами, волосами и даже штанами – на качестве звука это нисколько не сказывалось, а лорда продолжало бить током. Впрочем, сам лорд Блэкмор уже привык к этим постоянным электрическим ударам и научился не обращать на них внимания ещё в начале своей карьеры гитариста. Скрипки и дудки начали выводить уже не кельтскую, а арабскую мелодию, но тем не менее, и звук волынки, и гитара лорда Блэкмора, и слова мушкетёрского девиза отлично ложились на арабскую музыку, как и на кельтскую. И в самом деле, музыка разных народов мира – настоящая музыка – всегда похожа в чём-то, в самом главном. В этот вечер, на этом балу нашлось место и индейским шаманам, и дзенским монахам, и людям Робин Гуда. Все дружно прыгали, скакали и веселились.

Ближе к утру д'Артаньян осмелился-таки подойти к Королеве и спросить:

– Ваше Величество, а вы не знаете, где мадам Бонасье?

– Она уже бывшая мадам Бонасье, – рассмеялась Королева. – У нас очень хорошие адвокаты по разводам.

– Это же замечательно! – воскликнул д'Артаньян. – Так где она?

– Она ждёт вас в доме на окраине Парижа, – ответила Королева. – Этот дом Констанс отсудила у бывшего мужа при разделе имущества. Она сказала, что вы знаете адрес.

– Ах, да, что-то я такое припоминаю про этот дом, – кивнул д'Артаньян. – Так значит, она ждёт меня там?

– Бегите и развлекайтесь, – кивнула Королева. – Наш бал скоро закончится, судя по состоянию лорда Блэкмора. Надеюсь, мы его откачаем. У нас вон и шаманы все здесь – на всякий случай.

– И привози в Париж своих друзей-мушкетёров, д'Артаньян, – сказал Король. – Устроим официальную церемонию в честь тридцать третьего мушкетёра. Герцог Бэкингем рассказал мне обо всех твоих подвигах, так что я уверен, ты заслужил носить мушкетёрский костюм.

– Спасибо огромное, Ваше Просветлейшество! – воскликнул д'Артаньян. – Ну, я побежал!

– Надеюсь, скоро увидимся, – крикнул Король ему вдогонку.

Бал между тем и в самом деле закончился. Три человека в резиновых костюмах подхватили вырубившегося лорда Блэкмора и отнесли его в сад, где специально для лорда выкопали яму. Не могилу, а яму, чтобы заземлился. Лорда положили в яму вместе с гитарой и электрической машинкой и оставили там заземляться. К вечеру следующего дня лорд Блэкмор вернулся из астрала, заземлился и отправился к Королю за гонораром. Король хотел пошутить, что уже заплатил, пока лорд был в отключке, но у лорда Блэкмора уже имелся большой опыт гастролей по всему миру, поэтому он помнил все доходы и расходы, даже когда был в отключке. Короче говоря, музыканты, герцог Бэкингем, Робин Гуд и его Men in Green благополучно вернулись в Лондон. Их телепортировал туда Будда Робин Гуд, у которого после просветления открылись невероятные способности, да ещё к тому же помог просветлённый Король-Солнце, сфокусировавший энергию Жемчужины.

Вот, казалось бы и всё, happy end. Однако произошли ещё некоторые события, о которых стоит рассказать.

Hehappyend

Начать конец нашего повествования можно хотя бы с того, что у кардинала всё-таки остались сторонники, которые решили отомстить за своего покровителя. Жители кардинальских деревень вовсе не были против того, чтобы сменить религию и перестать платить убийственные налоги, Романский Поп расстроился, что рухнула вся французская ветвь его религиозно-политической секты. Французы радовались, Рошфор ушёл медитировать в сад камней, и больше его никто не видел, хотя сад камней действительно обнаружился во дворе его особняка. Говорят, что Рошфор ушёл в нирвану, но проверить это пока никто не решился.

А д'Артаньян утром после бала поскакал на свидание к мадам Бонасье. Он без труда нашёл нужный дом, спешился, привязал лошадь к дереву и постучал в дверь. Когда прошло пять минут, а никто так и не открыл, д'Артаньян забеспокоился. Однако он решил не ломать дверь сразу (это было бы очень невежливо), а сначала заглянуть в окно. Поскольку все окна на первом этаже были закрыты изнутри ставнями, д'Артаньян полез на второй этаж по виноградным гроздьям, которые росли вдоль стены. Лезть по винограду было трудно, но д'Артаньян всё же добрался до окна и заглянул внутрь. Увидев открывшуюся перед ним картину, д'Артаньян вскрикнул от ужаса, выпустил из рук виноградную гроздь и, пролетев два этажа, брякнулся спиной на землю. Естественно, приземление было неприятным, однако ещё более неприятным было то, что наш герой увидел в окне. Нет, там не было трупа мадам Бонасье, как могут подумать читатели, не знакомые с оригиналом. Не было там и монстра из фильма «Крик», не было и Каспера, не было трёх зачарованных ведьм и прочей нечисти.

В комнате на втором этаже был обыкновенный разгром. Поняв, что произошло что-то не слишком приятное, д'Артаньян встал и всё-таки выломал дверь. Несмотря на то, что криминалист из нашего героя был никакой, он всё же заметил в комнате следы борьбы, а по обрывкам лоскутов одежды на лестнице понял, что здесь волокли сопротивляющееся тело. Выйдя на улицу и внимательно изучив следы на мягкой почве, д'Артаньян обнаружил свои следы, следы своей лошади, вмятину в том месте, где он выпал из окна, а также следы колёс кареты.

«Следы вполне свежие! – подумал д'Артаньян. – Значит, Констанс похитили недавно! Тогда получается, что если я прямо сейчас пущусь в погоню, то ещё успею нагнать похитителей».

Был в этом плане и один маленький просчёт – д’Артаньян не спал уже почти сутки. К счастью, его лошадь успела выспаться, пока хозяин дрыгал задницей на балу. Поэтому д’Артаньян приказал лошади скакать по следу, а сам заснул прямо в седле.

Когда д’Артаньян проснулся, лошадь всё ещё скакала, хотя следов колёс на дороге уже не было.

– Мы всё ещё по следу едем? – спросил д’Артаньян у лошади.

– И-го-го! – ответила лошадь.

– Я так понимаю, что это значит «да», – пробормотал д’Артаньян, после чего протёр глаза и огляделся.

Прямо по курсу был тот самый городок, где мушкетёры во время путешествия оставили Портоса.

ИсцелениеПортоса

«Ах, да! – подумал д'Артаньян. – Мне же Король приказал вернуть в Париж Атоса, Портоса и Арамиса! Так что это очень кстати, что я здесь оказался».

Д'Артаньян остановился у трактира, приказал слуге покормить лошадь, а сам зашёл в трактир.

– Доброе утро, али вечер? – заговорил д'Артаньян, подходя к хозяину этого заведения. – Вы меня помните?

– Кажется, я вас припоминаю, – сказал трактирщик. – Вы, наверно, ищете господина Портоса?

– Точно, его! – кивнул д'Артаньян. – А он что, здесь?

– Да, месье, господин Портос поправляется в нашей гостинице после ранения, – ответил трактирщик.

– Какого ранения? – спросил д'Артаньян. – Вы извините, я два дня не спал и ничего не соображаю.

– Помните, тогда здесь был какой-то неизвестный месье, который вызвал на дуэль господина Портоса? – спросил трактирщик.

– Это помню, – кивнул д'Артаньян. – А потом мы уехали.

– Так вот, поединок у них продолжался долго, – объяснил трактирщик. – Но, в конце концов, тот неизвестный месье очень сильно ранил господина Портоса – проткнул практически насквозь. Потом они о чём-то поговорили, тот незнакомец помог господину Портосу добраться до постели и уехал.

– А что Портос? – спросил д'Артаньян.

– Наш местный лекарь его вылечил, – ответил трактирщик. – И господин Портос идёт на поправку. Он всё ещё живёт наверху, во второй комнате. Можете подняться к нему – дверь найдёте без труда.

– Ясно, – сказал д'Артаньян. – Я пошёл. Где тут у вас лестница?

Не без труда найдя лестницу, д'Артаньян поднялся на второй этаж и ввалился в комнату Портоса. Тот лежал на кровати, играл сам с собой в шахматы и, естественно, выигрывал.

– Привет, Портос! – сказал д'Артаньян, входя в комнату.

– А, д'Артаньян, вот и ты! – сказал Портос. – Шах и мат, я выиграл! Приятно играть с достойным соперником. Да, кстати, как там ваша Жемчужина?

– А.., всё в порядке, – сказал д'Артаньян. – Жемчужина у Короля, Король помирился с герцогом Бэкингемом, Робин Гуд стал Буддой. Всё хорошо.

– А чего ты тогда такой кислый? – спросил Портос.

– Констанс похитили, – ответил д'Артаньян. – И я второй день не сплю по-человечески. То есть, заснул сегодня по дороге сюда, сидя на лошади.

– Да, выглядишь ты неважно, – кивнул Портос, вставая. – Присядь, отдохни.

– Спасибо, – сказал д'Артаньян, садясь на кровать.

– Ну, и какие у нас планы на будущее? – спросил Портос. – Будут новые задания, поручения или что-то в этом роде?

– Сейчас нам всем надо вернуться в Париж, – ответил д'Артаньян. – Осталось только найти Арамиса и Атоса, которые тоже остались в провинции.

– А с ними что? – спросил Портос.

– Арамис ранен. На Атоса тоже напали, но думаю, он отделался даже без лёгкого испуга, – ответил д'Артаньян.

– Значит, всё в порядке? – спросил Портос.

– Угу, – ответил д'Артаньян. – Портос, ты можешь сейчас ехать на лошади?

– Могу, – кивнул Портос.

– Тогда собирай вещи, а я пока посплю, – сказал д'Артаньян.

– Одна проблема – мне по счёту надо заплатить, – сказал Портос.

– Не вопрос, у меня полмешка золота еще осталось, – ответил д'Артаньян, упал на кровать и вырубился.

Д'Артаньяна разбудили крики:

– Где господин д'Артаньян, я должен немедленно его найти!

По голосу д'Артаньян понял, что кричит Планше.

– Не ори, я здесь! – крикнул д'Артаньян, не открывая глаз. – Дай поспать, дурень!

– Господин д'Артаньян, как же я рад, что нашёл вас! – воскликнул Планше, влетая в комнату. – Вы ведь из Парижа уехали, а меня-то забыли! К счастью, сенцей ваш, месье Нильсен, сказал, что вы поехали за господами мушкетёрами. Я вас еле нагнал, хозяин!

Д'Артаньян открыл глаза.

– Похоже, я, наконец, выспался, Планше, – сказал он. – Дело в том, что мадам Бонасье похитили. И я еду её освобождать.

– А я думал, вы сюда за господином Портосом приехали, – сказал Планше.

– Похоже, Констанс везли по этой же дороге, – сказал д'Артаньян. – Моя лошадь взяла след. Это облегчает нам задачу.

– Как это лошадь могла взять след? – спросил Планше. – Она же не собака.

– А моя – взяла след, – сказал д'Артаньян. – Ты не знаешь, Портос уже собрался?

– Да, они там с трактирщиком счёт оспаривают, – ответил Планше.

– Пойду к ним и расплачусь, – сказал д’Артаньян. – А то они до ночи проспорят.

ЕщёразпроВенеруМилосскую

Д'Артаньян, Портос и двое слуг поскакали по знакомой дороге. Правда, на этот раз им не угрожали гвардейцы кардинала и прочие опасности.

– Так значит, сенцей обещал сделать тебя мушкетёром? – спросил Портос. – Тридцать третьим?

– Угу, – кивнул д'Артаньян. – У них там насчёт меня было какое-то пророчество. Ну, что я в кабинете сенцея Афродиту разобью и ещё что-то там. Про Жемчужину, наверно.

– Так эту Афродиту Дюмон вроде бы обратно склеил? – спросил Портос.

– Склеил, – ответил д'Артаньян. – Китайским клеем. У неё после этого руки отвалились.

– И чего теперь? – спросил Портос.

– И теперь стоит у сенцея Афродита без рук, – ответил д'Артаньян. – Ждём, пока от неё ещё что-нибудь отвалится.

– Оригинально, – пробормотал Портос. – А что, кардинала, значит, вот просто так взяли и повязали? И что, их религию у нас теперь запретят?

– Ну, повязали его не просто так, а по приказу Короля, – ответил д'Артаньян. – Так что недовольных вроде бы нет. А с другой стороны…

– А что с другой стороны? – спросил Портос.

– А с другой стороны, Констанс-то кто-то похитил, – ответил д'Артаньян. – А кто это мог сделать кроме сторонников кардинала, недовольных тем, что я с помощью Констанс взял да и вернул на место Жемчужину?

– Действительно, – кивнул Портос. – Значит, у кардинала остались сторонники? Рошфор, наверно, хулиганит.

– Нет, Рошфор признал себя буддистом. У него нашли сад камней и оставили его в покое, – ответил д'Артаньян. – Говорят, он сейчас медитирует на своих камнях. Так что с этой стороны можно быть спокойным. А кстати, Ришелье посадили в специально разрисованную камеру в Бастилии! Ну, там, море, Солнце, цветочки, бабочки, хиппи, пацифистские знаки… Представляешь, что сейчас с кардиналом творится? Король говорил, что специально для него в Бастилию ещё и электричество провели. То есть, теперь у него в камере великолепное освещение. Это чтобы роспись всегда видно было.

– Представляю, – рассмеялся Портос. – Должно быть, ему сейчас очень весело.

– А ты представь, как весело его тюремщикам! – сказал

д’Артаньян, и мушкетёры дружно расхохотались.

Осексеидругихподавляемыхжеланиях

Тем временем в Англии миледи находилась под арестом в своём родовом замке, – точнее, в родовом замке своего бывшего мужа, который отравился бледными поганками и оставил всё своё богатство супруге. Так вот – миледи сидела в тюрьме, и её охранял офицер по имени Фелтон, полный идиот, по виду бесчувственный робот или оживший Пиноккио.

Миледи из опыта общения с кардиналом и его зомби вынесла убеждение, что нет ничего легче, чем манипулировать человеком, который всю жизнь себя ограничивает. И это действительно так и есть. Дело в том, что если человек в течение всей жизни подавляет какие-либо свои желания – будь то сексуальные желания, жажда власти или жажда насилия – эти желания становятся сильнее. С каждым днём такому человеку всё труднее подавлять их. И в один прекрасный день он просто «взрывается» изнутри.

Поэтому французский Король и его дзен-буддисты учили людей следовать своим желаниям. Ибо – когда человек реализует свои желания (пусть даже самые идиотские) целиком и полностью, он освобождается от них! В итоге человеку становится скучно, когда он осознаёт, что все желания реализованы, всё в этой жизни сделано, ничего больше не хочется. Именно в таком состоянии человек способен стремиться только лишь к нирване и просветлению. Вот так и живут дзен-буддисты.

Кардинал же с Романским Попом построили свою религиозную секту на совершенно противоположном принципе, который звучит примерно так: «Реализовывать желания – грех, но если будешь служить нам, мы позволим тебе реализовать некоторые свои желания и при этом не чувствовать себя виноватым. И даже грехи отпустим».

Одним словом, миледи довольно быстро раскусила Фелтона. В нём было столько подавленных желаний, и он так кипел изнутри, что достаточно было лишь чуть-чуть надавить на него, чтобы он взорвался. И миледи надавила! В первый день она как бы невзначай порвала платье и показала Фелтону все свои прелести. Он нашёл ей другое платье и, перепугавшись, что не сможет себя сдержать, выбежал из её комнаты.

На следующий день миледи закатила истерику с неудачной попыткой самоубийства, потом долго жаловалась Фелтону на жизнь, как бы невзначай сопровождая свои жалобы томными вздохами и попытками прижаться к нему всем телом. На третий день Фелтон не выдержал. Как ни крути, а природа брала своё, и

всё закончилось бурным сексом, во время и после которого миледи, обладая гипнотическим даром, внушила Фелтону много такого, что он раз и навсегда стал её послушным рабом.

Всё-таки секс – поразительная вещь! С его помощью люди по всему миру и во все времена добивались потрясающих результатов. А если совместить секс с гипнозом и психологическим давлением, как это сделала миледи… Да! Одним словом, наворотить можно много чего. Учитесь у миледи, товарищи!

СмертьгерцогаБэкингема

Миледи вместе с Фелтоном сбежали из замка и отправились в Лондон. В Лондоне тем временем царило оживление – из Франции только что вернулись герцог Бэкингем, Робин Гуд и лорд Блэкмор. Все они помирились с Королём Франции и теперь дружно отмечали это событие Бэкингемском дворце. В разгаре веселья никто не заметил на площади перед дворцом миледи и Фелтона, которые активно притворялись туристами, напялив высокие синие шляпы с британским флагом. Такие шляпы туристы носят в Лондоне и поныне.

Короче говоря, пока герцог со своей компанией бухал, миледи капала на мозги Фелтону.

– Повторяй за мной, – внушала миледи. – Герцог Бэкингем – враг народа!

– Герцог Бэкингем – враг народа! – повторил Фелтон.

– Он эксплуатирует людей, – продолжала миледи.

– Он эксплуатирует людей, – повторил Фелтон.

– Свергнем класс эксплуататоров! – сообщила миледи.

– Свергнем! – кивнул Фелтон.

– Взять нож, пройти во дворец и убить герцога Бэкингема! – шептала миледи на ухо Фелтону.

– Взять… войти… убить… – повторял Фелтон, осмотрев свой кинжал и сунув его в ножны. – Взять, войти, убить!

– Потом я буду ждать тебя в порту на своём корабле, – сказала миледи. – Выйдешь из дворца, пойдёшь в порт, найдёшь меня, и мы уплывём во Францию. Всё понял?

– Да понял я, понял, – кивнул Фелтон. – Взять, войти, убить, выйти – и в порт.

– Умничка, – сказала миледи. – Ну, всё, снимай эту дурацкую шляпу и вперёд!

– Вперёд! – повторил Фелтон, снял шляпу и подошёл к воротам дворца.

Там его, естественно, остановила охрана.

– Я капитан Фелтон, – сказал Фелтон. – У меня секретное донесение для герцога Бэкингема по поводу арестованной миледи Винтер.

– Проходите, – сказал охранник, пропуская Фелтона.

Проходя ворота, Фелтон обернулся и увидел миледи, которая на прощание помахала ему рукой.

– И в порт, – пробормотал Фелтон, отправляясь на поиски герцога Бэкингема.

Едва он скрылся во дворце, миледи поймала извозчика. В

порту уже был готов к отплытию во Францию заранее проплаченный корабль. Миледи подготовилась к побегу еще до того, как её арестовали, – на тот случай, если придётся стащить у герцога Жемчужину и бежать из Англии. Жемчужину миледи стащить не удалось, поэтому она решила отыграться на герцоге и спешила во Францию, надеясь, что кардинал оценит её усердие. Желательно в размере большого мешка золота.

Когда корабль уже отплыл достаточно далеко, миледи в подзорную трубу разглядела, что над герцогским дворцом подняли чёрный флаг. Герцог Бэкингем был зарезан, не успев даже протрезветь. Фелтона, естественно, повязали и довольно скоро казнили, хотя и признали, что он психически нездоров. А ненормальным его признали, потому что Фелтон и до, и во время казни постоянно повторял:

– И в порт, и в порт, и в порт…

Зачем ему надо было в порт, никто так и не узнал. Зато узнали, что миледи сбежала. На всякий случай за ней послали погоню во все стороны света.

ВоскресениеАрамисаизмёртвых

Тем временем д'Артаньян и Портос скакали по дорогам Франции. Утром они прибыли в тот городок, где когда-то оставили Арамиса с пулей в груди. Самого Арамиса они нашли довольно быстро – он торчал на главной площади городка. Живой и здоровый, он обрабатывал сознание нескольких десятков собравшихся полуголодных кардинальских монахов.

– Господа, смею вас заверить, что кардинал вас обманул! – вещал Арамис с трибуны. – Как сообщают нам свежие парижские газеты двухдневной давности, кардинала посадили в тюрьму за государственную измену, попытку похищения королевских сокровищ и внедрение чуждой народу идеологии. Посудите сами – люди кардинала учили вас, что нужно во всём себя ограничивать и жить правильно, чтобы после смерти не жариться на сковородке. Вы долгие годы жили так, как вам велел кардинал – может быть, кому-то из вас стало лучше?

– Не-ет! – хором прогудела толпа.

– Теперь по поводу сковородок, – продолжал Арамис. – Вы помните, что когда мои друзья привезли меня сюда, я был мёртв?

– Помним-помним, – донеслось из толпы.

– Вы помните, что даже местный лекарь отказался меня лечить, посчитав меня мёртвым, – говорил Арамис. – Но тем менее, прошло всего несколько дней, и вот он я – живой и даже без единой царапины! Кардинал учил вас, что такое удалось только однажды только одному рабу арабского происхождения, трупу которого вы все поклонялись. Я же являюсь живым примером того, что вернуться с того света может каждый. И я, и вы были там множество раз, и всё равно каждый раз возвращались сюда, в этот мир. Просто вы не помните, что видели там, по ту сторону, поэтому вы и поверили кардиналу, когда он внушил вам, что там людей поджаривают на сковородках. Я же говорю вам, что ничего подобного нет! Нет никаких сковородок, нет пляшущих чертей. Черти только здесь. Кем, по-вашему, был кардинал и его братия? Как они приплясывали, проматывая деньги, которые собирали с вас?

– Побить их! – дружно взревела толпа, вспомнив о деньгах.

– Кого побить? – улыбнулся Арамис. – Вы же сами до недавнего времени были людьми кардинала. Сами себя хотите побить? А кардинала уже и без вас и побили, и посадили…

– На кол! – выкрикнул кто-то.

– Может, и на кол, я при этом не присутствовал, – ответил Арамис. – Так вот, а теперь я расскажу вам о нирване. Почему

каждый раз вы возвращаетесь именно в этот мир? Потому что вы не знаете, как достичь нирваны. А достичь её вам мешают ваши желания. Кто-то из вас хочет иметь много денег, кто-то – сытно кушать по пять раз на дню, кто-то жаждет каждый вечер напиваться… Кардинал учил вас, что всё это плохо, что от этого надо отказаться. Я же предлагаю вам другой путь. Чтобы достичь нирваны, вы должны освободиться от всех этих желаний. А как от них освободиться? Единственный способ – полностью их реализовать.

– Как? – спросил кто-то.

– Очень просто, – ответил Арамис. – Если хочешь есть – ешь, пока не лопнешь. Рано или поздно ты пресытишься и станешь смотреть на еду с равнодушием или отвращением. Ты будешь сыт по горло, только тогда ты начнёшь чувствовать отвращение к еде – всё, больше не лезет! Это единственный путь. Кардинал предлагал вам смотреть на еду с отвращением, при этом оставаясь голодными. Но как может голодный человек смотреть на еду с отвращением? То есть, смотреть-то он может, но этим фактом он будет лгать всем и самому себе. Религия кардинала – религия голодных лжецов, которые боятся съесть кусок хлеба, когда они голодны. Вы хотите быть такими?

– Не-ет! – дружно взвыла толпа.

– И правильно, – кивнул Арамис. – Кардинал был прав в одном – на еду и прочие материальные объекты нужно научиться смотреть с отвращением. Хотя нет, не с отвращением, а с равнодушием – это разные вещи! Но кардиналисты неправильно поняли механизм этого обучения. Чтобы равнодушно смотреть на еду, нужно быть сытым. Чтобы равнодушно смотреть на секс, нужно насытиться сексом. И чтобы равнодушно смотреть на все ваши дешёвые табачные сигареты… нужно вкусить дорогой табак, после которого вам никогда не захочется курить дешёвых сигарет.

– Мы не курим дешёвых сигарет, о, просветлённый! – сказал бывший настоятель кардинальского монастыря.

– Ах, да, опять я эпохи перепутал. Пардон! – пробормотал Арамис. – Одним словом, взорвите мрачную кардинальскую церквушку, украшенную орудиями пыток, записывайтесь в дзенскую общину, постройте новый красивый храм! Даже не храм, а дворец, в котором каждый из вас сможет отдыхать и наслаждаться жизнью! Да здравствуют еда, вино и женщины! Реализуйте свои желания, друзья, и да пребудет с вами сила! Я уже научил вас всему, теперь учитесь дальше сами. Я ухожу, а вы оставайтесь. Пока, друзья мои!

Арамис слез с трибуны, вскочил на коня и подъехал к Портосу и д’Артаньяну.

– Вижу, ты тут неплохо управился, – сказал Портос.

– И, кроме того, ты в курсе последних парижских событий, – заметил д'Артаньян.

– Я всегда в курсе! – кивнул Арамис. – Ну что ж, друзья мои, насколько я могу судить, сидя в этом захолустье, дело с Жемчужиной вы провернули успешно.

– Весьма успешно! – кивнул д'Артаньян. – Меня теперь сделают тридцать третьим мушкетёром.

– Поздравляю! – сказал Арамис. – Ну, и куда мы едем теперь?

– За Атосом, – ответил д'Артаньян. – Он тоже отстал в пути, когда на него напали. Впрочем, может быть, он уже своим ходом вернулся в Париж, пока я тут бегал. Если нет, то его, вероятно, арестовали кардиналисты, но сейчас ведь это не проблема.

– Да, это не проблема, – кивнул Арамис.

– Зато у нас появилась другая проблема, – сказал д'Артаньян.

– И какая же? – спросил Арамис.

– Кто-то похитил мою мадам Бонасье, – тяжело вздохнул д'Артаньян. – У меня есть основания предполагать, что её везли по этой дороге. И что-то мне подсказывает, что если мы проедем дальше, то сможем её найти.

– Ну, не помню, чтобы здесь её провозили, – пробормотал Арамис. – Но сейчас спрошу у ребят.

– Так точно, проезжала здесь закрытая карета вчера вечером. Ну, то есть, уже почти ночью проезжала, – ответил один из местных жителей на расспросы Арамиса и д'Артаньяна.

– Так значит, ночью! – воскликнул д'Артаньян. – Я был прав, они опережают меня лишь на несколько часов… Надо спешить. По коням, господа, по коням!

– По каким по коням?! Я есть хочу! – заявил Портос. – Арамис, твои новые друзья, которым выпала честь обратиться к истинной вере… не приготовят ли они нам завтрак?

– Сейчас всё будет, – откликнулся трактирщик.

– Но мы же теряем время! – воскликнул д'Артаньян.

– Да посмотри на себя! Ты от голодухи чуть из седла не выпадаешь, – сказал Портос. – Завтрак нас сильно не задержит. И потом… не убьют же они твою мадам!

– Почему ты так думаешь? – спросил д'Артаньян.

– Ну, сам посуди, если бы её хотели убить, то сделали бы это ещё в Париже, – ответил Портос. – И тело бы сбросили в реку, чтобы вопросов ни у кого не возникло. А раз её похитили, значит, её везут в тюрьму или замок. Или в один из этих кардинальских монастырей, которые сейчас уже закрываются. Так что наше дело простое – найти тот замок или монастырь, куда её отвезли, взять его штурмом, что, скорее всего, будет нетрудно. Затем освободим

твою мадам и вернём вас обоих в Париж.

– Потрясающе! – воскликнул Арамис. – По части логики и криминалистики Портос всегда на шаг впереди всех нас. Так что позавтракай с нами, д'Артаньян. Это тебя не задержит.

– Ладно, уговорили, – сказал д'Артаньян. – Так что у нас в меню?

ТриумфальноевозвращениеАтосаизподва

Уже к вечеру трое наших мушкетёров со своими слугами прискакали в тот городок, где д'Артаньян когда-то оставил Атоса отбиваться от толпы кардинальских гвардейцев. Городок с тех пор ничуть не изменился, разве что исчезла из конюшни одна из сновидящих лошадей – отправилась в нирвану.

Отряд мушкетёров с треском и блеском в лучах закатного Солнца остановился перед трактиром. Выглядели они очень грозно, что по расчётам д'Артаньяна должно было сильно напугать трактирщика, который и навёл на Атоса гвардейцев кардинала. Когда мушкетёры вошли в трактир, трактирщик так побледнел, что д'Артаньян сразу понял верность своего расчёта.

– Доб-брый веч-чер, гос-спод-да… – пролепетал трактирщик.

– Вы, конечно же, меня узнаёте? – ехидно улыбнулся д'Артаньян, положив руку на эфес шпаги.

– Уз-знаю, с-суд-дарь! – пролепетал трактирщик.

– Тогда перестань трястись, каналья, и говори, что эти гады сделали с Атосом! – угрожающе воскликнул д'Артаньян.

– Да ничего, понимаете, я ж ведь не знал, что господин Атос – честный человек, а преступниками были как раз эти, которые представились полицейскими, потому что, когда я пошёл в полицию, они сказали, что я… что он…

– Плевать, что они сказали, говори, где Атос! – снова крикнул д'Артаньян.

– Он очень удачно отбивался от шестерых нападавших, – ответил трактирщик. – Но потом им на помощь подоспело подкрепление, и он… забаррикадировался в погребе…

Трактирщик кивнул на люк в полу, ведущий в подвал.

– И ты что, так и не выпустил его из погреба?! – прогремел Портос.

– Как вы могли подумать! – воскликнул трактирщик. – Осознав свою ошибку, я попытался открыть дверь, но господин Атос крикнул снизу, что всадит пулю в любого, кто попытается войти… Правда, я через отдушину спускал ему кое-какую еду в надежде загладить свою вину, но он так и не поддался на мои уговоры и не вышел.

– Ладно, не волнуйся, сейчас мы его оттуда выпустим, – рассмеялся Портос.

– Это было бы очень кстати, – сказал трактирщик. – Дело в том, что основная часть моих запасов хранится именно в погребе, так что с тех пор, как там засел месье Атос, я ничего не могу предложить своим клиентам, кроме хлеба и сыра. Да и сыр уже

кончается…

Портос и д'Артаньян со смехом направились к подвалу.

– Атос! – крикнули они. – Эй, Атос! Пусти нас к себе в подземный дворец! Или, может, лучше выйдешь к нам?

– Ё-моё!.. – послышался глухой голос из подвала. – Ребята, вы, что ли?

– Это мы, Атос! – крикнул Арамис. – Открывай поскорей!

– Сейчас, – сказал Атос, и из подвала послышался грохот. – Я тут соорудил кое-какие баррикады…

– Слушай, как ты там протянул почти две недели? – спросил д'Артаньян.

– Тут полно жратвы, – ответил Атос. – По крайней мере, было полно. И вина было порядком! Кстати говоря, вы вовремя приехали, у меня почти закончилась еда.

– Как – почти закончилась? – испуганно пролепетал трактирщик. – Там же все мои запасы на зиму!!!

– Ничего, радуйся, парень, что кардинала посадили, – сказал Портос, похлопав трактирщика по плечу. – Теперь вас не будут душить налогами и прочей фигнёй.

– Как? – спросил из подвала Атос. – Кардинала посадили? За это надо выпить!

Из подвала снова послышался грохот.

– Чёрт побери, споткнулся! – пробормотал Атос. – Тут темно как в гробу!

Наконец, Атос снова зашевелился, и крышка люка, ведущего в подвал, сначала приподнялась, потом открылась и, наконец, из подвала показалась голова Атоса.

– Атос, ты не представляешь, как мы рады, что с тобой всё в порядке! – воскликнул д'Артаньян.

– Я тоже оч-чень рад! – сказал Атос. – Но для начала я хотел бы принять душ. Кстати, за что же посадили кардинала?

– За попытку украсть Жемчужину, – ответил д'Артаньян. – Там и без нас всё было хитро сработано.

– Да что вы? – спросил Атос. – Ну что ж, я рад, что всё так обернулось. И за это тоже надо выпить. Только, кажется, пить там уже нечего.

– Как так – нечего?! – воскликнул трактирщик, бросаясь в подвал. – Там же у меня был винный погреб!

Вслед за Атосом из подвала вылез его слуга, а уж потом в этот самый подвал кинулся трактирщик. Когда Атос уединился в душевой кабинке, из подвала донёсся душераздирающий крик.

Хорошееделобракомненазовут

Поутру Атос опохмелялся на свежем воздухе – в беседке, установленной неподалёку от трактира. Там его и нашёл д'Артаньян. Ему не спалось, терзали мысли о судьбе мадам Бонасье.

– Доброе утро, д'Артаньян, – сказал Атос, допивая очередной стакан вина. – Тебе налить?

– А чёрт с ним, наливай! – сказал д'Артаньян, садясь рядом с Атосом. – Я сейчас сплошной комок нервов, и мне надо успокоиться.

– Из-за чего же ты так нервничаешь? – спросил Атос, разливая вино по стаканам.

– Из-за мадам Бонасье, – ответил д'Артаньян. – Её похитили, и теперь мы поедем её освобождать… После завтрака, разумеется.

– Нашёл из-за чего волноваться, – усмехнулся Атос. – Совершенно незачем волноваться из-за женщин.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил д'Артаньян. – Ты ж ни разу не был женат!

– Был, – сказал Атос. – Неудачно.

– Можешь не рассказывать, – вздохнул д'Артаньян, выпивая стакан вина.

– Не-е, я расскажу! – протянул Атос злорадно. – Я сейчас настолько пьян, что обязательно расскажу! Дело было так… Я был графом. Н-да! Встретил её – и влюбился. В неё было трудно не влюбиться… Звезда для обложки «Плэйбоя», одним словом. Ну, я – как дурак – и женился. Вместо того, чтобы оформить гражданский брак, как все нормальные люди делают. Или вообще можно было ничего не оформлять, как продвинутые дзен-буддисты делают! Нет, что ты, я ж тогда был образец морали и честности! Ну, и женился, как последний осёл!

– Почему же осёл, если ты любил её? – спросил д'Артаньян.

– А потому и осёл, что любил! – воскликнул Атос. – Я настолько в неё втюрился, что мы даже как-то зашли в Париже в салон татуировок и сделали себе татушки на плечах. Вот, видишь, у меня на плече роза? – спросил Атос, расстёгивая рубашку и показывая д'Артаньяну татуировку.

– Вижу, – кивнул д'Артаньян.

– А она захотела лилию, – продолжал Атос. – Ну, и нарисовали ей лилию. Вот до такой степени я был влюблён. А теперь эту дрянь ничем не сведёшь! – кивнул Атос в сторону татуировки, застёгивая рубашку. – Понимаешь? Теперь это на всю жизнь! Сенцей, правда, просветил меня – что бы мы ни делали,

глупость ли, зло или добро, это остаётся с нами на всю жизнь, и с этим нужно мириться. Людям кажется, что это вот так легко – выкинул что-то из памяти и… Ан, нет! Наши дела остаются с нами и в этой жизни, и во всех следующих, напоминая каждый день о… Кажется, я потерял нить.

– Что же случилось с твоей женой? – спросил д'Артаньян.

– Она мне изменила, – ответил Атос. – Я застукал её прямо с любовником. Он был кардинальским священником. И кажется, её братом.

– Кошмар! – воскликнул потрясённый д'Артаньян, чуть не упав с табуретки. – И что же ты сделал?

– Того козла я проткнул шпагой прямо на месте, в кардинальском храме, построенном на мои же деньги! – воскликнул Атос, вспомнив о деньгах. – Я пришпилил его к стене шпагой как бабочку! А её… Её я приволок в свой сад рядом с замком, приказал слугам принести мне из конюшни хлыст и… одним словом, я так увлёкся, что дело чуть было не дошло до садо-мазо. Но потом я спохватился и повесил её на дереве. А сам достал пистолет, приставил к своему виску и прострелил себе череп.

– Как же ты до сих пор живой? – удивился д'Артаньян.

– Ну, ты же помнишь, что я – мастер смерти. Как их ещё называют… автакра, что ли? – спросил Атос. – Или автарка? Не помню. Одним словом, проснулся я на улицах Парижа, без дыры в голове, но всё ещё с пистолетом в руках. За время своего путешествия по коридорам смерти я побывал в удивительных местах… и рассказал всё это дзенским монахам, которые ради смеха сбросили меня в реку. Но, видимо, кто-то из них всё-таки разобрался в моём рассказе, и в итоге я стал мушкетёром, начисто забыв свой имя и прежнюю жизнь. А вот сейчас напился – и всё вспомнил!

– Какой кошмар! – воскликнул д'Артаньян. – Так значит, ты повесил свою жену?

– Повесил, – кивнул Атос. – И если она тоже по чистой случайности не оказалась мастером смерти, что вряд ли, то сейчас она где-нибудь в астрале летает. И знаешь, когда я о ней думаю, мне почти что жаль, что по ту сторону не существует никаких чертей, сковородок и всего того дерьма, которое расписывают кардиналисты. Потому что для моей Аньки это всё было бы в самый раз!

– Аньки? – спросил д'Артаньян.

– Так её звали, – ответил Атос. – Анька.

Он тяжело вздохнул и залпом выпил всё, что осталось в бутылке.

– Какой кошмар! – в который раз повторил д’Артаньян.

– Ну, так что, мы едем искать твою мадам Бонасье? – спросил Атос. – Ладно, найдём её и вернёмся в Париж. Забудь всё, что я тут рассказывал. То есть, это… лучше не забывай. Я хотел тебе сказать, чтобы ты был осторожнее с женщинами, д’Артаньян. Особенно с Аньками. Надеюсь, твою мадам зовут не Анькой?

– Нет, её зовут Констанс, – вздохнул д’Артаньян, вспомнив мадам Бонасье. – Прелестное имя!

– Чуваки, хватит рассиживаться! – крикнул Портос, подходя к ним. – Я только что смотрел карту местности и расспрашивал жителей… Одним словом, есть тут неподалёку мощнявый кардинальский монастырь, в который вчера заезжала закрытая карета. Это совсем рядом. Сейчас позавтракаем и через пару часов будем там!

– Ура! – воскликнул д’Артаньян. – Я снова увижу мою дорогую Констанс!

– Да, раз уж ты такой радостный, может, вернёшь мне свежий «Плэйбой»? – спросил Портос.

Прогнилочто-товкардинальскойсекте

Корабль доставил миледи во Францию. Она добралась до ближайшей деревушки, купила там лошадь на последние деньги и отправилась в кардинальский монастырь – крупнейший в округе.

Во всех кардинальских монастырях было всё необходимое для установления телепатической связи с кардинальским дворцом, так что миледи спешила доложить кардиналу обо всём случившемся и получить свой мешок золота. Она так спешила, что даже не удосужилась почитать свежую прессу, в которой только что напечатали карикатуры на кардинала за решёткой.

И вот миледи прибыла в кардинальский монастырь. С виду он напоминал настоящий замок – каменная ограда, мощная охрана, высокие стены. Но сегодня во всём этом монастыре-замке было неспокойно – служители кардинала суетились и буквально разбегались по всем направлениям. Миледи повезло: во дворе она поймала настоятеля, схватила его, встряхнула и крикнула ему прямо в ухо:

– Что, чёрт возьми, происходит?!

– Вы что, миледи Винтер, газет не читали? – спросил настоятель, показывая ей свежий номер. – Кардинал арестован за попытку похищения из дворца Жемчужины Дао! С отягчающими обстоятельствами – шантаж герцога Бэкингема и государственная измена. И ещё чего там только нет!

– Понятно, – пробормотала миледи, просматривая газету. – Так, с герцогом я уже справилась. Теперь я беру командование на себя! Что это за карета? У вас что, пленники?

– Да, одна из гувернанток Королевы, какая-то мадам Бонасье, – ответил настоятель.

– Отлично! – воскликнула миледи. – Та самая фифа, которая была посредником между Королевой и герцогом! Это из-за неё провалился весь план! Это из-за неё арестовали кардинала! Ничего, кардинала мы вытащим. Где Рошфор?

– Пишут, что он кинулся в буддизм и уже ушёл в нирвану, – ответил настоятель.

– Вот скотина! – воскликнула миледи. – Ладно, без него справимся. Сейчас ведите меня к этой Бонасье. Затолкаете меня к ней в комнату и скажете ей, что я – тоже ваша пленница. Потом…

– Потом я убегу, – ответил настоятель. – Говорят, сюда уже скачет отряд мушкетёров, чтобы её освободить. Мы не можем

оборонять монастырь – половина ополчения уже разбежалась. Побегу и я, пока они до меня не добрались!

– Ладно, значит, у нас меньше времени, чем я думала, – произнесла миледи. – Хорошо, ведите меня к ней.

Местьмиледи

Мадам Бонасье медитировала на кровати в отведённой ей комнатке. Всё-таки, в кардинальских монастырях пленных содержали в хороших условиях. Вдруг дверь открылась, и в комнату затолкали миледи. Когда дверь закрылась, та начала стучать в неё руками и ногами с криками:

– Выпустите меня! Немедленно выпустите меня! Сейчас приедут мои друзья мушкетёры, и вы об этом пожалеете!

– Как бы не так, никто не приедет, – ответили ей из-за двери. – Сиди и молчи!

– Я бы на вашем месте не оказывала им сопротивления, мадам, – сказал мадам Бонасье. – Всё равно, как вы сами сказали, скоро сюда приедут мушкетёры. Нам с вами остаётся только ждать.

– Это верно, – кивнула миледи, усаживаясь в кресло. – Позвольте полюбопытствовать, а вы здесь как оказались? И вообще, кто вы?

– Констанс Бонасье, особое подразделение гувернанток Королевы, – представилась мадам Бонасье. – Меня похитили, потому что именно я помогала Королеве держать связь с герцогом Бэкингемом, да и кардинала посадили не без моего участия.

– О! Да вы просто герой, то есть, это, как её – героиня! – воскликнула миледи. – Как же замечательно, что этого деспота наконец-то посадили! Теперь вся Франция вздохнёт свободно!

– А вы кто? – спросила мадам Бонасье. – Вас за что арестовали?

– Меня зовут Анна Винтер, – ответила миледи. – Мой муж лорд Винтер – один из друзей герцога Бэкингема… По крайней мере, был, пока его не отравили кардинальские шпионы. После смерти мужа я, как могла, помогала герцогу бороться с кардиналом. Я видела и то, как герцог вернул Жемчужину французскому курьеру, человеку по имени д'Артаньян.

– Д'Артаньян всё-таки добрался до Лондона! – воскликнула мадам Бонасье. – А ведь это именно я посылала его в дорогу!

– Он выполнил свою миссию, – сказала миледи. – Да, он великолепно справился. А потом… потом меня послали во Францию с очередным поручением, и на границе меня схватили кардинальские прихвостни. Я не слишком-то остерегалась, ведь я думала, что после ареста кардинала во Францию можно будет въезжать беспрепятственно…

– Понимаю, – сказала мадам Бонасье. – Ну что ж, нам остаётся только подождать…

– Да зачем же ждать? – спросила миледи. – Я слышу, что шум в коридоре затих. Наверное, эти подонки струсили и разбежались. У меня всегда с собой отмычка, которую они даже не нашли, когда забрали мои вещи – видимо, сильно торопились. Сейчас мы откроем дверь и выберемся отсюда. И я думаю, нам лучше поспешить – вдруг под монастырь подложили бочонок пороха?

– Да, вы правы, лучше поспешить, – сказала мадам Бонасье.

Через пять минут миледи благополучно справилась с замком, и они с мадам Бонасье выбрались из комнаты в коридор.

– Ну что, теперь бежим? – спросила мадам Бонасье.

– Не знаю, как вы, а я бы предпочла ненадолго заглянуть на кухню, – ответила миледи. – Я почти ничего не ела от самой Англии и жутко проголодалась.

– Но вы же говорили, что монастырь могут взорвать… – начала было мадам Бонасье, но миледи прервала её:

– Всё равно я с голоду не смогу далеко убежать, мне надо хоть что-нибудь съесть! Пойдёмте, это нас не задержит!

На кухне миледи яростно набросилась на пирожки, потом достала из буфета бутылку вина, налила два бокала, и в один из бокалов щедро насыпала смертельного яда, который на всякий случай был у неё в перстне.

– Ну что, выпьем за успех нашего дела? – спросила она, подавая бокал мадам Бонасье.

– За успех? – переспросила мадам Бонасье. – А впрочем, за успех выпьем!

Они выпили. И у мадам Бонасье сразу же закружилась голова.

– Что это? – спросила она. – Кажется, вино было отравлено?

– Именно, моя дорогая! – ответила миледи, допивая свой бокал. – Счастливой нирваны!

– Ах, да, нирвана, – пробормотала мадам Бонасье, падая на пол и умирая. – Ну, её, к чертям, эту нирвану! Хочу в следующей жизни родиться где-нибудь в Индии, чтобы мы вместе с д'Артаньяном изучали там Камасутру…

Думая об Индии и д'Артаньяне, мадам Бонасье закрыла глаза и умерла. Её астральный двойник отделился от тела и успел зазвездить сковородкой по голове убегающей миледи.

Татуировкиичёрнаямагия

Выбежав из ворот монастыря, миледи увидела приближающийся отряд всадников, среди которых нетрудно было различить трёх мушкетёров, четырёх слуг и одного д'Артаньяна. Миледи бросилась в сад, надеясь скрыться через вторые ворота. Но тут ей не повезло. Миледи не заметила, как отряд всадников разделился, – и когда она уже почти добежала до ворот, перед ней появился Атос.

И миледи, и Атос дружно вскрикнули.

– Анька?! – воскликнул Атос, когда к нему вернулся дар речи.

Миледи, к которой дар речи ещё не вернулся, просто взвизгнула.

– Чёрт побери, как тебе удалось выжить? – спросил Атос. – А-а, понимаю, ты тоже оказалась мастером смерти!

Миледи хотела было убежать, воспользовавшись замешательством Атоса, но он уже пришёл в себя и мигом схватил её. Из монастыря донёсся крик д'Артаньяна:

– Констанс!

Атос ещё крепче схватил миледи, поняв, что Анька и тут напакостила.

– Все сюда! – крикнул Атос. – Я её поймал!

Через минуту в сад выбежали Портос, Арамис и д'Артаньян.

– Атос! – крикнул д'Артаньян. – Констанс отравили! Она умерла! Если бы знать, кто это сделал!

– Она! – сказал Атос, хватая миледи за горло. – Значит, ты продолжаешь пакостить людям, Анька!

Миледи в ответ попыталась что-то сказать, но Атос крепко её держал, и она захрипела.

– Атос, почему ты так себя ведёшь с дамой? – спросил Арамис.

– Это не дама, это моя бывшая жена, – ответил Атос.

– Понимаю, – кивнул Портос.

– Это она отравила твою мадам Бонасье, д'Артаньян, – продолжал Атос. – Это та самая Анька, о которой я вам рассказывал! Вот, у неё на плече лилия!

Атос рванул платье миледи, и все увидели на её плече татуировку в виде цветка лилии.

– Чем я только не пыталась её свести! – воскликнула миледи Анька.

– Я также ничем не могу свести эту дурацкую розу на плече! – воскликнул Атос, разорвав свою рубашку, и все увидели, что на плече у него татуировка в виде розы.

– Ты с этой розой такой сексуальный! – сказала миледи.

– Ну, всё, хватит! – сказал Атос. – Однажды я уже пытался тебя убить, но ты оказалась такой же, как я… Погоди-ка… У тебя ведь не было этих способностей, верно? Они передались тебе от меня через татуировку!

Поняв, что Атос, наконец, всё понял, миледи похолодела.

– Я не нарочно, – попыталась сказать она.

– Так это ж был сеанс чёрной магии, когда мы татуировки делали! – воскликнул Атос. – А я, дурак, и не понял! Значит, это из-за меня ты всё ещё жива и продолжаешь творить зло?! Ну, так мы сейчас это исправим!

– Атос, может, не надо? – спросил Арамис.

Но тут воздух задрожал, и в кустах материализовался Робин Гуд. Выглядел он весьма взволнованным, что нехарактерно для Будды.

– Ах, вот она где! – вздохнул Робин Гуд, успокаиваясь. – Хорошо, что вы её поймали. По вине миледи Анны Винтер вчера был убит герцог Бэкингем! Я прозондировал память Фелтона перед казнью и понял, что это она его загипнотизировала.

– Герцог Бэкингем убит?! – воскликнули все, кроме Атоса, который воскликнул:

– Анька, ты что, уже Винтер? А я почему не знал?

– Я вдова, между прочим! – ответила миледи.

– Мужа она отравила бледными поганками, – сказал Робин Гуд. – По крайней мере, так мне рассказывал герцог.

– Второго мужа, – сказал Атос. – Первым был я.

– Не повезло вам, – пробормотал Робин Гуд. – Хорошее дело браком не назовут!

– Это точно! – кивнул Портос.

– И что же мы будем с ней делать? – спросил д'Артаньян. – Она убила герцога, убила мадам Бонасье, чуть было не украла Жемчужину у нас из-под носа, да ещё убила своего второго мужа…

– Казнить её надо, – спокойно сказал Будда Робин Гуд.

– Не так всё просто, – сказал Атос. – Она, как и я, мастер смерти. Она подпитывалась все эти годы моей силой. То-то я стал замечать, что усох за последнее время! Ладно, проехали. Есть только один способ убить её. Д'Артаньян, там, в монастыре, должна быть галерея с оружием. Принеси мне меч.

– Окей, – сказал д'Артаньян, удаляясь.

Миледи начала вырываться, но Атос крепко держал её.

– Сегодня ты поплатишься, Анька, – сказал он. – Поплатишься за всё!

– Вот, держи, Атос, – сказал д'Артаньян, вернувшись с мечом

и протягивая его Атосу.

– Спасибо, друг, – ответил Атос спокойно. – Дальше я сам справлюсь.

– Помощь не нужна? – спросил Робин Гуд.

– Я справлюсь, – повторил Атос. – Сама по себе она уже живой труп. Мне просто нужно вернуть ту часть моей силы, которую она забрала. Подождите меня за воротами. Я проведу ритуал.

Ритуал

Портос, Арамис, д'Артаньян и Будда Робин Гуд вышли за ворота монастыря и стали ждать Атоса. Небо потемнело, налетела гроза. Молнии вспыхивали в небе и ударяли в землю. Несколько точечных ударов молний почти разрушили кардинальский монастырь. Белый огонь сверкал и в саду, – от него загорались деревья. Но вот хлынул ливень, заливая огонь.

Из ворот вышел Атос с мечом в руках.

– Ну что? – спросил д'Артаньян.

– Я вернул свою силу, – сказал Атос, бросая меч в кусты. – Оружие мне больше не понадобится.

Д'Артаньян заглянул сквозь ворота в сад и увидел в огненном кольце, поливаемом дождём, обезглавленный труп миледи.

– Какой кошмар, – в очередной раз прошептал он. – Я потерял Констанс. Я потерял Констанс!

– Поплачь, друг мой, – сказал Атос. – Станет легче. А вообще… сенцей учил меня использовать боль для медитации. Сядь в лотос и успокой своё сердце.

– Да, нам всем было бы неплохо сесть в лотос после того, что мы пережили, – сказал Портос. – Давайте помедитируем.

– Удачи вам, – сказал Робин Гуд. – А мне пора. Герцога Бэкингема всё-таки жаль. Не успел он стать буддистом, значит, ему понадобится ещё целая жизнь, чтобы достичь нирваны.

– Одна жизнь – это немного, – сказал Атос.

– Но и не мало, – сказал Робин Гуд.

– Это верно, – кивнул Арамис.

– Ну, пока, – сказал Робин Гуд, уходя в кусты и растворяясь в воздухе.

Мушкетёры расселись на траве в позах лотоса спиной друг к другу, так что каждый из них смотрел в свою сторону света. И д'Артаньян позволил тоске и отчаянию охватить его целиком. Мимо него проносились миры. Перед глазами нашего героя на секунду появилась Констанс Бонасье. Она сказала:

– Встретимся в Индии, слышишь? В Индии, не забывай!

Потом мимо д'Артаньяна проплыли индийские храмы и статуи богини Кали… Наконец, мир вокруг перестал меняться и превратился в Париж.

Тридцатьтретиймушкетёр

На площади собрались Его Просветлейшество Король Людовик, Её Величество Королева Анна, сенцей Лесли Нильсен и все мушкетёры. Пролетал мимо и дух герцога Бэкингема, направлявшийся не то в Китай, не то в Японию.

«Или в Индию», – подумал д'Артаньян.

Кроме мушкетёров, Короля, Королевы и Лесли Нильсена на площади были ещё двое. Один был похож на испанца в длинном чёрном плаще и широкополой шляпе, с самурайским мечом на поясе. Второй – в зелёном плаще с откинутым капюшоном, золотые волосы его, казалось, отражают свет самого Солнца.

– Добро пожаловать в ряды мушкетёров, д'Артаньян, – сказал Лесли Нильсен. – Церемонию посвящения тридцать третьего мушкетёра объявляю открытой!

– Одну минуточку, – сказал человек в чёрном плаще. – Я только книгу допишу…

> …Кардинал, желающий украсть Жемчужину, послал за ней Благородство в лице герцога Бэкингема, но Благородство не смогло постичь её. Тогда кардинал послал за Жемчужиной Хитрость в лице миледи Винтер, но Хитрость не могла перехитрить её. Наконец, Королева послала за Жемчужиной Пустой Ум в лице д'Артаньяна, и Пустой Ум вернул ей Жемчужину…

– Вот, теперь всё, – сказал человек в чёрном. – Альф, распишись.

Человек с золотыми волосами нарисовал на бумаге какой-то знак кончиком пальца.

– Привыкай писать кончиком пальца, Эльдорадо, – сказал он. – А то так и не достигнешь просветления. И потом, как учил Дон Хуан – вдруг встретишь где-нибудь твои книги, которые будут ходить сами по себе…

– Да ладно тебе, Альф! – сказал Эльдорадо. – Я этим деньги зарабатываю.

– Зачем? – спросил Альф.

– А действительно, незачем! – воскликнул Эльдорадо, и оба они расхохотались.

Только теперь д'Артаньян понял, что они с Атосом, Портосом и Арамисом уже в Париже, в реальном Париже, что это и есть реальный мир, а не астральное видение. Хотя, кто сможет отличить реальный мир от астрального? И вообще, разумно ли

применять здесь слово «реальный»?

– Приветствую вас, господа! – сказал Король. – Сегодня мы, наконец, завершим то, к чему готовились долгие годы!

Д'Артаньян заметил, что Король надел ожерелье с Жемчужиной Дао, а рядом с ним стояла золотая статуя Будды, на которой было написано на санскрите: «Я в нирване, просьба не беспокоить!»

– Итак, сегодня наши ряды пополнятся тридцать третьим мушкетёром, – продолжал Король. – И, кроме того, нам сегодня оказали великую честь своим присутствием на церемонии сэр Эльдорадо и лорд Гордон-Альф Шамвэй, наши покровители.

Король указал рукой на Эльдорадо и Альфа, которые при этом встали и поклонились. Д'Артаньян только сейчас понял, что сэр Эльдорадо одет как мушкетёр, – вернее, наоборот, мушкетёры были одеты как сэр Эльдорадо, – с точным соблюдением всех деталей. Хотя нет, братья Карден и Версаче всё-таки внесли в мушкетёрскую форму некоторое разнообразие. И, кроме того, д'Артаньян с удивлением обнаружил, что и сам он одет в мушкетёрскую форму, хотя раньше он носил синий плащ практикующих магов. А ещё д'Артаньян понял, что именно сэр Эльдорадо тогда приказал ему ехать в Париж, явившись в астральном видении, когда д'Артаньян медитировал на стогу сена.

– Слово предоставляется сенцею королевских мушкетёров, Лесли Нильсену, – сказал Король.

Лесли Нильсен поднялся со своего места и начал говорить:

– Давно было предсказано, что мушкетёров должно быть тридцать три. Мы долго отсеивали претендентов, примеряли пророчества чуть ли не на всех жителей Парижа, – кстати, спасибо за пророчества лорду Дюмону, нашему провидцу, которого в незапамятные времена привёл в наш мир сэр Эльдорадо. Именно благодаря этим пророчествам мы и зачисляли в ряды мушкетёров особенно отличившихся людей – Фанфан-Тюльпана, Картуша, Атоса, Портоса, Арамиса и остальных. Каждый из тех тридцати трёх, что сейчас присутствуют здесь, отличился не раз, продемонстрировав свои нестандартные способности. И вот теперь в наши ряды вступает д'Артаньян, тот самый тридцать третий мушкетёр, которого мы так долго искали. Почему он так важен для нас? Да потому что он – последний. А последний всегда важен! Итак, д'Артаньян, ты получил мушкетёрскую форму. Тебе осталось выполнить только одно условие – забыть своё имя.

– А что, у меня есть имя? – спросил тридцать третий мушкетёр.

– Теперь уже нет, – ответил сенцей. – И пусть каждый из вас забудет те глупые клички, которыми мы вас наградили, чтобы как-то отличать вас друг от друга. Все поняли? Все забыли?

– Конечно, – ответили мушкетёры.

– Тогда я передаю слово сэру Эльдорадо, – сказал безымянный сенцей, усаживаясь в позу лотоса перед своими мушкетёрами.

– По поводу числа 34 у нас с недавних пор ходят легенды, – улыбнулся Эльдорадо, вставая и обращаясь к мушкетёрам. – А если подумать, то легенды об этом числе ходят по миру с незапамятных пор. Вас тридцать три мушкетёра плюс ваш сенцей – итого тридцать четыре. Как там было у Пушкина, Альф, ты помнишь?

– И очутятся на бреге в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря, – подсказал Альф. – Дальше уж не помню, только с ними был дядька Черномор, итого тридцать четыре.

– Ага, – кивнул Эльдорадо. – И даже в масонских обществах наподобие кардинальских сект высшая степень посвящения называется тридцать третьим градусом, что тоже указывает на близость к числу тридцать четыре, но у кардиналистов, вы знаете, всё через задницу, вот на одну цифру и недотянули. Про число 34 можно ещё много чего порассказать, если что, за подробностями к Пелевину обращайтесь. Ну, так вот, короче говоря, раз уж Пушкин писал про тридцать четырёх богатырей – а Пушкин был нашим человеком, хоть он и русский по национальности, что вообще-то большой минус, хотя, правда, кто-то из предков его, кажется, негром был… Ладно, неважно. Короче, решили мы его проект воссоздать. Обратились к стандартному мушкетёрскому сюжету и в итоге получили… то, что получили.

– Ну, что ж, – подхватил Альф, видя, что Эльдорадо иссяк. – Да будет так. Все тридцать четыре богатыря в сборе. Ваше Величество, командуйте.

– После нас – хоть потоп, – улыбнулся Король. – Ну что, парни, уходим в нирвану?

– Да! – хором откликнулись тридцать четыре голоса.

– А тридцать четыре плюс Король с Королевой – это тридцать шесть, а тридцать шесть – это три раза по двенадцать и девять раз по четыре, – сказал Эльдорадо, высчитывавший что-то на калькуляторе. – Одним словом, правильно всё. На двенадцать делится.

– Ура! – воскликнул Альф.

– Ура! – воскликнули Король и Королева.

И вдруг всё осветилось ослепительной вспышкой золотого света, который исходил не то от Солнца, не то от волос лорда

Шамвэя. Тот кусок пустоты, который когда-то был д'Артаньяном, увидел Вселенную. Она была огромным шаром, внутри которого бегало множество маленьких огоньков. А за шаром лежала пустота, из которой когда-то возникло всё. По крайней мере, так показалось куску пустоты, который когда-то был д'Артаньяном…

– Ну, нет, – донёсся голос сэра Эльдорадо. – Прежде чем вы все уйдёте в нирвану, вам ещё надо тридцать четыре раза совершить по тридцать четыре подвига. Сколько всего подвигов, я не посчитал, в калькуляторе сели батарейки, а я никогда не дружил с математикой. Одним словом, вам ещё придётся побегать по сансаре, иначе несмешно получится.

– Да, – кивнул Альф. – Мы специально для вас такие подвиги отбирали, что я уверен, мы все уржёмся, когда будем смотреть, как вы их выполняете. А когда вы всё завершите и вновь соберётесь вместе – тогда снова в нирвану. Понятно?

– Да, сэр! – откликнулся тридцатишестиголосый организм, распадаясь на отдельные части.

Д'Артаньян почувствовал, как его поливают из чайника водой, и удовлетворённо пробормотал: «Ой, тёпленькая!» И тут же он вспомнил, что они с друзьями каждый год, тридцать первого декабря ходят в баню… А ещё он вспомнил, что ему надо заскочить в Индию… Жизней впереди много…

Путешествие наших героев по вихрям сансары продолжалось.

Пророчество Короля «После нас – хоть потоп» сбылось. Когда из Франции исчезли Король, Королева, мушкетёры и Жемчужина Дао со статуей Будды, вместе с ними исчезла и вся магия. И разразилась Великая Французская Революция, начавшаяся взятием Бастилии, где всё ещё сидел жаждущий мести кардинал. Через некоторое время к власти пришёл Наполеон Бонапарт, который по всему миру искал Жемчужину Дао, способную подарить ему бессмертие и совершенную мудрость… Но Жемчужины Наполеон так и не нашёл. А потом в мире наступила демократия, и лорд Шамвэй с сэром Эльдорадо поняли, что надо это как-то исправлять… Но это уже совсем другая история.

Сэр Эльдорадо, 16 августа 2005 – 29 января 2006.

THE END